

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

G. G. G.

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Москва
Эллис Лак
1999

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

2

КНИГА ВТОРАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1959 — 1966

Москва
Эллис Лак
1999

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44
А95

Составление, подготовка текста, комментарии, статья
Н.В. Королевой

Художник *А.А. Зубченко*

На суперобложке: Анна Ахматова. 1950-е годы

На первом форзаце:
Светильники и сфинкс. 1912
Гравюра *А.П. Остроумовой-Лебедевой*

На втором форзаце:
Академия наук зимой. 1912
Гравюра *А.П. Остроумовой-Лебедевой*

Редакционно-издательский совет:
А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)
Н.Б. Волкова
(директор РГАЛИ)
Н.В. Королева
С.А. Коваленко
Т.А. Горькова
В.Н. Сергутин
С.Ф. Федотов

© Эллис Лак, 1999
© Н.В. Гумилева, 1999
© Н.В. Королева. Составление,
подготовка текста, комментарии,
статья, 1999

ISBN 5-88889-024-3 (т. 2, кн. 2) © А.А. Зубченко. Художест-
венное оформление, 1999
ISBN 5-88889-029-4

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959
Ленинград

ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

11 июля 1959

Комарово

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта * позорное пламя
Его заклеямило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

* Лайм-лайт — limelight — свет рамп (англ.).

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят.

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

23 июля 1959
Комарово

ЛИШНЯЯ

<Из цикла «Песенки»>

Тешил — ужас. Грела — вьюга.
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?
Если хочешь — расколдую,
Доброй быть позволь:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

Июль 1959

Комарово

Когда уже к неведомой отчизне
Ее рука незримая вела,
Последней страстью этой черной жизни
Божественная музыка была.

.....

.....

Прощенье ли услышать ожидала,
Прощанье ли вставало перед ней.

.....

.....

Иль тайна тайну к жизни вызывала
И тайна тайну хоронила там,

Иль музыка ей возвращала снова
Последнюю из тех пяти бесед,
И чудилось несказанное слово
И с того света присланный ответ.

1 августа 1959

Комарово

СКОРОСТЬ

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила и всем овладела
И ничего не взяла.

*8 августа 1959, утро
Комарово*

БРЕДЫ

Самолет приблизился к Парижу

.....

Кроме сосен никого не вижу,
С соснами короткий разговор.

14 августа 1959

Комарово

...И черной музыки безумное лицо
На миг появится и скроется во мраке,
Но я разобрала таинственные знаки
И черное мое опять ношу кольцо.

3 сентября 1959
Голицыно

Но тебе не дала я кольца,
Снег платочка к глазам прижимая.
Я не знаю жесточе конца
И безвиннее жертвы не знаю.

—

Ты меж сосен со мною
..... с улыбкою летней
.....
В мире не было розы запретней.

11 октября 1959
Ордынка

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Сегодня я туда вернусь,
Где я была весной,
Я не горюю, не сержусь,
И только мрак со мной.
Как он глубок и бархатист,
И всем всегда родной,
Как с дерева летящий лист,
Как ветра одинокий свист
Над гладью ледяной.

12 октября 1959

Ордынка

Не страдай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник — разлукой.
Ничего, что не встретим зарю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальными в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться.
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний, —
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

15 октября 1959

[Ордынка], Ярославское шоссе

Что ты можешь еще подарить? —
Той сияющей сущности пламя,
Вечность вечную и меж камнями
Место, где мои кости сложить.
Кто придумал тебя, кто привел
В миг, когда угрожало удушье
.....
Вечность вечная — дело пустое
Октябрь <^> 1959

ТВОРЧЕСТВО

... говорит оно:

«Я помню все в одно и то же время,
Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу, а в недрах тайно зреет семя
Грядущего...»

14 ноября 1959

Ленинград

НАСЛЕДНИЦА

От Сарскосельских лип

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
Средь этих опустелых зал.
О, кто бы мне тогда сказал,
Что я наследую все это:
Фелицу, лебедя, мосты
И все китайские затеи,
Дворца сквозные галереи
И липы дивной красоты.
И даже собственную тень,
Всю искаженную от страха,
И покаянную рубаху,
И замогильную сирень.

20 ноября 1959

Ленинград. Красная Конница

Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот.
О, как он строг и точен,
Незримого расчет.

Зверей стреляют разно,
Есть каждому черед
Весьма разнообразный,
Но волка — круглый год.

Волк любит жить на воле,
Но с волком скор расчет:
На льду, в лесу и в поле
Бьют волка круглый год.

Не плачь, о друг единый,
Коль летом иль зимой
Опять с тропы волчиной
Ты крик услышишь мой.

20 ноября — 2 декабря 1959

Ты первый сдался — я молчала
Пред тем, что нас постигло. Ты!
Ты первый поднял покрывало,
Открыл бессмертные черты.

Осень 1959

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной, —
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но увы! Не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1 декабря 1959

Ленинград, Красная Конница

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: средь белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Ни звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается,

Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды —
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1 декабря 1959

Ленинград

Красная Конница

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на все свои законы
И, быть может, одичалый нрав.

Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

24 декабря 1959

Ленинград, Красная Конница

ПОСВЯЩЕНИЕ ЦИКЛА
«ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ»

And thou art distant in humanity.

Keats *

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер жесткий и сухой
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

24 декабря 1959
Ленинград

* И ты далеко в человечестве. Китс (англ.).

И отнять у них невозможно
То, что в руки они берут,
Хищно, бережно, осторожно,
Как... меж ладоней трут.

..... поэта убили,
Николай правей, чем Ликург.
Чрез столетие получили
Имя — Пушкинский Петербург.

Безымянная здесь могила
.....
Чтобы область вся получила
Имя «мученика сего».

26 декабря 1959

Неправда, не медный, неправда, не звон,
А тихий (?) и хвойный таинственный стон
Они издают иногда.

31 декабря 1959

Комарово

Как слепоглухонемая,
Которой остались на свете
Лишь запахи, я вдыхаю
Сырость, прелость, ненастье
И мимолетный дымок...

Декабрь <?> 1959

Мне веселее ждать его,
Чем пировать с другим...

Декабрь <?> 1959

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гудит.

1959

ИЗ НАБРОСКОВ

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя,
И знали мы, что очень близок срок.

1959

ПРОЩАЛЬНАЯ

<Из цикла «Песенки»>

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

...Но в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.

1959

Не давай мне ничего на память,
Знаю я, как память коротка.

1959

Там оперный еще томится Зибель
И закликает милые цветы,
А здесь уже вошла хозяйкой — гибель,
И эта гибель — это тоже ты.

Конец 1959 или начало 1960 г.

ОТРЫВОК

Так вот где ты скитаться должна,
Тень от тени, чужая невеста! —
Неужели же ты не нашла
Для прогулок отраднее места.
Эти пашни припудрив чуть-чуть,
Здесь предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.

Разве плохо казалось тебе
У зеленого теплого моря,
Что, покорствуя странной судьбе,
Ты пошла на такое, не споря?
Ты запретнейшая из роз,
Ты на царство венчанная дважды,
Здесь убьет тебя первый мороз,
Здесь умрешь от... жажды.
Набок съехавший куполок,
Лужи, гуси и поезда звуки...
А сожженный луной тополек
Тянет к небу распятые руки.

.....
Звезд загадочные изумруды,
Ржавой прелой душистой листвы
Под ногою шуршащие груды.
.....

.....
Но молчит, заколдована, тень,
Мне ни слова не отвечает.

Конец 1959—1960

МЕЛХОЛА

Но Давида полюбила... дочь Саула, Мелхола.
Саул думал: отдам ее за него, и она будет ему сетью.

Первая Книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И громко победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола — Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат,
В зеленых глазах иступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движеньи.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,

И мой помрачается дух.
Бесстыдство мое! Унижение мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него не похож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

1959—1961

Тебя прямо в музыку спрячу,
Не в песнеживи

1959 <?>

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета.

1959 <?>

Это ты осторожно коснулся
Очарованной }
Заколдованной } жизни моей.

1959—1962 <?>

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем.
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.
Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,
Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959 <?>

На свиданье с белой ночью
 Скоро я от вас уеду.
 Знаю все ее уловки —
 Как она без солнца светит,
 Что она в себе таит.

.....

И лишенная покрова,
 Словно проклятая кем-то,
 Вся она вокруг стоит.

.....

Слушать ей — а мне молчать.

1959 <?>

Не лги мне, не лги мне, не лги мне,
Я больше терпеть не могу.
В каком-то полуночном гимне
Живу я на том берегу.

1959 <?>

Я бросила тысячи звонниц
В мою ледяную Неву,
И я королевой бессонниц
С той ночи повсюду слыву.

1959 <?>

... и это грозило обоим,
И это предчувствовал ты...
Мы жили под огненным зноем
Незримой и черной звезды.
Конечно, нам страшно встречаться...

1959 <?>

Нужен мне он или не нужен —
Этот титул мной заслужен.

1959 <?>

Там завтра мое улыбаясь сидело
.....не пило, не ело.

1959 <?>

ГОРОДУ

Весь ты сыгранный на шарманке,
Отразившийся весь в Фонтанке,
С ледоходом уплывший весь
И подсунувший тень миража,
Но довольно — ночная стража
Не напрасно бродила здесь.

.....

Ты как будто проигран в карты
За твои роковые марты
И за твой роковой апрель

.....

1950-е годы. Крещение

Не то чтобы тебя ищу,
Мне долю не принять такую,
Но в этот кадр тебя вмещу,
В тот пейзаж тебя врисую.

1950-е годы

Всех друзей моих благодарю:
 И того, с кем ... я встречала
 Позднюю январскую зарю,
 И того, кто, выпив горечь града,
 Долго здесь вокруг меня бродил,
 Видел купы лип и прелесть сада

 Но мой круг волшебный пощадил.
 1950-е годы

Там зори из легчайшего огня.
Там тени,
Там музыка рыдала без меня
И без меня упала на колени.

1950-е годы

Ты, крысоловьей дудкою маня,
Был тоже там, где и другие тени...
Но музыка рыдала без меня
И без меня упала на колени.

1950-е годы

Снова ветер знойного июля

.....

По-узбекски своего буль-буля

Звонко хвалят.

Барабаны бьют.

1950-е годы

[ТАШКЕНТ]

Затворилась навек дверь его.
А закат этот символ разлук...
Из того ж драгоценного дерева —
Эта скрипка и тот же звук.

1950-е годы

.....
И от Царского до Ташкента
Протянулась бы кинолента
.....

1950-е годы

Без крова, без хлеба, без дела
Жила я на радость врагам,
Я иначе жить не хотела

.....

1950-е годы

И не дослушаю впотьмах
Неконченную фразу.
Потом в далеких зеркалах
Все отразится сразу.

1950-е годы

И прекрасней мраков Рембрандта
Просто плесень в черном углу.

1950-е годы

Мне безмолвие стало домом
И столицей — немота.

1950-е годы <?>

Ты не хотел меня такой
Какой я очень скоро стала,
[Капризной знаменитой злой] —
И знаменитой и усталой
Таинственной и чужой.

1950-е годы <?>

О, как меня любили ваши деды,
Улыбчиво, и томно, и светло.
Прощали мне и дольки, и бреды,
И киевское помело.
Прощали мне (и то всего милее)
Они друг друга.....
И помнят царскосельские аллеи
Легчайший шаг и тихий голос мой.
А я не помню — я в гостях у смерти
Была так долго и так много раз,
Что верьте мне теперь или не верьте
.....

Конец 1950-х — начало 1960-х годов

И по собственному дому
Я иду, как по чужому,
И меня боятся зеркала.
Что в них, Боже, Боже! —
На меня похоже...
Разве я такой была?

Конец 1950-х — 1960-е годы

И юностью манит, и славу сулит,
Так снова со мной сатана говорит:

«Ты честью и кровью платила своей
За пять неудачно придуманных дней,

За то, чтобы выпить ту чашу до дна,
За то, чтобы нас осветила луна,

За то, чтоб присниться друг другу опять,
Я вечность тебе предлагаю, не пять

До света тянувшихся странных бесед.
Ты видишь — я болен, растерзан и сед,

Ты видишь, ты знаешь — я так не могу».
Я руку тогда протянула врагу,

Но он превратился в гранатовый куст,
И был небосклон над ним огнен и пуст.

Горы очертания — полночь — луна,
И снова со мной говорит сатана,

И черным крылом закрывая лицо,
Заветное мне возвращает кольцо.

И стонет и молит: «Ты мне суждена,
О, выпей со мною хоть каплю вина».

К чему эти крылья и это вино, —
Я знаю тебя хорошо и давно,

И ты — это просто горячечный бред
Шестой и не бывшей из наших бесед.

29 января — 6 февраля 1960

Красная Конница

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодных сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит,
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбывшая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуночная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,
Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутинном углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

Февраль 1960
Ленинград

Смирение! — не ошибись дверьми,
Войди сюда и будь всегда со мною.
Мы долго жили с разными людьми
И разною дышали тишиною.

Февраль 1960

И опять по самому краю
Лунатически я ступаю.

20 мая 1960

Остоженка

СМЕРТЬ ПОЭТА

Как птица, мне ответит эхо.

Б. П<астернак>

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1 июня 1960

Москва. Боткинская больница

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он Вышнюю волей храним.

11 июня 1960

Москва. Боткинская больница

Хулимые, хвалимые!
Ваш голос прост и дик,
Вы не переводимые
Ни на один язык.
Надменные, безродные,
Бродившие во тьме, —
Вы самые свободные,
А родились в тюрьме.
Мое благословение
Я вам сегодня дам,
Войдете вы в забвение,
Как люди входят в храм.

1 июля 1960

Ордынка

Шутки — шутками, а сорок
Гладких лет в тюрьме,
Пиршества из черствых корок,
Чумный страх во тьме,
Одиночество такое,
Что — сейчас в музей,
И предательство двойное
Ближних и друзей.

.....

22 июля 1960

(после операции 7 июля)

Красная Конница

И меня по ошибке пленило,
Как нарядная пляшет беда...
Все тогда по-тогдашнему было,
По-тогдашнему было тогда.

.....
Я спала в королевской кровати,
Голодала, носила дрова.
Там еще от похвал и проклятий
Не кружилась моя голова

На тебя, словно в омут, смотрю

13 августа 1960

И в памяти черной, пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

9 сентября 1960

Комарово

САМОЙ ПОЭМЕ

...и слово в музыку вернись.

О. М<андельштам>

Ты растешь, ты цветешь, ты — в звуке.
Я тебя на новые муки
Воскресила — дала врагу...
Восемь тысяч миль не преграда,
Песня словно звучит из сада,
Каждый вздох проверить могу.
И я знаю — с ним ровно то же,
Мне его попрекать негоже,
Эта связь выше наших сил, —
Оба мы ни в чем не виновны,
Были наши жертвы бескровны —
Я забыла, и он — забыл.

20 сентября 1960

Комарово

СОНЕТ-ЭПИЛОГ

Против воли я твой, царица, берег покинул.

«Энеида», песнь VI

Ромео не было, Эней, конечно, был.

А. Ахматова

Г о в о р и т Д и д о н а:

Не пугайся, — я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты — иль человек прохожий? —
Тень твою зачем-то берегу.

Был недолго ты моим Энеем,
Я тогда отделилась костром.
Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, — плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

21 сентября 1960 Оконч<ено> 29 июня — 2 августа 1962
Комарово Комарово

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

25 сентября 1960

Комарово

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу»,
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттрепет,
И опять весь год ни гу-гу.

<8> октября 1960

Моею Музой оказалась мука.
Она со мною кое-как прошла
Там, где нельзя, там, где живет разлука,
Где хищница, отведавшая зла.

Осень 1960

ПАМЯТИ АНТЫ

...Пусть это даже из другого цикла:
Мне видится улыбка ясных глаз
И — «умерла» — так жалостно приникло
К прозванью милому, как будто в первый раз
Его я слышала.

Осень 1960

Красная Конница

Кто его сюда прислал
Сразу изо всех зеркал

Ночь безвинна, ночь тиха...
Смерть прислала жениха.

Осень 1960

И луковки твоей не тронул золотой,
Глядели на нее и Пушкин, и Толстой.

Осень 1960

И жесткие звуки влажнели, дробясь,
И с прошлым и с будущим множилась связь.

Осень 1960

И это б могла, и то бы могла,
А сама, как береза в поле, легла,
И кругом лишь седая мгла.

1960

Вы чудаки, вы лучший путь
Избрать себе могли бы,
И просто где-то отдохнуть,
Чем быть со мной на дыбе.

1960

Ни вероломный муж, ни трепетный жених,
.....кто-то третий,
Который предпочел моим — чужие сети,
Не снится мне давно уже никто из них.

Пройденные давно все сожжены мосты
И смертные врата меня принять готовы.

1960

От этих антивстреч
Меня бы уберечь
Ты мог...

1960

...горчайшей смерти чашу
(нам не простили ничего)
Что ничего нам не простит
И даже гибель нашу.

1960

ПОДРАЖАНИЕ КАФКЕ

Другие уводят любимых,
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижу.

Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

И там в совещаниях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили — виновна она.

Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор,
А где-то чернеет от зноя
Огромный небесный простор.

И полное прелести лето
Гуляет на том берегу,
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.

Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960 <3 марта> 1961
Комарово

...что с кровью рифмуется,
Кровь отравляет
И самой кровавою в мире бывает.

1960—1965 <?>

ПЕТЕРБУРГ В 1913 ГОДУ

За заставой воет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещий,
Тут еще чудеса похлеще.
Но уйдем — мне некогда ждать.

<13> января 1961

Ордынка

Слышишь, ветер поет блаженный
То, что Лермонтов не допел.
А за стенкою альт колдует —
Это с нами великий Бах.

*11 февраля 1961
Красная Конница*

КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1 марта 1961

Красная Конница

...И теми стихами весь мир озарен
.....
А вдруг это только священных имен
Надгробное в ночи сиянье?..

13 марта 1961
Ленинград, Красная Конница

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы, —
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копеек,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже *это* мне не трудно.

*30 марта 1961. Вербное воскресенье
Ленинград. Красная Конница*

А я говорю, вероятно, за многих:
Юродивых, скорбных, немых и убогих,
И силу свою мне они отдают,
И помощи скорой и действенной ждут.

30 марта <?> 1961

Ленинград, Красная Конница

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

Апрель 1961

СОСНЫ

Не здороваются, не рады! —
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют.

9 мая 1961

Комарово

Как будто я все ведала заранее,
Как будто я алмазную дарани
В то утро очень много раз прочла.

24 мая 1961

И анютиных глазок стая
Бархатистый хранит силуэт, —
Это бабочки, улетаю,
Им оставили свой портрет.
Ты другое... Ты б постыдился
Быть, где слезы живут и страх,
И случайно сам отразился
В двух зеленых пустых зеркалах.

3 июня 1961

Комарово

Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой,
Я стала песней и судьбой,
Сквозной бессонницей и вьюгой.
 Меня бы не узнали вы
 На пригородном полустанке
 В той молодящейся, увы,
 И деловитой парижанке.

8/9 июня 1961. Ночь
Комарово

БЕГ ВРЕМЕНИ

Что войны, что чума! — конец их виден скорый,
Им приговор почти произнесен...
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

10 июня 1961

Комарово

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть, —
Присягнули — проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с ними я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.

<21 июня> 1961

Хозяйка румяна, и ужин готов,
И царствует где-то Борис Годунов...

Июнь—июль <?> 1961

Москва. На Ордынке

Как жизнь забывчива, как памятлива смерть.

<15> июля 1961

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

18 июля 1961 Окончено 5 августа 1961
Ордынка Комарово

Угощу под заветнейшим кленом
Я беседой тебя не простой, —
Тишиною с серебряным звоном
И колодезной чистой водой, —
И не надо страдальческим стоном
Отвечать... Я согласна, — постой, —
В этом сумраке темно-зеленом
Был предчувствий таинственный зной.

Июль — август 1961

Комарово

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

Девятисотые годы

А в переулке забор дощатый...

Н. Г<умилев>

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Темник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугунки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,

И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы
С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозничий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадают гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьею,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

3 августа 1961. Утро
Комирово

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

*4 августа 1961. Ночь
Комарово*

ВЫХОД КНИГИ

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт — приветливый хозяин,
Читатель — благосклонный гость.

Один поэт ведет в хоромы,
Другой — под своды шалаша,
А третий — прямо в ночь истомы,
Моим — и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет — какое чудо,
Какая черная звезда? —

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом — сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

13 августа 1961 (днем)
Комарово

АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы!»
И старый вождь узрел тот город горделивый,
Каким он знал его еще когда-то встарь.
Все, все предать огню! И царь перечислял
И башни, и врата, и храмы — чудо света,
Как будто для него уже иссякла Лета,
Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
«Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

Октябрь 1961

Больница им. Ленина (Гавань)

НАС ЧЕТВЕРО

Комаровские наброски

Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены.

О. М<андельштам>

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б. П<астернак>

О, Муза Плача...

М. Ц<ветаева>

... И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом-хранителем места сего
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

19—20 ноября 1961

Ленинград. Больница в Гавани

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней, —
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,

Да, для нас это хруст на зубах.

И мы мелем, и месим, и крошим

Тот ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1 декабря 1961

Ленинград. Больница. Гавань

Больничные молитвенные дни
И где-то близко за стеною — море
Серебряное — страшное, как смерть.

1 декабря 1961

Больница

СЛУШАЯ ПЕНИЕ

Женский голос, как ветер, несется,
 Черным кажется, влажным, ночным,
 И чего на лету ни коснется —
 Все становится сразу иным.
 Заливает алмазным сияньем,
 Где-то что-то на миг серебрит
 И загадочным одеяньем
 Небывалых шелков шелестит.
 И такая могучая сила
 Зачарованный голос влечет,
 Будто там впереди не могила,
 А таинственной лестницы взлет.

*19 декабря 1961 (Никола Зимний)
 Больница им. Ленина
 (Вишневская пела «Бразильскую баховиану»)*

Недуг томит — три месяца в постели.
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

Декабрь 1961

И музыка тогда ко мне
Тернового пути *еще* не знала.

1961

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

1961 <?>

[Не знаю, что меня вело
Тогда над безднами такими.]

1961 <?>

Что таится в зеркале? — Горе...

Что шумит за стеной? — Беда.

1961 <?>

Ромео не было, Эней, конечно, был.

Конец 1961

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

14 апреля 1962

Ленинград

Как зеркало в тот день Нева лежала,
Закатом раскалившись докрасна,
И все оно распахнуто стояло —
Огромное преддверие — весна.

Апрель<?> 1962

ПОЧТИ В АЛЬБОМ

...и третье, что нами владеет всегда
И кажется призрачным раем...
Чувство оно или просто беда —
Мы никогда не узнаем.
Может быть, где-нибудь вместе живем,
Бродим по мягкому лугу,
Здесь мы помыслить не можем о том,
Чтобы присниться друг другу.
Как я безмолвно благодарю
Рок мой за подвиг жестокий
И как свободно кому-то дарю
Эти волшебные строки.

12 июня 1962

Ленинград

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

13 июня 1962
Ленинград

Что у нас общего? Стрелка часов
И направление ветра? —
Иль в глубине оснеженных лесов
Очерк мгновенного кедра,
Сон? — что как будто ошибся дверьми
И в красоте невозвратной
Снился ни в чем не повинной, — возьми
Страшный подарок обратно...

7 июня 1962 (день)

Комарово

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок

И. Б<родский>

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Комарово. 9 августа 1962

И северная весть на севере застала
Средь вереска, зацветшего вчера,
Жасмина позднего и даже этой алой
Не гаснущей зари.

13 августа 1962

...полупрервана беседа

.....

И речью благосклонного соседа

Тогда мне показалась эта весть.

13—16 <?> августа 1962

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать божественных весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

13 сентября 1962. Комарово (ночь)

ЗАЩИТНИКАМ СТАЛИНА

Это те, кто кричали: «Варраву! —
Отпусти нам для праздника...», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

25 октября 1962
Москва

ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

Отрывок

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну ладно, ладно, по рукам».
А облака — ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник.

<До 13 сентября> 1962

Комарово

А тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почем у нас совесть и страх.

1962

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Последнее слово

...Men che dramma
Di sangue m'è rimasto, che non tremi,
Conosco i segni dell'antiqua fiamma.

*Dante. Purg <atorio>. XXX **

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось и грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

* Меньше грамма
Осталось у меня крови, которая бы не трепетала.
Узнаю следы бывшего огня.

Данте. Чистилище, песнь XXX (ит.).

И от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, наверное, нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

1962

Москва

Все это было — твердая рука
И полувиноватая улыбка,
Но делать нечего, и пусть пока
Все это именуется ошибкой
Жестоккой...

1962

Если бы тогда шальная пуля
Легкою тропинкою июля
Увела меня куда-нибудь...

1962

Спасали всегда почему-то кого-то,
Кто рядом со мною стоит.

1962

Путь мой предсказан одною из карт,
Тою, которой не буду...
Из королев на Марию Стюарт,
(Гамлетову Гертруду)

1962

Поэт не человек, он только дух —
Будь слеп он, как Гомер,
Иль, как Бетховен, глух, —
Все видит, слышит, всем владеет...

1962

Твой месяц май, твой праздник —
Вознесенье.

1962

(«ИЕРЕМИЯ» СТРАВИНСКОГО)

И вот из мрака встает одна
Еще чернее, чем темнота,
Но мне понятен ее язык, —
Он как пустыня и прям и дик,
И вот другая — еще черней,
Но что нас связывает с ней.

1962

Там такие бродят души, —
Спят такие сны...
И я все согласна слушать,
Кроме тишины.

1962 <?>

Так скучай обо мне поскучнее
И побудничнее томись.

1962 <?>

Не находка она, а утрата,
 И не истина это, а — ложь...
 Ты ее так далеко запрятал,
 Что и сам никогда не найдешь.

.....

Так не прячут, весь мир заполняя
 Тенью тени и эхом таким.

1962 <?>

Превращая концы в начала,
Верно, людям я спать мешала.

1962 или 1963 <?>

Так уж глаза опускали,
Бросив цветы на кровать,
Так до конца и не знали,
Как нам друг друга назвать.
Так до конца и не смели
Имя произнести,
Словно замедлив у цели
Сказочного пути.

25 февраля 1963
Москва

Все в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь,
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.

Февраль 1963

Москва

Кого просить, куда бежать,
Кому валиться в ноги...

Февраль <?> 1963

ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolée.

Gerard de Nerval *

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта 1963

Комарово

* ...ты, который утешил меня.

Жерар де Нерваль (фр.).

Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!

31 марта 1963

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебнейший вечер, —
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит —

мне снишься Ты!..

Доплясавший свое пред Ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени!.. Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне как прежде — «Ты».

13 мая 1963. Днем

Комарово

(Холодно, серо, мелкий дождь)

ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам, в сущности, дело,
 Что все превращается в прах,
 Над сколькими безднами пела
 И в скольких жила зеркалах.
 Пускай я не сон, не отрада
 И меньше всего благодать,
 Но, может быть, чаще, чем надо,
 Придется тебе вспоминать —
 И гул затихающих строчек,
 И глаз, что скрывает на дне
 Тот ржавый колющий веночек
 В тревожной своей тишине.

6 июня 1963

Москва. Ордынка

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупно мерил,
Ухмыляясь из-за бойких строк,
Но стоял, как на коленях, клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой верный друг, мой старый Север,
Утешал меня, как только мог.
В нехорошей стыла я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме,
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости, а ничего — живи».

30 июня 1963

Комарово

...и умирать в сознании горделивом,
Что жертв своих не ведаешь числа,
Что никого не сделала счастливым,
Но незабвенною для всех была.

Июнь 1963

Комарово, Будка

Но мы от этой нежности умрем
.....повсюду третья
Не оставляет никогда вдвоем,
Как призрак отлетевшего столетья.
.....душит мак,
И говорит со мной опять виола,
И мы летим, и снова всюду мрак,
И кажется я говорю: — Паоло.

Июнь—июль 1963

ЗОВ

(Arioso dolente)

Бетховен, оп. 110

И в предпоследней из сонат
Тебя я скрыла осторожно,
О, как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне,
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

Комарово

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

O quae beatam, Diva,
tenes Cyprum et Memphis...

Hor *.

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

5 июля 1963

Комарово

* О богиня, которая владычествует
над счастливым островом Кипром и Мемфисом...
Гор<аций> (лат.).

ЕЩЕ ТОСТ

За веру твою и за верность мою,
За то, что мы оба в проклятом краю,
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов,
За то, что плывет все, беззвучно скользя,
За то, что нам видеть друг друга нельзя,
За все, что мне снится еще и теперь,
Хоть прочно туда заколочена дверь.

6 июля 1963 (утро)

Комарово

И ПОСЛЕДНЕЕ

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И, никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет оканные стихи.

23—25 июля 1963

СОНЕТ

Я тебя сама бы увенчала
(И бессмертного коснулась лба).
Да за это Нобелевки мало,
Чтоб такое выдумать, Судьба!

Перерыла ль ты твои анналы,
Прибежала ль демонят гурьба,
Иль туман вокруг поднялся алый,
Или мимо пронесли гроба?

Июль <?> 1963

Стряслось небывалое, злое,
Никак не избудешь его,
И нас в этой комнате трое,
Что, кажется, хуже всего.

С одной еще сладить могу я,
.....
Но кто мне подсунул другую,
И как с ней теперь совладать.

В одной — и сознание, и память,
И выдержка лучших времен.
В другой — негасимое пламя.
.....
Другая — два светлые глаза
И облачное крыло.

Июль <?> 1963

Не с такими еще разлучалась,
Не таких еще слала во тьму,
Отчего же палящая жалость
К сердцу черному льнет моему?
Нам домучиться мало осталось...
Дай мне..... и тюрьму.

Июль—август <?> 1963

ПЯТАЯ РОЗА

Дм. Б<обыше>ву

Звалась Soleil * ты или Чайной
И чем еще могла ты быть?..
Но стала столь необычайной,
Что не хочу тебя забыть.

Ты призрачным сияла светом,
Напоминая райский сад,
Быть и Петрарковским сонетом
Могла, и лучшей из сонат.

А те другие — все четыре
Увяли в час, поникли в ночь,
Ты ж просияла в этом мире,
Чтоб мне таинственно помочь.

* Soleil — солнце (фр.).

Ты будешь мне живой укорой
И сном сладчайшим наяву...
Тебя Запретной, Никоторой,
Но Лишней я не назову.

И губы мы в тебе омочим,
А ты мой дом благослови,
Ты как любовь была... Но, впрочем,
Тут дело вовсе не в любви.

*Нач^{ато} 3 августа (полдень),
под «Венгерский дивертисмент» Шуберта.
Оконч^{ено} 30 сентября 1963
Комарово. Будка*

ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено, —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

Разлука призрачна — мы будем вместе скоро,
И все запретное как призрак Эльсинора.
И все не должное вокруг меня клубится,
И, кажется, теперь должно меня убить.
То плещет крыльями, то словно сердце бьется,
Но кровь вчерашнюю уже не может смыть.

14 августа <?> 1963

ВСТУПЛЕНИЕ

Если бы брызги стекла,
Что когда-то, звеня, разлетелись,
Снова срослись — вот бы что
В них уцелело теперь.

20 августа 1963

Коमारово. Будка

И было этим летом так отрадно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине, почти что виноградной,
И в яви, отработанной под сон.

И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существования моего.

И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущение чуда,
Что...

21 августа 1963. Утро
Комарово. Будка

Rosa moritur

Нор. I*. Посл<едняя> ода

Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то,
В шкатулке без тебя еще довольно тем,
И просит целый день божественная флейта
Ей подарить слова, чтоб льнули к звукам тем.
И загляделась я не на тебя совсем,
Но сколько предо мной ночных аллей-то
И сколько в сентябре прощальных хризантем.

.....
Пусть все сказал Шекспир, милее мне Гораций,
Он сладость бытия таинственно постиг...
А ты поймал одну из сотых интонаций,
И все не должное случилось в тот же миг.

Август <?> 1963

* Роза, обреченная на смерть.
Гор<аций> кн. I (лат.).

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Все ушли, и никто не вернулся.

А<хматова>

Не на листопадном асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стоне
Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони
Те же чудеса.
И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.

10—13 сентября 1963

Комарово. Будка

Из-под смертного свода кургана
Вышла, может быть, чтобы опять
Поздней ночью иль утром рано
Под зеленой луной волховать.

21 сентября 1963 Ноябрь <?> 1963
Комарово

Шелестит, опадая орешник,
.....
Где алмазный сиял семисвечник,
Там мне светит одна темнота.
.....
Недостойные видеть друг друга
.....
Мы с того заповедного луга

19 октября 1963

За плечом, где горит семисвечник,
И где тень Иудейской стены,
Изнывает невидимый грешник
Под сознаньем предвечной вины.

Многоженец, поэт и начало
Всех начал и конец всех концов

.....

Октябрь 1963

Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице
И в мире блуждает и верен — как я — до конца,
Был шуткой почти что и беглою небылицей
В сравненьи с тобой и терновою тенью венца.

8 ноября 1963

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание —
Немного удивленные глаза:
«Что? Что? Уже?.. Не может быть!» —
«Конечно!..»

И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...

Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.

12 декабря 1963
Москва

Я играю в ту самую игру,
От которой я и умру.
Но лучшего ты мне придумать не мог,
Но зачем же такой переполох?

17 декабря 1963

Может быть, потом ненавидел
И жалел, что тогда не убил.
Ты один меня не обидел,
Не обидевши — погубил.

22 декабря 1963
Москва

ПРИ НЕПОСЫЛКЕ ПОЭМЫ

Приморские порывы ветра,
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедра
Перед запретнейшим окном...
На свете кто-то есть, кому бы
Послать все эти строки. Что ж!
Пусть горько улыбнутся губы,
А сердце снова тронет дрожь.

1963

Мы больше не встречаться научились,
Не поднимаем друг на друга глаз,
Но даже сами бы не поручились
За то, что с нами будет через час.

1963

Быть страшно тобою хвальной...
Все мои подсчитала грехи.
И в последнюю речь подсудимой
Ты мои превратила стихи.

1963

Оставь нас с музыкой вдвоем,
Мы сговоримся скоро —
Она бездонный водоем —
Я призрак, тень, укора.
 Я не мешаю ей звенеть, —
 Она поможет — умереть.

1963

Чтоб я не предавалась суесловью.
А между ними маленькая дверь,
Железная, запачканная кровью.

1963

Я не сойду с ума и даже не умру.

1963

Врачуй мне душу, а не то
Я хуже чем умру.

1963

Я выбрала тех, с кем хотела молчать
В душистом спокойном тепле,
Какое мне дело, что тень та опять
На черном мелькнула стекле?

1963 <?>

СОНЕТ

Il me remet en mon premier Malheur

Luise Labé.

*Quatre Sonnets, VIII **

Приди как хочешь: под руку с другой,
Не узнавая, в вражеском отряде,
В каком угодно шутовском наряде,
В кровавой маске или в никакой.

Тебя я трону ледяной рукой,
И ты наверно скажешь: Бога ради
Не надо. Знаю — все Вы в Ленинграде
Вкушаете божественный покой...

Но я тебя и тут перешучу,
Я буду остроумна беспощадно
..... всех знакомых дур.
.....
Я для тебя из лучших заклинаний
Какие-нибудь выберу — иди.

1963 <?>

* Он меня повергает в мое первое несчастье.

Луиза Лабэ.

Четыре сонета, VIII (фр.).

По самому жгучему лугу,
Туда, где вскипала вода,
Ничто нас не бросит друг к другу.

.....

1963 <?>

Чьи нас душили кровавые пальцы?

1963 <?>

И я не имею претензий
Ни к веку, ни к тем, кто вокруг.

1963 <?>

Оставь, и я была как все,
И хуже всех была,
Купалась я в чужой росе
И пряталась в чужом овсе,
В чужой траве спала.

1963 <?>

Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь.

1963 <?>

Быть может, презреннее всех на земле
Нарушитель клятвы не данной.

1963 <?>

Нет, ни в шахматы, ни в теннис...
 То, во что с тобой играю,
 Называют по-другому,
 Если нужно называть...
 Ни разлукой, ни свиданьем...
 Ни беседой, ни молчаньем...
 И от этого немного
 Холодеет кровь твоя.

1963 или 1964 <?>

Москва, Лаврушинский переулок

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад — не сад, и дом — не дом,
Свиданье — не свиданье.

1963—1964 <?>

И любишь ты всю жизнь меня, меня одну.
 Да, если хочешь знать, и даже вот такую.
 Пусть я безумствую, немотствую, тоскую,
 И вечная разлука суждена.

.....

Ты мне не обещал, и мы смеялись оба.

1963 <?> — 1965

ПОСЛЕДНЯЯ

<Из цикла «Песенки»>
(А у нас)

Услаждала бредами,
Пением могил,
Надеяла бедами
Свыше всяких сил...
Занавес неподнятый...
Хоровод теней...
Оттого и отнятый
Был еще родней.
Это все поведано
Самой глуби роз,
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

24 января 1964 (днем)
Москва

ПИСЬМО

Не кралось полуденным бродом,
Не числилось в списке планет,
Но прочно своим неприходом
Куда-то запрятало свет.

Май <?> 1964

Пусть так теряют смысл слова
И забываю бредни я,
Пышнее нету торжества,
Чем твой уход, Последняя!

.....

.....

С какою легкостью тогда
Ошибкой притворяешься.

Май <?> 1964

Смерть одна на двоих. Довольно!

.....

Я уверена, что не больно,

Ты уверен в чем-то другом.

У тебя не глаза, а очи,

И не голос, а впрочем... Нет,

Сами мы из недр полуночи

И

Май—июнь <?> 1964

ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ»

Стихи на случай

Светает. Это Страшный суд —
И встречи горестней разлуки.
Там мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки.

Июнь 1964

Москва

РОМАНС

Что тоскуешь, будто бы вчера
Мы расстались: между нами вечность —
Без особенных примет дыра,
С неприглядной кличкой — бесконечность.

Между тысячами тех разлук
Наша превосходно уместилась —
Сколько отсчитал ей кто-то мук,
Так оно и вправду совершилось.

Что тоскуешь, будто бы вчера...
Нет у нас ни завтра, ни сегодня.
Рухнула незримая гора,
Совершилась заповедь Господня.

27 июля 1964 (днем)
Комарово

К МУЗЫКЕ

Стала я, как в те года, бессонной,
Ночь не отличаю ото дня,
Неужели у тебя — бездонной —
Нет утешенья для меня?..
Я-то всех полвека утешаю,
Ты могла бы взять с меня пример.

.....

1—5 августа 1964

...и той, что танцует лихо,
И той, что всегда права,
И той, что находит выход, —
Неистовые... слова.

22 августа 1964

Комарово

ПАМЯТИ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось все, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой, — в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964

Комарово

В ВЫБОРГЕ

О.А. Л<адыжен>ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья, —
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся — в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня — музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

24 сентября 1964

Комарово. (Озерная, днем)

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

25 сентября 1964
Комарово

ЗАПРЕТНАЯ РОЗА

Ваша горькая божественная речь...

А. Н<айман>

Ты о ней как о первой невесте
Будешь думать во сне и до слез...
Мы ее не вдыхали вместе,
И не ты мне ее принес.
Мне принес ее тот крылатый
Повелитель богов и муз,
Когда первого грома раскаты
Прославляли наш страшный союз.
Тот союз, что зовут разлукой,
.....
И какою-то сотою мукой,
Что всех чище и всех черней.

10 октября 1964

Я еще сегодня дома,
Но уже
Все немножко незнакомо —
Вещи в тайном мятеже.
И шушукаются, словно
Где им? что им? — без меня,
Будто в деле уголовном
Возникает западня.

.....

Ноябрь <?> 1964

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это — только рана
И муки облачко над ней.

18 декабря 1964. Ночь.

Рим

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РИМЕ

Заключение не бывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего, —

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, — стоят.

24 декабря 1964
В Сочельник

(МЭЧЭЛЛИ)

Мы по ошибке встретили Год —
Это не тот, не тот, не тот...
Что мы наделали, Боже, с тобой,
С кем еще мы поменялись судьбой?

Лучше б нас не было на земле,
Лучше б мы были в небесном кремле,
Летали, как птицы, цвели, как цветы,
Но все равно были — я и ты.

Декабрь 1964—1965

Рим Москва

Беспамятна лишь жизнь, — такой не назовем
Ее сестру, — последняя дремота
В назначенный вчера, сегодня входит дом,
И целый день стоят открытыми ворота.

1964

Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый^е
На самом доньшке припас такое мне.

1964

Напрягаю голос и слух,
Говорю я как с духом дух,
Я зову тебя — не дозовусь,
А со мной только мрак и Русь...

1964 <?>

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым.

1964 или начало 1965 <?>

МУЗЫКЕ

Ты одна разрыть умеешь
То, что так погребено,
Ты томишься, стонешь, млеешь
И потом похолодеешь
И летишь в окно.

1964—1965 <?>

ИЗ ЦИКЛА «В ПУТИ»

Совсем вдали висел какой-то мост.
 И в темноте декабрьской, влажной, грязной
 Предстала ты как будто во весь рост
 Чудовищной, преступной, безобразной.
 Во мраке та, а завтра расцветет
 Венецией — сокровищницей мира —
 Я крикнула: «Бери все, твой черед,
 Мне больше не нужны ни лавр, ни лира».

17 января 1965

Не напрасно я носила
Двадцать лет ярмо —
Я почти что получила
От него письмо
Не во сне, а в самом деле,
Просто наяву

Февраль <?> 1965

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

<К циклу «Полночные стихи»>

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

4 мая 1965

Для суда и для стражи незрима,
В эту залу сегодня войду
Мимо, мимо, до ужаса мимо...

Май <?> 1965

То лестью новогоднего сонета,
Из каторжных полученного рук,
То голосом бессмертного квартета,
Когда вступала я в волшебный круг...

Май <?> 1965

И. Б<ерлину>

Не в таинственную беседку
Поведет этот пламенный мост:
Одного в золоченую клетку,
А другую на красный помост.

5 августа 1965

Пускай австралийка меж нами незримая сядет
И скажет слова, от которых нам станет светло.
Как будто бы руку пожмет и морщины разгладит,
Как будто простит, наконец, непростимое зло.
И пусть все по-новому — нам время опять
неподвластно,
Есть снова пространство и даже безмолвие есть.

26/27 августа 1965. Ночь

Я там иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
Где веет ветер из другого сада,
А под ногою первая ступень.

Октябрь <?>1965

И никогда здесь не наступит утро.

.....

Луна — кривой обломок перламутра —
Покоится на влажной черноте.

Конец октября 1965

И странный спутник был мне послан адом,
Гость из невероятной пустоты.
Казалось, под его недвижным взглядом
Замолкли птицы — умерли цветы.

В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.
Безумие и мудрость были в нем
..... и тлетворной
.....

Конец 1965 г. (октябрь <?>)

Кто тебя мучил такого
.....
Не нахожу ни слова,
И возражений нет.
Ноябрь <?> 1965

Что там клокотало за дверью стеклянной,
То, может быть, не было мной.

Декабрь 1965 — январь 1966

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

Конец 1965 — январь 1966

МУЗЫКА

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любясь и собой давясь,
Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.

1965

Музыка могла б мне дать
Пощаду в день осенний,
Чтоб в ней не слышался опять
Тот вопль — ушедшей тени
.....
Что б я могла по ней пройти,
Как по.....

1965

Я у музыки прошу
Пощады в день осенний,
Чтоб в ней не слышался опять
Тот голос — страшной тени.

1960-е годы

Сама Нужда смирилась наконец,
И отошла задумчиво в сторонку.

Февраль 1966

ДОПОЛНЕНИЯ

к тому 1

По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли

.....

.....

.....

.....

И всю ночь не умолкали звоны
Над простором вспаханной земли —
Здесь всего слышнее от Ионы
Колокольни Лаврские вдали.

1909

Киев

ДИФИРАМБ

Зеленой той весны не бывало
еще во вселенной

1909 <?>

[А.А.СМИРНОВУ]

Когда умрем, темней не станет,
А станет, может быть, светлей.

1911 Май Париж

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

От тебя приходила ко мне тревога
И умение писать стихи.

Март 1914

БЕЛАЯ НОЧЬ

Небо бело страшной белизною,
А земля как уголь и гранит.
Под иссохшей этою луною
Ничего уже не заблестит.

Женский голос, хриплый и задорный,
Не поет — кричит, кричит.
Надо мною близко тополь черный
Ни одним листком не шелестит.

Для того ль тебя я целовала,
Для того ли мучалась, любя,
Чтоб теперь спокойно и устало
С отращеньем вспоминать тебя?

7 июня 1914

Слепнево

Я в этой церкви слушала Канон
 Андрея Критского в день строгий и печальный,
 И с той поры великопостный звон
 Все семь недель до полночи пасхальной
 Сливался с беспорядочной стрельбой,
 Прощались все друг с другом на минуту,
 Чтоб никогда не встретиться... И смуту
 Кровавую я назвала судьбой.

1917

Петербург. Боткинская, 9.

DUBIA

Ты к морю пришел, где увидел меня,
Где, нежность тая, полюбила и я.

Там тени обоих: твоя и моя,
Тоскуют теперь, грусть любви затая.

И волны на берег плывут, как тогда,
Им нас не забыть, не забыть никогда.

И лодка плывет, презирая века,
Туда, где в залив попадает река.

И этому нет и не будет конца,
Как бегу извечному солнца-гонца.

1906

Еще к этому добавим
Самочиркой золотой,
Что Аничкова прославим
Сердцем всем и всей душой.

1912 <?>

ЮДИФЬ

В шатре опустилась полночная мгла,
Светильник задула, лампы зажгла.

Глаза Олоферна огней горячей
Пылают они от Юдифи речей.

— Сегодня, владыка, я буду твоей
Раскинься привольней, вина мне налей.

Ты мой повелитель отныне, а я
Твоя безраздельно, навеки твоя.

От ласк предвкушаемых ты захмелел...
Так что же лицо моё бело как мел?

Иль я не Юдифь, не Израиля дочь?
Умру, но сумею народу помочь.

Заснул Олоферн на кровавых коврах.
Покинь мою душу тревога и страх.

Пускай непосилен для женщины меч,
Поможет мне Бог Олоферну отсечь

Тяжелую голову, что поднимал,
Когда моим сказкам, как мальчик, внимал.

Когда говорил, что меня возлюбил,
Не знал он, что час его смертный пробил.

Рассвета проникла в шатер бирюза.
Молили главы отсеченной глаза:

— Юдифь, руку я ведь направил твою,
Меня ты попрала в неравном бою.

Прощай же, Израиля ратная дочь,
Тебе не забыть Олоферна и ночь.

1922

(Записала в 1945)

Прикована к смутному времени
В нищете ледяных дворцов.
Но капля за каплей по темени
Бьет таинственный древний зов.
Я знаю — с места не сдвинуться
Под тяжестью виевых век.
А если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой берёзовой
Под Троицу в церкви стоять.
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать.
А после на дровнях, в сумерки
В навозном снегу тонуть.
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь...

1937

О.М.

Нет, с гуртом гонимым по Ленинке
За Кремлёвским поводырём
Не брести нам, грешным, вдвоём.
Мы с тобой, конечно, пойдём
По Таганцевке, по Есенинке
Иль большим Маяковским путём...

<19>30-е годы

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКИХ ЭЛЕГИЙ

О! Из какой великолепной тьмы
Тебя я повстречала на пороге.
Тебе благоприятствовали боги,
Ты перешел порог моей тюрьмы.

Едва освоившись в моем чертоге,
«Как Сафо, вас перелагаем мы»,
Сказал, и руки были напряженно строги,
Глаза опущены, уста немы.

Ты произнес на русском языке
Слова, во сне услышанные дважды,
И это было утоленьем жажды,

А я была ещё в немой тоске.
Я знала всё, что после совершится,
Но не могла навек с тобой проститься.

1945—1956

ЖИЗНЬ ПОЭТА

7. «ВОТ ОНА, ПЛОДОНОСНАЯ ОСЕНЬ...»

В одной из рабочих тетрадей РГАЛИ (РТ 103, л.7—8; 10 об.—11, 14—18 об.) Ахматова записала в 1961 г. план-конспект автобиографической книги «Мои полвека». Последняя и самая короткая «Третья часть» рассказывала о 1946 — 1961 гг.: «15 мая 56 г. возвращение Левы. Фонтанный Дом — Красная Конница. Ордынка. Комарово. Временами работа над поэмой, с 1955 г. — стихи. С 1958 («Лит<ература> и жизнь») печатаюсь в журн<алах>. 1951 <май> — инфаркт. Больница. С 1950 г. — переводы. Работа над Пушкиным.

Конец»*.

Остановимся на одной фразе из этой краткой записи: «С 1955 г. — стихи». Что же было написано в 1955 г., какими стихами начался, по мнению Ахматовой, новый этап ее творчества? 4 июля 1955 г. написана «Северная элегия» (О десятих годах):

<...> И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить

* Записные книжки Анны Ахматовой (1958 — 1966). М.; Torino: Einaudi. 1996. С. 140.

И тем сильнее хотелось пробудиться.
 И знала я, что заплачу сторицей
 В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
 Везде, где просыпаться надлежит
 Таким, как я, — но длилась пытка счастьем.

В 1955 г. написаны две «песенки» — «Под узорной скатертью...», позже получившая название «Застольная», и «А ведь мы с тобой // Не любилися» («Любовная»). В них говорится и о собственных стихах: «Сплетней изувечены, // Биты кистенем, // Мечены, мечены // Каторжным клеймом», — и о собственной судьбе: «Тебе — белый свет, // Пути вольные, // Тебе зорюшки // Колокольные. // А мне ватничек // И ушаночку. // Не жале́й меня, // Каторжаночку». Эти стихи будут напечатаны много позже — после смерти поэта; но для будущих читателя и исследователя своего творчества она назвала именно 1955 г.

Вехами личной жизни Анны Ахматовой были 5 марта 1953 г. — день смерти Сталина, расстрел Берии, начавшийся при Н.С. Хрущеве процесс реабилитации и освобождения невинно осужденных; XX и XXII съезды партии с их разоблачениями «культы личности». С радостью Ахматова встретила сообщения о подготовке к изданию стихотворений О. Мандельштама, о попытках пересмотреть обвинения в адрес Н. Гумилева и напечатать его произведения.

А у Ахматовой в 1950-е годы печатаются прежде всего переводы: в антологиях осетинской (1952) и армянской (1957), грузинской (1954 и 1958), китайской (1956 и 1957), латышской (1955), румынской (1958), татарской (1957), чешской (1959) поэзии и в авторских книгах: Н. Григ. Избранное (М., 1956), М. Джа-

лиль. Мои песни (М., 1956), А. Исаакян. Избранные произведения (в 2 т. Т. 1. М., 1958), Й. Йованович-Змай. Стихотворения (М., 1958), М. Маркарян. Раздумье (М., 1956), П. Маркиш. Избранное (М., 1957), Я. Райнис. Избранные произведения (Б-ка поэта. М., 1953), Р. Тагор. Сочинения (в 8 т. Т. 7. М., 1957), И. Франко. Сочинения (в 10 т. Т. 7 и 8. М., 1958), И. Хагеруп. Стихотворения (М., 1956), К. Хетагуров. Собрание сочинений (в 3 т. Т. 1. М., 1951), Цюй Юань. Стихи (М., 1954), В. Гюго. Собрание сочинений (в 15 т. Т. 1, 3, 12, 13. М., 1953 — 1956). В середине 1950-х годов вышли два издания переводов Ахматовой с корейского — «Корейская классическая поэзия» (М., Гослитиздат, 1956) и переработанное и дополненное издание той же книги (1958). Таков далеко не полный перечень того, что перевела Ахматова в эти годы. В декабре 1958 г. Л.К. Чуковская записала ее слова о своей жизни: «Замучена переводами. Жалуются, что от них голова болит и ничего своего писать не может.

— Я себя чувствую каторжницей. Минут на двадцать взяла сегодня своего Пушкина — дуэль — и сразу отложила: нельзя. Прогул совершаю»*. В 1957 г. Ахматова дала интервью для журнала «Культура и жизнь» в рубрике «Писатели рассказывают. О своих творческих планах». Там же был помещен портрет поэта работы художника А. Тышлера. Приведем текст этого интервью, — помня при этом, что речь Ахматовой не была записана ни стенографически, ни с помощью диктофона, а дана в пересказе:

* Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. М.: Согласие. 1997. Т. 2. С. 345 (далее том и страница указаны в тексте).

Недавно в Государственном издательстве художественной литературы вышел сборник моих переводов классической корейской поэзии — «Неувядаемые слова страны зеленых гор». Это — произведения корейских поэтов XV—XVIII веков. Все они переведены на русский язык впервые. В сборник вошла поэма Юн Сон До «Времена года рыбака», сюжет и общее настроение которой неожиданно напоминают повесть Хэмингуэя «Старик и море».

Стихи корейских поэтов очень близки к живописи, в них отсутствует рифма, и это обстоятельство дает переводчику большую свободу и в то же время позволяет сделать перевод особенно точным. Известно, если в собственных стихах рифмы — крылья, то при переводе они превращаются в гири.

Я перевела поэму Рабиндраната Тагора «Африка». Работаю также над переводами древнекитайских поэтов. В Ростовском театре идет драма Виктора Гюго «Марион Делорм» в моем переводе. Собираюсь в скором времени познакомить советских читателей с творчеством сербских и чешских поэтов.

Меня давно привлекала мысль поглубже заглянуть в творческую лабораторию Пушкина. Мною уже закончена одна из работ такого рода — о «Каменном госте»; другая — о некоторых моментах биографии Пушкина, об обстоятельствах и причине гибели поэта — находится в стадии завершения.

Что касается поэтического моего творчества, то в сентябре прошлого года вышел сборник «День поэзии», включающий произведения свыше ста советских поэтов, в том числе и одно из моих стихотворений — «Есть три эпохи у воспоминаний...». К сороковой годовщине Октябрьской революции выйдет двухтомная антология советской поэзии. Там будет помещено свыше двадцати моих стихотворений разных лет.

И, наконец, в этом году Гослитиздат наметил выпустить книгу моих произведений — «Избранное». В сборник войдут стихи 1910 — 1956 годов, а также отрывки из новой поэмы — «Тысяча девятьсот тринадцатый год». Над этой поэмой я продолжаю работать и сейчас.

Ахматова назвала свою готовящуюся к печати книгу «Избранное» (она называлась так со времен 1953 г., когда это был третий вариант сборника «Слава миру!», перерабатывавшийся после смерти Сталина под редак-

цией А. Суркова). Книга увидит свет в 1958 г. под заглавием «Стихотворения». Книга в темно-красном переплете, небольшая, на одну треть состоящая из переводов. Первая ее часть — девяносто страниц под названием «Стихи разных лет» — была выстроена по хронологии (с точностью до десятилетий), начиная от стихотворения 1909 г. «Подушка уже горяча...». Последующие стихи в этой книге объединялись темой потери любимого человека — то ли из-за разрыва, то ли из-за его ранней смерти («И время прочь, и пространство прочь...», «Черную и прочную разлуку...» из будущего цикла «Шиповник цветет. Из сожженной тетради»). Затем в книге следовали «блоковские стихи», эта тема прерывалась стихами военных лет, стихами о победе и возвращении в Ленинград («Вторая годовщина»), после чего были напечатаны «патриотические» стихи начала 1950-х годов: «Прошло пять лет, — и залечила раны...», «Песня мира», «Говорят дети», «В пионерлагере», «Приморский Парк Победы». И наконец — финал раздела «Стихи разных лет»: «Предыстория» (будущая первая «Северная элегия»), полный цикл «Cinque», воспоминания о военном Ташкенте («Третью весну встречаю вдали...»), еще два стихотворения из будущего цикла «Шиповник цветет. Из сожженной тетради» — «Таинственной невесты...» и «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» — и небольшой отрывок из «Поэмы без героя» под названием «Отрывок» (от строки «Так под кровлей Фонтанного Дома...»), который своим зачином — указательным местоимением «Так» — как бы подводил итог сказанному в книге на предшествующих страницах. В этом отрывке — и Тобрук, и «звук шагов в Эрмитажных залах»,

и «Седьмая симфония» Шостаковича, и заменившие истинный финал «Эпилога» поэмы строки: «Не сраженная бледным страхом...», с датой — 1942, Ташкент.

Среди переводов — китайские поэты Цуй Юань и Ли Шань-инь, корейцы Юн Сон До, Ким Су Чжан, Ли Кван Ук, Хон Со Бон, Ким Сан Хен и др., отрывок из трагедии «Марион Делорм» Виктора Гюго, с осетинского Александр Цурукаев, с румынского Александру Тома, Перец Маркиш (с еврейского) и Рабиндранат Тагор (с бенгальского). Раздел переводов большей частью содержал уже опубликованные ранее в книгах и журналах тексты. Впервые такой раздел появился в рукописи сборника «Слава миру!», который был как бы предшественником книги 1958 г., причем, пожалуй, именно состав этого раздела с 1950 по 1958 гг. претерпел наиболее радикальные изменения. В ранних вариантах сборника были, конечно, произведения типа «Слава Вождю» И. Гришашвили и «Московские куранты» О. Сарывелли, но также в него были включены и другие, глубоко искренние и созвучные внутренним переживаниям и движениям души самой Ахматовой стихи. Например, стихотворение Юлиана Тувима «Клич» об освобожденной Польше:

Вернитесь, позабытые слова,
Обычные и стертые! Скорее
Во мне зарею новой запылаете,
Чтоб больше не шептал я, но чтоб крикнул:
«Варшава! Гордость! Улица! Народ! <...>»
О, счастье дивное, что гражданином стал я
Освобожденной Речи Посполитой!

Или «Мое богатство» Маро Маркарян: «Родина и сын милее жизни...», или стихотворения Максима

Лужанина «Верблюжий караван» и «Вечная жизнь», в переводах которых (с белорусского) явственно звучит ахматовская интонация:

Морозный день. Санкт-Петербург. Гулянье.

В последний раз осмотрен пистолет.

И к Черной речке быстро мчатся сани.

Что будет там? Не ведает поэт.

Утоптан снег, блеснул огонь, и смерти

Глаза певца уже покрыл туман.

Он привстает: как бы в корону метит, —

Наемник ранен, жаль не сам тиран!

И — забытье... Сугробы снеговые...

Под шелест хвой, под ветками берез

Как будто в даль он едет по России,

А слава вслед, не утирая слез <...>

Не случайно именно переводы М. Лужанина установили на себе внимание внутренних рецензентов сборника «Слава миру!», в частности, строки о Пушкине: «Невольник тот же он, хоть и на воле, — // Следит за ним увенчанный жандарм» — получили отрицательную оценку в рецензии В. Смирновой (РГАЛИ). Предложил снять стихотворение М. Лужанина «Вечная жизнь» рецензент А. Палладин* (там же). Среди переводов Ахматовой были стихи С. Нерис, П. Усенко, Н. Грига, Л. Попова, Цуй-Юаня.

В книге «Стихотворения» 1958 г. из предыдущего состава остались только Цуй Юань «Из поэмы Ли-сао» и «Летом» А. Цурукаева — о посевах кукурузы, столь милых в те годы Н.С. Хрущеву:

* Отметим кстати, что эти ахматовские переводы вышли в 1952 г. в книге: Л у ж а н и н М. Стихи. Л.: Сов. писатель. С. 76—78 и 81—82.

Легкий ветер вольно пляшет,
В тених облачных земля...
И крылом зеленым машут
Кукурузные поля.

Никаких политических аллюзий, иногда — умеренная печаль:

И сад не сторожат — пусть входит кто захочет,
Там вихри, холод, дождь секущий и косой,
И — никого. Печаль одна здесь слезы точит <...>

Переу Маркиш. «Осень».

Иногда — «волошинская» тема путника-гостя, которому дают приют и хлеб: «Но ты его расспрашивать не смей, // Куда идет, явился он отколе» (Александру Тома. «Скиталец»).

На книгу «Стихотворения» 1958 г. рецензий было немного. Наиболее заметная — Льва Озерова «Стихотворения Анны Ахматовой», напечатанная 23 июня 1959 г. в «Литературной газете» и вышедшая к дню семидесятилетия поэта. Лев Озеров говорит о творчестве Ахматовой за последние пятнадцать лет как о «разговоре с современником», утверждает, что ее поэзия, особенно любовная лирика, это «<...> лирика преодоления одиночества, исповедь дочери века, понявшей, что путь одиночества и изоляции ведет художника к тяжелой драме». По мнению критика, Ахматова никогда не изменяла своей поэтике и интонации, но все время двигалась вперед. «Можно говорить о сложности и напряженности ее большого творческого пути. Но не замечать того, что это путь, — нельзя. По мере своих сил поэтесса стремилась найти путь к новому читателю. Это путь к современности, а не прочь от нее»^{*}.

^{*} Литературная газета. 1958. 23 июня. № 78. С. 3.

В этой статье Озерова — еще робкое, но внутренне осознанное возражение прежней оценке творчества Ахматовой, данной в постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и в многочисленных журнально-газетных статьях после него, — не случайно критик говорит о *пятнадцати* последних годах, т. е. о времени после 1944 до 1959 г.

Книгу «Стихотворения» 1958 г. Ахматова дарила, вписывая на свободные места на страницах неопубликованные стихотворения. Так, в книгу, подаренную В. Г. Адмони, она вписала стихи: «Надпись на портрете» с посвящением Т. В-ой (с. 68), «Современница» с посвящением С. А. (с. 76), «Один идет прямым путем...» (с. 94) и сделала дарственную надпись — «Милым Адмони хоть это Ахматова. 1 января 1959. Ленинград». В книгу, подаренную А. И. Болдыреву, вставлено стихотворение «Музыка»*. Во многих экземплярах Ахматова заклеивала стихи — «Песню мира» (на с. 76) и соседние с нею страницы.

Анна Ахматова посылает книгу Ариадне Сергеевне Эфрон — с надписью: «Ариадне Сергеевне Эфрон не без смущения эти обломки. 4 янв<аря> 1959. Ленинград»**. Ариадна Сергеевна ответила благодарственным письмом, в котором были слова: книжка Ахматовой — конечно, всего лишь обломки, «но ведь и Венеру Милосскую мы знаем без рук» (2, 357).

В экземпляр книги, подаренной Л. К. Чуковской, вписан «Последний сонет», исправлены даты, надпись:

* Б о л д ы р е в А. И. Из дневника / Об Анне Ахматовой. С. 308.

** Эта надпись приведена в кн.: Э ф р о н А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 261.

«Лидии Корнеевне Чуковской, чтобы она вспомнила все, чего нет в этой книге. Ахматова. 19 декабря 1958. Москва» (2, 342—344). «Ваша книжка, — сказала автору Л.К. Чуковская. — Встречаешься со старыми, давно полюбленными стихами и присоединяешь к своей любви новые — «Предысторию», например» (2, 346). И еще одна запись Л. К. Чуковской: «...Анна Андреевна хоть и рада своему сборнику, но и огорчена им: она уверяет, что книжка эта — ерунда, мусор, что она только введет в заблуждение читателей («так это-то и есть хваленая Ахматова? стоило огород городить!»), а все-таки, думаю я, честь и хвала Суркову. Да, конечно, в сборнике отсутствует главное: трагический путь великого поэта. Нет и самых замечательных, необходимейших стихов. И все-таки это она, это Анна Ахматова: «Предыстория», «Хорошо здесь: и шелест и хруст», «Черную и прочную разлуку»... Путь и трагедия остались за бортом книги, но голос, которому дано исцелять души, звучит» (2, 288—289).

По договору с Гослитиздатом Ахматова готовила новую книгу. 25 ноября 1959 г. она сказала своему знакомому, ученому-востоковеду А.Н. Болдыреву: «Я готовлю книжку, около 5 тысяч строк и автобиографию. Писала все лето свои стихи, не переводы»*.

В своем дневнике А.И. Болдырев записывает 12 апреля 1961 г.: «Она приехала в феврале из Москвы и с тех пор нездорова. Страшная полнота, отечность. Заметное ухудшение слуха. Но дух в прежней блистательной ясности»**.

* Болдырев А.Н. Из дневника. С. 308.

** Там же.

Новая книга — «Стихотворения (1909—1960)» была подписана к печати 16 февраля 1961 г. Однако выход ее в свет состоялся несколько позже: по требованию Ахматовой почти весь ее тираж был переплетен заново, так как ей не понравился зеленый цвет переплета — «отвратительная зеленая лягушка». В этой книге — «Поэма без героя» — «1913 год (Три фрагмента из поэмы)» — там есть и «некоторые части», которых нет в американской публикации 1960 г. в альманахе «Воздушные пути». Об этом Ахматова рассказывала с гордостью.

Однако в этой книге снова — «Приморский Парк Победы», «Песня мира», «Прошло пять лет — и заlechila раны...», «Говорят дети», и «В пионерлагере» под заглавием «Послесловие», — т.е. тот же обязательный набор советских патриотических стихов, которые должны «прикрывать», «спасать», «защищать» трагические ахматовские темы. И снова Ахматова пишет на этой книге, даря ее близким людям: «И. Б. (т.е. Исае Берлину) хоть такую А. 8 июня 1965. Лондон»; «Милой Наталии Ивановне Толстой с чувством смущения А. Ахматова. 21 июня 1961. Москва»; «Сергею Васильевичу Шервинскому, которому я хотела бы подарить гораздо более полное издание — дружески А. Ахматова. 21 янв<аря> 1963. Москва». Правда, наряду с этими — и другие надписи, свидетельствующие о том, что книга 1961 г. — дорога автору. В.С. Срезневской: «Милому другу Вале, свидетельнице этого пути, с любовью ее Ахматова 13 августа 1961. Комарово». Л.К. Чуковской: «Милой Лидии Корнеевне Чуковской за ее необычное и глубокое отношение к этим стихам дружески Анна Ах-

матова 22 июня 1961». В последнем разделе — «Шестой книге» — «Cinque», две «Северные элегии», цикл из восьми стихотворений «Шиповник цветет» (с датами 1946—1956 гг.), цикл «Тайны ремесла» из шести стихотворений (с датами 1940—1960 гг.) и несколько последних стихотворений (с датами 1958, 1959 и 1960 гг.), грустных, говорящих о близости смерти, обращенных к тайникам памяти. Именно эти стихи были жестоко искалечены цензурой и редакторским правящим карандашом.

Хрущевская «оттепель» закончилась, не успев начаться. В 1958—1959 гг. в печати широко развернулась кампания против Бориса Пастернака из-за его романа «Доктор Живаго», опубликованного за границей. «Провокационная вылазка международной реакции», «Постыдная, антипатриотическая позиция Пастернака», «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» — названия статей и формулировки «обличений» в «Литературной газете», «Правде», в «Новом мире». 27 октября 1958 г. Пастернак был исключен из Союза писателей. Л.К. Чуковской Пастернак напоминал М.М. Зощенко в предсмертный период: Ахматова, хотя и всем сердцем сочувствовала ему, такого сравнения не допускала: «...по сравнению с тем, что делали со мною и с Зощенко, история Бориса — бой бабочек!» (2, 341).

«Конечно, ее мука с пастернаковской несравнима, потому что Лева был на каторге, а сыновья Бориса Леонидовича, слава Богу, дома. И она была нищей, а он богат. Но зачем, зачем ее тянет сравнивать — и гордиться? «Сочтемся мукою, ведь мы свои же люди...» (2, 341).

Ахматова не стремилась печататься за рубежом, не нарушала предписанные ей редакторскими запретами правила. Она смирилась с тем, что ее лучшие произведения находились на родине под запретом. И внешне — ее «печатание» было регулярным и «благополучным».

С 1958 г. и до весны 1966 г., т. е. при жизни Ахматовой, в журналах и газетах СССР было более сорока публикаций ахматовских стихов и прозы — в журналах, газетах, альманахах. Вот далеко не полный перечень периодических изданий, в которых были напечатаны произведения Ахматовой:

- «День поэзии» (М., 1962, 1963, 1964);
- «День поэзии» (Л., 1961, 1962, 1964, 1966);
- «День поэзии» (М.; Л., 1962, 1963, 1965);
- «Москва» (1958, № 7; 1960, № 7);
- «Новый мир» (1960, № 1; 1962, № 7; 1963, № 1; 1964, № 6; 1965, № 1);
- «Нева» (1960, № 3; 1965 № 6);
- «Наш современник» (1960, № 3; 1961, № 6);
- «Звезда» (1961, № 5; 1962, № 2, № 7; 1964, № 3);
- «Знамя» (1963, № 1; 1964, № 10);
- «Огонек» (1964, № 10);
- «Юность» (1964, № 4; 1965, № 7);
- «Простор» (1962, № 6);
- «Литература и жизнь» (1959, 5 апреля; 1962, 26 октября);
- «Литературная газета» (1960, 29 октября; 1962, 16 января, 10 февраля; 1963, 5 октября, 15 октября; 1964, 26 июня; 1965, 16 марта);
- «Литературная Россия» (1964, 24 января);
- «Металлургстрой» (Новокузнецк, 1963, 16 марта).

Кроме того, как уже говорилось, регулярно печатались переводы. Торжественно проходили выступления Ахматовой по ленинградскому телевидению. И, наконец, самое главное — после книг стихов 1958 и 1961 гг. в 1965 г. увидел свет сборник «Бег времени». Он был тоже не таким, каким хотела бы его видеть Ахматова, но это было самое полное из ее изданий, включающее истинно ахматовские, прекрасные старые и великолепные новые стихи.

Выходили книги Ахматовой и за рубежом — на русском языке и в переводах. В 1963 г. в Мюнхене был издан «Реквием», в 1965 г. вышел том «Сочинений» под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова, который затем будет переработан и дополнен и выйдет вторым изданием в «Международном литературном содружестве» в 1967 г. В 1962 г. появится первый том Собрания сочинений Н. Гумилева (Вашингтон, 1962, с предисловием Г. Струве). Об Ахматовой писали все чаще, ей посвящали страницы воспоминаний поэты, уехавшие в эмиграцию, — Г. Иванов, И. Одоевцева, вспоминали о ней в связи с Н.С. Гумилевым, с историей акмеизма и Цеха поэтов, в рассказах о «Бродячей собаке».

К счастью для нас, сохранились записи Ахматовой в ее рабочих тетрадях, где она дала оценку этим событиям своей жизни, статьям и воспоминаниям о ней. Сохранились подробные записи Л.К. Чуковской за эти годы, изданные ею с обширными комментариями. Наконец, издано большое количество (далеко не все!) воспоминаний и дневников самых разных людей, общавшихся с ВЕЛИКОЙ АХМАТОВОЙ в последнее десятилетие ее жизни. Все эти материалы позволяют

хотя бы частично восстановить истинную жизнь поэта периода последнего творческого расцвета, не сменившегося угасанием, но прерванного уходом.

Из разговоров об Ахматовой поэтессы Тамары Жирмунской с ее дядей Виктором Максимовичем Жирмунским и его женой Ниной Александровной Сигал-Жирмунской, 1964 г.: «Ленинградская школа — это прежде всего Ахматова.

— Она сейчас переживает..., — привычно-обстоятельно начинает В.М.

— Свою посмертную славу! — не выдерживает Нина Александровна.

Причину колоссальной известности Ахматовой за границей мой собеседник видит в «Реквиеме» («ахматовский «Доктор Живаго») и в том, что она — единственная живая из западных кумиров.

— Она мне говорит: «Мы с вами дожили...» Я не принимаю этого «мы» на свой счет. Но она действительно не одна, а как уцелевший представитель целой группы»*.

Один из моментов этой «посмертной славы», переживаемой при жизни, — вечер Анны Ахматовой по случаю ее семидесятилетия в Музее-квартире Маяковского в Гендриковском переулке в мае 1964 г. Это был первый вечер Ахматовой после постановления 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». Она готовилась к нему — записала на магнитофон стихи, составила список друзей, которых должны были по этому списку пропустить в маленький зал музея. Но сама

* Ж и р м у н с к а я Т. «Мы — счастливые люди». М.: «Латмэс», 1995. С. 132.

решила на вечер не ходить. С докладами о ее творчестве выступали В.М. Жирмунский и Л.А. Озеров. Мудрые и торжественные слова о ней говорил А. Тарковский. Читал стихи, посвященные Ахматовой, Владимир Корнилов:

Ваши строки невеселые,
 Как российская тшета,
 Но отчаянно высокие,
 Как молитва и мечта,
 Отмывали душу дочиста,
 Уводя от суеты
 Благодетством одиночества
 И величием беды.
 Потому-то в первой юности,
 Только-только их прочел —
 Вслед, не думая об участи,
 Заколдованный пошел.
 Век дороги не прокладывал,
 Не проглядывалась мгла.
 Блока не было. Ахматова
 На земле тогда была.

Так прочел эти стихи поэт, так их запомнила Л.К. Чуковская (3, 224), но это была смягченная, подцензурная редакция-замена. На самом деле последние строки были:

Бога не было.
 Ахматова
 На земле тогда была.

Так прочесть их было нельзя. Л.К. Чуковская, чутко уловив этот характер вечера — торжественные хвалы, но в рамках дозволенного, — записала о докладе В.М. Жирмунского: «Говорил он продуманно: в меру отважно, в меру сдержанно. В меру наукопо-

добно, в меру популярно. В общем — содержательно и тактично» (3, 223). Программа торжественного вечера была традиционной: актеры читали ахматовские стихи, певица исполнила романсы «Настоящую нежность не спутаешь...», «Память о солнце в сердце слабеет...» «Меня несколько встревожило (цензурно) стихотворение:

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.

Религия? А разве уже можно?» (3, 225).

Актер Голубенцев перевирал строки стихов. «Многие, как и я, выкрикивали из зала поправки. Но все-таки аплодировали... Люди довольны, я это вижу: как-никак, а блокада прорвана, Ахматову можно печатать, можно исполнять с эстрады» (3, 226).

После окончания вечера друзья поехали на Ордынку, где ожидала известий о вечере Анна Ахматова.

«Поехали: неизвестный благодетель за рулем, я, Ника и целый куст сирени — дар Музея Маяковского Анне Андреевне.

Нам отворила домработница, повернулась спиной и, не поздоровавшись, сразу ушла. Раздеваясь, мы слышали из столовой голос Анны Андреевны. Громко и раздраженно говорила она с кем-то по телефону. Мы вошли. Она положила трубку. Царица бала сидит на диване в углу, одна, полуодетая, за круглым столом, а на столе — окурки грудой и гора грязных тарелок. Дом без хозяйки! Нина Антоновна в Киеве, а мальчишки в нетях. Кто же остался с ней? Одна лишь добрая собака да злая сиамская кошка.

— Я сижу в рубище, — сказала Анна Андреевна, чуть мы вошли. — Пойти надеть фрак?» (3, 227).

Вечер закончился так же традиционно: «фрак» был надет, пришедшие Л.Д. Большинцова и Аманда Хейт «начали бурно хозяйничать: убрали со стола, нарезали колбасу, сыр», потом пришли Татьяна Семеновна Айзенман и Анатолий Найман, а за ними — «ватага незнакомых юношей с сиренью. Они неуклюже поздравили Анну Андреевну, неловко положили мокрую сирень на стол. Один сказал, что принесли они цветы по поручению Музея Маяковского. Явная выдумка: просто предлог, чтобы прийти к Ахматовой и увидеть Ахматову. Они сели робко и чинно, не спуская с нее глаз» (3, 229—230).

Так выглядела при жизни «посмертная слава». Исторический фон этих торжеств — конец хрущевской «оттепели», «закручивание» идеологических гаек, создание в Ленинграде, по предложению Я.М. Лернера, «идеологической народной дружины» — выявление и преследование инакомыслящих, поиск подходящей кандидатуры для первого, «показательного» громкого дела. Такая кандидатура очень скоро была найдена — Иосиф Бродский, молодой поэт с неоконченным школьным образованием, дерзкий на язык и уже попадавший в какую-то подозрительную полууголовную историю. Все это тоже составляло и фон, и суть жизни Анны Ахматовой периода ее внешнего благополучия и славы. В записях Л.К. Чуковской — грустная констатация: «Бег времени» доконал ее»; предложение Ахматовой: «Составим список моих стихов, которые мы сами из предосторожности не включили в «Бег» (3, 184); подробное изложение участия Ахма-

товой в защите Иосифа Бродского во время его травли и двух судебных процессов над ним. 12 июня 1964 г.: «Сил моих нет видеть, как губят молодежь! Собственная моя судьба меня уже не занимает... Поеду в Италию, не поеду в Италию... Но видеть, как губят молодежь — это мне уже не под силу» (3, 231).

Инфаркты: по медицинским данным — три, по подсчетам самой Ахматовой — четыре. Третий инфаркт — октябрь 1961 г., после выхода книги, после единодушных похвал в критике, — но и после очередного вынужденного переезда — с улицы Красной Конницы на улицу Ленина, д. 34, кв. 23, в «писательский дом», — в удобный дом, в центре, в отдельную квартиру, рядом с поликлиникой Литфонда, — правда, пока без телефона, и в отдельной трехкомнатной квартире Ахматовой опять достается лишь самая маленькая комната, а в других — И.Н. Пунина с мужем и молодая семья — Аня Каминская, только что вышедшая замуж. К тому же именно в ахматовской комнате тут же прорвало трубы, вода залила рукописи и книги, и Ахматовой приходится жить в Комаровском доме творчества и в Будке. К тому же — конфликт с сыном: «Он пришел ко мне домой в самый момент инфаркта, обиделся на что-то и ушел. Кроме всего прочего, он в обиде на меня за то, что я не раззнакомилась с Жирмунским. Виктор Максимович отказался быть оппонентом на диссертации. Подумайте: парню 50 лет, и мама должна за него обижаться! А Жирмунский был в своем праве; он сказал, что Левина диссертация — либо великое открытие, если факты верны, либо ноль, — факты же проверить он возможности не имеет... — Бог с ним, с Левой. Он больной человек. Ему там повреди-

ли душу. Ему там внушили: твоя мать такая знаменитая, ей стоит только слово сказать, и ты будешь дома. <...> А мою болезнь он не признает. «Ты всегда была больна, и в молодости. Все одна симуляция» (2, 480). После очередной ссоры сын заявил, что ноги его в доме матери не будет, за три месяца ни разу не навестил ее в больнице, и в июле 1963 г. она вынуждена написать брату в Америку: «Передать твой привет Леве не могу — он не был у меня уже два года, но по слухам защитил докторскую диссертацию и успешно ведет научную работу»^{*}.

Четвертый инфаркт — 7 ноября 1965 г., после выхода «Бега времени», поездок в Италию и Англию, и на обратном пути из Лондона в Москву — пятидневной остановки в Париже и свиданий с друзьями «из прошлой жизни». Материальное благополучие — и бездомность. Выход самой полной книги — и отсутствие в ней правды о жизненном и творческом пути поэта, отсутствие «Венка мертвым», «Реквиема», полного текста «Поэмы без героя», «Черепков», исковерканные тексты, переправленные даты, снятые посвящения и подписи под эпиграфами. Попробуем подробнее остановиться на главных этапах борьбы поэта за свою последнюю итоговую книгу — «Бег времени».

Планы «Бега времени» были составлены Ахматовой в 1962 и 1962 — 1963 гг. Один из них записан в рабочую тетрадь (РНБ) под заглавием: «Оглавление седьмого сборника стихов», другой — план из собрания Н.Н. Глен. Оба составлены Ахматовой; Н.Н. Глен

^{*} Сочинения: В 2 т. М.: Правда. 1990. Б-ка «Огонек». Т. 2. С. 237/ Сост. и подгот. текста М.М. Кралина.

исполняла роль технического помощника при подборе текстов по этому плану. Именно этот вариант сборника «Бег времени» был передан Ахматовой издательству «Советский писатель». Он состоял из 123-х стихотворений и трех поэм: «Requiem» (1935 — 1940), «Путем вся земля» и «Триптих» («Поэма без героя») (1940 — 1962).

Ахматова собиралась издать многое из еще недавно считавшегося непечатным и «засекреченного» — «Реквием», цикл «Венок мертвым». Сборник был построен как трагический документ о судьбе человека в эпоху сталинских репрессий. Стихотворения 1920-х годов были представлены лишь единично («Многим», «Если плещется лунная жуть...», «Новогодняя баллада»), их отбор был подчинен общей задаче сборника.

Между временем составления книги и ее рецензированием в издательстве прошло несколько месяцев, в этот период состоялась печально знаменитая встреча Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией 7 и 8 марта 1963 г., разгром выставки художников в Манеже, совершился довольно явственный поворот партийной и государственной политики в сторону запрещения темы разоблачения культа личности — произведений о сталинских злодеяниях и трагических событиях и судьбах людей в 1930 — 1950 гг. В Ленинграде готовился судебный процесс над Иосифом Бродским, и Ахматова неоднократно высказывала предположения, что одна из причин травли Бродского — принадлежность его к ее ближайшему окружению. Началась публичная критическая кампания против А.И. Солженицына. Были резко раскритикованы воспоминания И.Г. Эренбурга

«Люди, годы, жизнь», — Ахматова с возмущением цитировала в беседах фразу из статьи М. Соколова в «Литературной газете» (1963, 2 апреля): «Товарищ Эренбург очень уважаемый человек, но он зря так поторопился вытаскивать на свет литературных мертвецов» (3, 51—52). Л.К. Чуковской была возвращена из издательства «Советский писатель» повесть «Софья Петровна» — один из руководящих чиновников издательства И.Т. Козлов разъяснил автору, что изображенное в повести — правда, «но эта правда не укрепляет советский строй» (3, 52).

В свете этих политических обстоятельств и событий становится очевидным «заказной» характер отрицательной рецензии на рукопись книги «Бег времени», написанной в середине 1963 г. Е.Ф. Книпович. Несмотря на то что рукопись была сдана автором в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», она была «затребована» в Москву. Подробности о «прохождении» рукописи см. в статье М.М. Кралина «Анна Ахматова и «деятели 14 августа» (Ленинградская панорама. 1989. № 6. С. 31). О том же — в третьей книге Л. К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой» (с. 61—63). Поскольку отрывки из этой рецензии цитировались многократно с самыми разными комментариями, приведем ее подлинный текст.

АННА АХМАТОВА. «БЕГ ВРЕМЕНИ»

«Бег времени» — седьмой сборник стихотворений А.А. Ахматовой — состоит из одиннадцати разделов, в которые вошли лирические стихи, и двух поэм — «Путем вся земли» и «Триптих» (Поэма без героя).

Все, что вошло в книгу (точнее, почти все), свидетельствует о высоком мастерстве большого русского поэта А. Ахматовой. Целые раз-

дела книги («Тайны ремесла», «Сожженная тетрадь», «Стихи разных лет», «Стихи последних лет») целиком или почти целиком вызывают самое горячее восхищение читателя, так как в них содержатся образцы поэзии подлинной, глубокой и объективно значительной.

В них нередко с большой силой раскрывается трагический аспект времени (например, в стихотворении «Когда погребают эпоху» — оно, кстати сказать, любопытным образом перекликается с одним из лучших стихотворений Н. Тихонова, написанным в том же 1940 году, «Спит городок, спокойно как сурок», таковы же стихи «Один идет прямым путем», «Привольем пахнет дикий мед» и некоторые другие). Этот высокий и благородный трагизм, перекликающийся с многими большими произведениями советской поэзии, «духоподъемный». Прелестные, умные стихи о ремесле — лирические, элегические и сатирические — тоже по праву становятся в первые ряды советской лирики. Да и трудно перечислить все, что есть хорошего в сборнике, в доброй половине его разделов.

Однако, я думаю, что построен сборник нехорошо, что в других его разделах слишком много смерти, так сказать, без воскресения, а также предсмертной истомы, надписей на могильных камнях, ужаса перед «бегом времени», который только гонит к могиле. Этот, я бы сказала, «бескрылый» (хотя и субъективно вполне искренний и реальный) трагизм тянет вниз то общее и высокое, что есть в других разделах сборника.

Я бы не начинала сборник с «Четверостиший», а отнесла бы их куда-то в середину. Я очень горячо посоветовала бы автору пересмотреть разделы «Венок» и «Из стихотворений 30-х годов» — лучшие из них — внести в раздел «Стихи разных лет», а большую часть вообще оставить за пределами книги.

Пусть простит автор мою дерзость, но три посвящения Б. Пастернаку идут «мимо сути», и все было не так, и трагедия художника была не та. И в стихах 30-х годов есть стихотворения, в которых обобщение в том, где автор хочет стать «голосом народа», не под силу поэту.

И последнее — когда я читала «Триптих», у меня было ощущение, что это писал совсем другой поэт, а не тот, чью книгу я только что с волнением перелистывала.

«Прошрое» в ней такое узкое, так «бескрыло» привязанное к определенным годам и определенной среде, что читать ее, особенно

человеку такого возраста, как мой, — очень горько. Я знаю то, о чем говорит поэт, по рассказам друзей и, прежде всего, А. А. Блока, но даже не в этом дело, а в том, что это прошлое, увиденное прошлым взглядом и потому нужное только тем, кто хочет «заглядывать» назад. Я бы очень советовала автору пересоставить сборник. Расширить количество уже опубликованных ранее (вошедших в книжечку библиотеки советской поэзии) стихов, пополнив ими некоторые разделы.

Тогда то очень хорошее, что и сейчас есть в сборнике, естественное и целенаправленное войдет в советскую поэзию.

Е. Книпович

Эта внутренняя рецензия стала известна Ф.А. Вигдоровой, А.А. Суркову, К.А. Федину. Л.К. Чуковская записала их мнения по поводу судьбы ахматовского сборника, которая неотделима от «похолодания» или «потепления» правительственной и партийной линии: «Ну, им никакие доказательства не требуются, — сказал Чуковской Константин Александрович Федин. — Они понимают друг друга без слов. Тут дело не в степени убедительности, а в силе имен: Лесючевский заказал, Книпович заказ выполняла» (3, 66).

«На Суркова, — продолжал Федин, — сильно давят сверху, но он любит и почитает Ахматову и, вероятно, попробует защитить книгу. Тем более, что к осени ожидается потепление в литературных делах» (там же). Рукопись была возвращена автору «на доработку».

В декабре 1963 г. Ахматова начинает обдумывать способ спасти книгу, для чего необходимо выполнить требования рецензентки. Третий том Л.К. Чуковской содержит бесценный материал бесед Ахматовой с нею об этом, — с нею, потому что на этот раз именно Л.К. Чуковскую просит Ахматова помочь ей в состав-

лении. 14 декабря 1963 г. в Комарове между ними состоялся следующий разговор: «Я предложила построить однотомник по образцу сборника «Из шести книг»: то есть начиная с последних стихов. Начать с последней книги (с «Бега времени», зарезанного Книпович), а потом идти по книгам назад, в обратном порядке, вплоть до сборника «Вечер». «Первые да будут последними».

— Нет, — сказала Анна Андреевна. — Читатели почему-то терпеть не могут такого порядка» (3, 121). 20 декабря Ахматова сообщает о своем решении: сделать «большой однотомник, включив него все сборники в хронологической последовательности» (3, 129).

Тогда же Ахматова узнала о выходе в Мюнхене издания «Реквием». Она получила книгу — «книжка белая, рамка черная, и большими внятными буквами на белой обложке: «Анна Ахматова. Реквием» (3, 130). Ахматова увидела извещение в парижской газете «Русские новости» (13 декабря 1963), что книга поступила в продажу в русском магазине. Поскольку газету она считала «просоветской», то полагала, что упоминание в ней о «Реквиеме» сделало его «легализованным», — и она снова решает включить его в книгу (3, 133). Л.К. Чуковская пишет: «Я предложила назвать всю книгу «Бег времени» — дать всему сборнику то заглавие, какое Анна Андреевна и Ника предназначали всего лишь для собрания новых стихов (для сборника, столь успешно зарезанного Лесючевским и Книпович). Ведь ахматовский однотомник — это в самом деле памятник бегущему времени — и какой памятник и какому времени! Более полу столетия нового века» (3, 134). Поскольку основная работа над но-

вым вариантом «Бега времени» предстояла в 1964 г., Ахматова предполагала включить в него вновь написанные стихи. Она расценивала сборник как пятидесятипятилетний юбилей своей творческой деятельности (1909 — 1964). В июне 1964 г. ей исполнялось 75 лет, и она считала книгу подведением итогов.

За основу был взят машинописный экземпляр «Бега времени» 1962—1963 гг. — с пометами Ахматовой на полях и вставками: с черновиками и вариантами новых стихов. Этот экземпляр был переписан Л.К. Чуковской от руки, затем отдан машинистке. В него вносились многочисленные изменения и дополнения, преобразившие структуру всей книги. Ахматова настаивала на выделении в особый раздел поэм, куда предполагалось включить только три поэмы: «Путем всея земли», «Реквием» и «Поэму без героя» — «все три части и с лагерными кусками». Раздел «Венок мертвым» она также пыталась сохранить в составе семи стихотворений: Пильняку, Пастернаку, Анненскому, Зощенко, Есенину, Булгакову, Пунину (3, 135).

Работа протекала с начала января 1964 г. и была завершена к марту. Ахматова составляла перечни стихотворений, которые должны войти в каждый из разделов, Л.К. Чуковская «по первоисточникам и разным изданиям» должна была «проверить состав — не забыто ли что! — и сравнить тексты: нет ли разночтений?». Изготовив копии и «сводки вариантов», Лидия Корнеевна задавала Ахматовой вопросы по выбору основного текста: «В журнале стихотворение печаталось так, в сборнике этак, иногда перемены продиктованы редактором, цензором, иногда — Музой.

В разные годы цензура запрещала разное: то ничего божественного, то ничего мрачного, то ничего о прошлом, то ничего о 37-м, то — никаких архаических слов. В угоду цензуре, для спасения стихов, даты тоже, случалось, ставились от публикации к публикации разные» (3, 144). Судьба отдельных стихотворений решалась то самой Ахматовой, то учитывались мнение и вкус Чуковской. Некоторые стихотворения (из ранних сборников) отвергались по необъясненным причинам. Обсуждался и был отвергнут хронологический принцип:

«— Хронологии в расположении своих стихов я придерживаться не собираюсь. Нет, не только из-за цензуры. Хронология губительна, ею загублен даже Пушкин. Она пригодна лишь для академического издания, а для сборника, адресованного любому читателю, — закон другой.

Я с нею совершенно согласна. Хронология — это для составителя легче всего, а для читателя — всего скучнее. Движение времени, разные периоды в творчестве поэта можно и должно показать другими средствами» (3, 145—146).

По настоянию Л.К. Чуковской книгу решили открывать стихотворением «Молюсь оконному лучу» с датой под ним — 1909. Произвольно в те или иные разделы вставлялись не печатавшиеся ранее стихотворения (например, «О, знала ль я, когда в одежде белой...» в раздел «Anno Domini»). Принципиально снимались даты под трагическими стихотворениями 1921 г., посвященными гибели Н.С. Гумилева. — «Все души милых на высоких звездах...» и «Пятым действием драмы...». Чуковская записывает диалог:

«— Мы так и поставим? 1921?»

— Ни в ко-ем слу-ча-е... Не забывайте, пожалуйста, Лидия Корнеевна, где вы живете» (3, 151). 18 января 1964 г. в дневнике Чуковской зафиксировано намерение Ахматовой скомпоновать циклы. В записи личной беседы Л.К. Чуковской с Н.В. Королевой — утверждение Чуковской, что на каком-то этапе работы новый «Бег времени» сплошь состоял из циклов. Это утверждение относится, разумеется, к стихам после 1920-х годов. Циклы составляются не торопясь. «Понимаю, — пишет Лидия Корнеевна, — оглядываясь назад, улавливать «начала и концы» отношений, разрывы и возвраты, сбывшиеся и несбывшиеся предчувствия и пророчества — нелегкое дело. Анна Андреевна совершает его не спеша, чем отчаянно тормозит работу машинистки: ведь стихотворение вне циклов перепечатывается каждое само по себе, каждое на отдельной странице, а выстроенные в цикл — 1, 2, 3 — располагаются на странице подряд. Значит, пока Анна Андреевна еще не построила цикл, — у меня и у машинистки прогул, простой» (3, 151—152).

Желание сделать сборник как можно более полным все время ограничивается опасением загубить его излишней смелостью. Сразу признаются «непечатными» многие новые стихи, — например, «Другие уводят любимых...», впечатление от которого Чуковская записала 25 января 1964 г.: «Пусть русская поэзия скоро полвека сидит на скамье подсудимых, — она, видать, не сидит сложа руки. Нестерпимая мысль: этих стихов в нашем «Беге времени» не будет! Цензура стремительно волочит время назад, и за ее обратным ходом

в состоянии поспеть разве что Евгения Федоровна Книпович» (3, 159).

Издательство и «высшие власти» внимательно следили за процессом переделки книги. А. Сурков настоятельно рекомендовал включить в итоговый сборник стихи из «Слава миру!», Лидия Корнеевна против, но Ахматова уступает, чтобы спасти книгу в целом. Вынимает части «Поэмы без героя», соглашается на изъятие 700 строк. В марте 1964 г. работа подходит к концу. Чуковская записывает: «Книга «Нечет» составлена по списку Анны Андреевны: вручила она мне перечень стихов, от которого я не отступала.

Зато «Седьмую книгу» она велела делать мне самой, указав только, что открывать должно циклом «Тайны ремесла», а кончать «Полночными». Я «Тайны ремесла» расширила — ввела туда три стихотворения: «Творчество», «Мне ни к чему одические рати...» и «Многое еще, наверно, хочет // Быть воспетым голосом моим». Анна Андреевна осталась довольна, только из стихотворения, посвященного Мандельштаму, приказала убрать три цензуроопасные четверостишия: первое, второе и последнее» (3, 172).

В марте 1964 г. два экземпляра нового варианта «Бега времени» были отправлены с М. Ардовым в издательство «Советский писатель» в Ленинград. Приведем, опять же полностью, контрольную рецензию (редакционное заключение?) главы Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Ильи Корнильевича Авраменко от 19 мая 1964 г.:

АННА АХМАТОВА — БЕГ ВРЕМЕНИ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
(1909—1964)

Пятьдесят пять лет! Бег времени, отмеченный в народной жизни событиями эпохального звучания и сдвигов. От поражения первой русской революции, через реакцию к новому взлету революционной волны; от первой империалистической, показавшей беспомощность и продажность царского правительства, через очищающий грозовой Октябрь и кровь гражданской войны, сквозь годы разрухи, восстановления и строительства жизни на новой основе — к трагедии Великой Отечественной, — пространственно, физически и духовно, по наполнению своему, отрезок огромной масштабности. И в литературе — от символизма, беспечности, неясности ощущений, через Блока и Маяковского, — к вершинам социалистического реализма, к сопричастности всему, что творится вокруг, — путь не менее замечательный.

Отразилось ли все это и, прежде всего, народная жизнь, в ее хотя бы главных проявлениях, на творчестве Анны Ахматовой, предлагаемой рукописью как бы подводящей итог своему большому и, несомненно, заслуживающему внимания литературному пути?

В какой-то мере — да. Но в очень интимном, почти альковном мире сугубо камерных переживаний, как отраженное и уже не различимое эхо, как смутное чувство душевной неустроенности, неслаженности, растерянности, без привнесения в эти мотивы социальной окраски сколько-нибудь. Лишь годы потрясений сороковых годов двадцатого столетия смогли коснуться своей глубокой печалью трепетной души Анны Ахматовой, они вывели ее на орбиту. И голос поэта — голос гражданского мужества и неотделенности от народа в его страданиях и победах, думается мне, прозвучал впервые так высоко и патристично, и так определенно. Но отгремели раскаты орудий, и связь эта ослабла. Вновь образ человека, всеми помыслими своими и душевными интересами оставшегося там — в мире блоковских ассоциаций, — заполняет элегические строки, бродит окрестностями того далекого, по дорогим развалинам, отрешенно от окружающих его сегодняшних волнений и забот, и смотрит, смотрит, смотрит с печалью в ушедшее, в невозвратимое глазами скорбящими и такими же прошлыми. Тоска и вздыхания по убиенному... Лампады... Звон колоколов... Кресты

и могилы... И мысли о смерти... Все это нашему современнику, активному строителю жизни, человеку дерзких деяний и высоких устремлений, — совсем не родственно. Но между тем...

Между тем — творчество Анны Ахматовой — это уже в лучших своих образцах классика. Голос Ахматовой, прозвучавший в начале столетия, наполненный мотивами эпохи ее творческого восхождения, — соседствует сегодня с голосами иного времени. Живой голос рядом с живыми, но отличными от него по общественному насыщению, по охвату явлений действительности, по активному отношению к ней. Большое явление национальной русской культуры, Анна Ахматова является, пожалуй, единственной из женщин после Каролины Павловой, кому дано было занять такие высоты в поэзии, держать их столь уверенно и властвовать в духовном мире своего поколения и далее. Имя ее неотделимо от Александра Блока. Она — вся в ритме его поэтического времени. Но время Блока уходит. В творчестве же А. Ахматовой оно продолжает еще жить, по сути дела уже вступая в конфликт с миром чувствований нового человека революционного времени, лет социализма, являясь хоть и яркой страницей русской поэзии, но уже вчерашней.

А между тем — невозможно отвергнуть силу воздействия поэтических образов Анны Ахматовой, колдовскую силу ее строк. Своеобразие их бесспорно. И потому — невозможно решать без вдумчивости вопрос объемности издания «Бега времени». Воспитание души человека коммунистического общества включает в себя не только проблематику, связанную с выработкой чувства прекрасного (здесь творчество А. Ахматовой в его избранной части может служить надежным оружием), но и вопросы духовной цельности человека будущего, его мироощущения, миропонимания, мировоззрения (здесь не все творчество А. Ахматовой может сослужить добрую службу).

«Бег времени» — должен увидеть свет. Речь может идти лишь о том, что должно входить в эту книгу.

Я вполне понимаю желание автора — видеть собранным все: от «Вечера» и «Подорожника», «Белой стаи» и «Четок» до последних циклов и поэм «Седьмой книги». Но... в издательстве «Советский писатель», в издательстве новинок — вряд ли целесообразно и уместно издавать все, что входит в «Бег времени». К сожалению, кое-что уже сегодня издано быть не может, уже не живет. Сохранит ли оно свое звучание в будущем — покажет время. Не нам о том судить. На то оно

и время — ему дано право умерщвлять и воскрешать. Мотивы покаяния, монашеской схимы и отрешенности, мотивы скорби, тоски, — слишком преобладают, когда стихи, написанные за долгую жизнь, вдруг оказались рядом, в одной папке.

...Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморная стану (9 стр.)
...Не целуй меня усталую, —
Смерть придет поцеловать (15 стр.)
...Я молчу. Молчу готовая
Снова стать тобой земля (25 стр.)
...Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь (29 стр.)
...О, как сердце мое тоскует!
Не смертельного (так! — Н.К.; надо: смертного)
ль часа жду? (42 стр.)
...Вот черные зданья качнутся
И на землю я упаду (108 стр.)
...Серой белкой прыгну на ольху,
Ласточкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать (146 стр.)
...Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок (170 стр.) и т.д.

Было бы глубоко невежественным утверждать, что тема смерти противопоставлена современной поэзии. Вечные темы на то и «вечные», чтобы решать их, но соответственно эпохе, эстетике ее, взглядам ее на общество и природу, умонастроению ее, идеологическим ее позициям. Наш век, наше время — коммунистическое. Отсюда и выводы. У А. Ахматовой эта тема лишена устоев гражданственности:

...Я руками обоими сжала
На груди цепочку креста (110 стр.)
...Я только крест с собой взяла (111 стр.)
...Богородица белый расстелет

Над скорбями великий плат (120 стр.)
 ...Ранят тело твое пресвятое,
 Мечут жребий о ризах твоих (121 стр.)
 ...И стало лицо моложе,
 Я опять узнала его
 И сказала: «Господи боже,
 Прими раба твоего» (130 стр.)
 ...Буду тихо на погосте
 Под доской дубовой спать.
 Будешь, милый, к маме в гости
 В воскресенье прибегать —
 Через речку и по горке,
 Так что взрослым не догнать,
 Издалека, мальчик зоркий,
 Будешь крест мой узнавать (132 стр.)
 ...А над смутным золотом престола
 Разгорелся божий сад лучей (138 стр.)
 ...За то, что всем я все простила,
 Ты будешь ангелом моим (144 стр.)
 ...Первый луч — благословенье бога —
 По лицу любимому скользнул (149 стр.)
 ...Снова мне в прохладной горнице
 Богородицу молить (151 стр.)
 ...Словно ангел, возмутивший воду,
 Ты взглянул тогда в мое лицо (159 стр.)

Цитируя эти строки, я имею в виду не их художественную ценность. Она для меня бесспорна. Строки большого эмоционального накала. Я говорю о направленности, об идейной квинтэссенции. В стихотворении «Эхо» А. Ахматова говорит об этих все время возникающих, как отголоски, бередящих душу мотивах, пытаюсь найти причину тому, что эхо...

.....еще не может
 Замолчать, хотя я так прошу... (373 стр.)

Эхо не желает умолкать. Образы пережитого и прожитого, не связанные с бегом времени в его социальном аспекте, теснятся, заполняют сознание, уводят все мысли от текущего дня:

...Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно (109 стр.)

Не к явлениям эпохи, значительным и решающим, а к воспоминаниям царскосельских и павловских парков — тянется память, вызывает литературные и иные ассоциации:

...Здесь лежала его треуголка
И расстрелянный (так! — *Н.К.*; надо: растрепанный)
том Парни (10 стр.)

...Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой (14 стр.)

...Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и тетрадка (16 стр.)

...А после на диване
Сидит и ждет меня,
И шпорою короткой
Рвет коврик пополам (127 стр.)

...Там тень моя осталась и тоскует,
В той светло-синей комнате живет (142 стр.)

...Судьба ли так моя переломилась (так! — *Н.К.*; надо:
переменилась)

Иль вправду кончилась игра?
Где зимы те... (147 стр.)

...Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознания.
Чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье (148 стр.)

...А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии своем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утреним лучом.

Надо ли убирать мотивы трагического, так характерные для творчества Анны Ахматовой, мотивы печали? Без этого — не существует

А. Ахматовой. Я говорю о концентрации. И у большого поэта не все бывает равноценным: наряду с превосходными стихами идут менее сильные, а чаще вариации, за счет которых и следует пригасить навязчивость мотивов, столь громко прозвучавших в однотомнике.

Мне думается: в основу книги «Бег времени» следует положить сборник, изданный Государственным издательством художественной литературы в серии «Библиотека советского поэта», несколько пересмотрев его в связи с тем, что он требует дополнений. Не берусь указывать, что следует сократить в гослитовском сборнике, но определенно считаю необходимым дополнить его такими стихами из рукописи: «Молюсь оконному лучу...», «Я не любви твоей прошу...», «Покорно мне воображенье...», «Настоящую нежность не спутаешь...», «Столько просьб у любимой всегда...» «Я научилась просто, мудро жить...», «Бессонница», «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Вижу выцветший флаг над таможей...», «Они летят, они еще в дороге...», «О, это был прохладный день...», «Есть в близости людей заветная черта...», «Как невеста получаю...», «Молитва» («Дай мне горькие годы недуга...»), «Так раненого журавля зовут другие...», «Я знаю, ты моя награда...», «Город сгинул, последнего дома...», «Просыпаться на расвете...», «Когда о горькой гибели моей...», «По неделе ни слова ни с кем не скажу...», «В каждых сутках есть такой...», «О, нет я не тебя любила...», «Петроград 1919 г.», «Бежецк», «За озером луна остановилась...», «Эпические мотивы» («В то время я гостила на земле...»), «Русский Трианон» (Отрывки из царскосельской поэмы), «Новогодняя баллада», «Не прислал ли лебедя за мною...», «Годовщину последнюю празднуй...», «Клеопатра...», «Ива», «Подвал памяти». (Это — из книг, издававшихся ранее — в пореволюционные годы и теперь составляющих последовательно одноименные разделы книги «Бег времени», и цикла «Тростник», менее известного читателям.)

Из «Седьмой книги», открывающейся превосходным циклом «Тайны ремесла», необходимо взять: «Эпиграмму» («Могла ли Биче словно Дант творить...»), «Многое еще, наверно, хочет...» («Про стихи»), «Победителям», «Я не был здесь лет семьсот...» («Луна в зените»), «Шиповник цветет» (далеко не весь), «Вот она плодоносная осень...», «Полночные стихи» («Первое предупреждение». «Тринадцать строчек». «И последнее»), «Из цикла «Нечет» («Приморский парк...», «Музыка...», «Отрывок...», «Летний сад...», «Не страшай

меня грозной судьбой...», «Эхо...», «Три стихотворения» («Пора забыть верблужий этот гам...», «И в памяти черной, пошарив, найдешь...», «Он прав — опять фонарь, аптека...»), «Античная страшилка» («Смерть Софокла», «Александр у Фив»), «Опять подошли незабвенные даты...», «Если б все, кто помощи душевной...», «Родная земля...», «Северные элегии».

Из поэм я оставил бы только «Реквием» (1935—1940) — произведение высокого душевного накала, где с наибольшей силой воплощены трагедийные мотивы, столь характерные лирическому герою поэта. Все это вместе дает полное представление о даровании А. Ахматовой, о ее необыкновенном лиризме и женственности — самых сильнейших сторонах ее творчества.

Издание Полного Собрания сочинений — дело Государственного издательства художественной литературы. Насколько оно своевременно — не берусь судить. Но наиболее полный сборник нашего современника — поэта исключительно высокого мастерства и глубины человеческих переживаний, — может поднять издательство «Советский писатель», бесспорно. Необходимо лишь предпослать этому сборнику квалифицированную вступительную статью.

И. Авраменко
19.05.64.

(Из материалов Фонтанного Дома)

Издание, на которое предлагает Авраменко ориентироваться, — это «Стихотворения (1909—1960)» 1961 г., вышедшие в серии «Библиотека советской поэзии» (в редакционную коллегию входили В.М. Инбер, В.О. Перцов, А.А. Прокофьев, М.Ф. Рыльский и А.Т. Твардовский).

На основании заключения И.К. Авраменко, издательство начало работу над новым вариантом книги. Издательский редактор Минна Исаевна Дикман (заметим, по тем временам одна из самых смелых и знающих редакторов Ленинграда) вынула из рукописи 700 строк (ноябрь 1964 г.). К концу ноября

1964 г. «перестройка» рукописи продолжалась: «От «Реквиема» в книге осталось всего два стихотворения, «Поэма без героя» и «Путем вся земля» посланы на дополнительное рассмотрение в Москву. (Это значит, весь отдел разрушен. Уничтожено подводное единство трех поэм). К семистам уже прежде выкинутых строк прибавилось еще столько-то» (3, 262—263). Анна Ахматова, уставшая бороться, согласилась на все.

И потянулись долгие месяцы ожидания. Без книги пройдет ахматовский юбилей — 75 лет. Без книги она поехала в Италию получать присужденную ей премию «Этна Таормина». Без книги в июне 1965 г. она была в Оксфорде, где ее торжественно удостоили почетной докторской степени. В августе 1965 г. умерла Фрида Абрамовна Вигдорова — та, чья запись процесса Иосифа Бродского обошла весь мир и за которую она подверглась жесточайшей травле у себя на родине. 4 сентября 1965 г. было пересмотрено дело Иосифа Бродского — не отменено как ошибочное, но лишь пересмотрено в части срока: вместо пяти лет наказание сокращено до уже отбытого времени: один год и пять месяцев. 8 октября 1965 г., наконец, Ахматова увидела тираж своей книги. Запись Л.К. Чуковской: «Бродский наконец освобожден, и, наконец, добежал до нас «Бег времени»! Но на радость, на счастье у нее, видно, тоже не хватает сил. — «Сейчас я покажу вам издательские мошенства. Подлейшие», — говорит Ахматова о своей долгожданной книге» (3, 297).

В ноябре 1965 г. Ахматова взволнована «делом» Синявского и Даниэля — их произведения, опубли-

кованные на Западе, ей не близки: «Мне это не надо... Ах, при чем тут хорошая проза, плохая проза... Надо одно: чтобы люди не попали на каторгу» (3, 304).

Она закончила воспоминания о Блоке. Она выступила на вечере, посвященном Данте. В ноябре 1965 г. ее сразил инфаркт, — последний, смертельный. 11 января 1966 г. в Боткинской больнице Ахматова надписала книгу «Бег времени» дочери Фриды Абрамовны Вигдовны, Александре Александровне Раскиной:

Нашей дорогой Сашеньке

пусть эта книга будет хотя бы слабым и несовершенным напоминанием о Той, кому я когда-то обещала ее подарить, о той, кто была Вашей матерью и единственным высочайшим примером доброты, благородства, человечности для всех нас. *Анна Ахматова.*

11 янв<аря> 1966. Москва

Когда говорят о круге духовного общения Анны Ахматовой последнего десятилетия ее жизни, обычно называют в первую очередь Лидию Корнеевну Чуковскую, Бориса Леонидовича Пастернака, Нину Антоновну Ольшевскую и все семейство Ардовых, Лидию Яковлевну Гинзбург, молодых поэтов — «ахматовских сирот» и среди них на первом месте Анатолия Генриховича Наймана и Иосифа Александровича Бродского, Надежду Яковлевну Мандельштам и Николая Ивановича Харджиева, многочисленных редакционных и издательских работников — Нику Николаевну Глен, Галину Петровну Корнилову и др. Эти имена — как, впрочем, и многие, многие другие — постоянно встречаются в рабочих тетрадях и записных книжках Ахматовой после 1959 г. Чаще всего это перечни типа: «Кому

дать книгу», «Кому дать Поэму» или «Полночные стихи», кто приходил или должен прийти с визитом. Запечатлены высокие отзывы Ахматовой о стихах И. Бродского, М. Петровых, А. Тарковского, В. Корнилова, Н. Горбаневской; о песнях А. Галича; размышления над стихами А. Кушнера, В. Шефнера, Ю. Морיצа, А. Межирова, Д. Самойлова; интерес и неодобрение — по отношению к поэзии Г. Горбовского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной. В адрес трех последних — настойчивые и ревнивые упреки в стремлении к популярности, к «эстраднему» успеху. Попробуем несколько расширить привычную «обойму» имен.

Среди собеседников-поэтов, высоко ценимых Ахматовой в 1960-е годы, — Арсений Тарковский. В его воспоминаниях об Ахматовой — история их размолвки, когда ему не понравился некий «кусочек ахматовской прозы»: «Анна Андреевна Ахматова, «обыкновенная королева», как говорили о ней... Однажды она показала мне кусочек своей прозы, который мне не понравился. Я сказал ей об этом, не пощадив ее самолюбия. <...> Прошла неделя. Вдруг раздается телефонный звонок: «Здравствуйте. Это говорит Ахматова. Вы знаете, я подумала, зачем нам ссориться, мы должны друг друга любить и хвалить». Любить и хвалить...» В этих же воспоминаниях Тарковский говорит о «принципе равновесия словесных масс», который идеально соблюден в поэзии Баратынского, Анненского и Ахматовой, о «богине памяти» — Мнемозине, которая является божественной первоосновой всех искусств. «Художник может писать с натуры. Поэт пишет только по памяти.

Память — это Муза поэта, его перо*. Я погибаю с каждой забытой тенью, с каждым утраченным ремеслом. Я иду на казнь вместе с Жанной. Я вдыхаю фиалковый запах мамы...

И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне еще когда-нибудь приснится,
И повторится все, и все довоплотится,
И вам приснится все, что видел я во сне...»**

Кажется, что в этих словах о памяти и в этих стихах Тарковского об общих снах — отголосок главных тем в поэзии Ахматовой последнего десятилетия ее жизни:

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем, как приход весны.

4 мая 1965

Слова Тарковского о Жанне д'Арк перекликаются с ахматовскими: «С дымом улетать с костра Дидоны, // Чтобы с Жанной на костер опять» (1962). А идея памяти как главной движущей силы поэзии и ее первоосновы пронизывает, по сути дела, всю позднюю поэзию Ахматовой. То же можно сказать о теме сно-

* В одной из бесед с Л.К. Чуковской, где та спрашивает Ахматову, помнит ли она незначительный эпизод Люшиного детства, Ахматова отвечает: — Помню ли? Конечно, помню. Я помню все — в этом и есть моя казнь (3, 503).

** Т а р к о в с к и й А. «И это мне еще когда-нибудь приснится...» / Публикация Ирины Кленской. — Русская мысль. 1998. 21—27 мая. С. 15.

видений, снов во сне, «полночных стихов», заклатья сном и пр.

Трудно говорить о философских корнях поздней лирики Ахматовой. Она мало беседовала и ничего не писала в эти годы о Ф. Ницше и Э. Фрейд, Вл. Соловьеве и Н. Федорове. Философские раздумья о жизни и смерти, эпохах памяти и роли сновидений в самосознании человеческой души приходили в ее поэзию из поэзии же — великих символистов, соратников-акмеистов и из замечательного умения гениального поэта осознать собственный жизненный опыт. Лишь мельком упомянет она в рабочей тетради в записи «Кто жил в Царском» — «Ю.М. Антоновский — переводчик Ницше» (РТ 103, л. 8, РГАЛИ) или скажет мимоходом Л.К. Чуковской (28 июня 1955 г.), что Фрейд — ее личный враг: «Ненавижу все. И все ложь. Любовь для мальчика или девочки начинается за порогом дома, а он возвращает ее назад, в дом, к какому-то кровосмешению... А насчет раннего детства догадывались и без него» (2, 149).

Вместе с тем о Ницше Ахматова знала с юности как об одном из значительнейших писателей и философов. В записках П.Н. Лукницкого имя Ницше появляется неоднократно, начиная с воспоминаний Ахматовой о Гумилеве в 1913 г.: «Заратустра. Антихрист. По ту сторону добра и зла. Ницше контр Вагнер». Ахматова размышляет, не восходят ли к Ницше отдельные фразы Гумилева («Я смотрел на все пьяными глазами месяца...»), отдельные образы — гроты, например: «Но в таинственном гроте Венеры // Я живу уже тысячу лет...» — «это Тангейзер жил — не из Ницше ли?» «Чаша Грааль — тоже». «Посмотре-

ли в рецензии Брюсова на «Путь конквистадоров», не говорит ли Брюсов о влиянии Ницше»*.

По этим указаниям Ахматовой Лукницкий сам начинает читать Ницше — «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», — и пишет Ахматовой в августе 1925 г.: «Все Ваши предположения подтверждаются. Конечно, и «высоты», и «бездны», и «глубины», и множество других слов — навеяны чтением Ницше.

То же можно сказать относительно описаний местности, образов, сравнений, встречающихся во многих стихотворениях «Пути конквистадоров». Стихотворения «Людам настоящего», «Людам будущего» написаны целиком под влиянием Ницше»**.

Позже Ахматова так же уверенно находила следы воздействия Ницше в трагедиях Анненского: «Иксион, человек, который становится богом, конечно, задержал на себе внимание Николая Степановича: это так в духе Ницше, которым Николай Степанович в ту пору увлекался»***.

Однако о значении Ницше для своего творчества Ахматова не говорила, наоборот, различное отношение к Ницше как бы лежало у истоков различных индивидуальностей двух поэтов — Гумилева и Ахматовой — при начале их пути.

Тем любопытнее возникающая в воспоминаниях последних лет тема отношения Ахматовой и через нее —

* Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. Париж: YMCA-Press, 1991. С. 197—198.

** Там же. С. 321.

*** Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. Париж; Москва. YMCA-Press; Русский путь. 1997. С. 13.

Иосифа Бродского — к одному из интереснейших произведений середины 1920-х годов философа А.К. Горского «Огромный очерк». Это произведение в машинописной копии принес Ахматовой в 1962 г. ее новый знакомый, поэт и переводчик Михаил Юрьевич Ярмуш, по профессии врач-психиатр. Прочитав «Огромный очерк», Ахматова сказала Ярмушу, что в нем много такого, о чем она не знала...

Горский был увлеченным последователем Вл. Соловьева и Н. Федорова, а свои философские теории строил, используя мысли и образы художественной литературы и прежде всего поэзии Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Анненского и Блока. Его интересовал сам процесс творчества, аналогичный процессу эротического возбуждения, — лирическое волнение, которое отличается от «житейского волнения» тем, что оно конструктивно, «построительно». Философ утверждает родство процесса творчества, истоки которого — в накоплении зрительных восприятий, с процессом образования сновидений и «сновидческим восприятием мира»: «Законы движения потока образов, вихрей воображения, заправляющих поэтическим творчеством, однородны с законами сновидения, сновидческого воображения»*. Художнику дозволен взгляд в сокровенное горнило первообразов, которые он способен организовать и упорядочить, а источник этих первообразов — автоэротическая зеркальность, самонаблюдение, как это бывает в образовании сновидений.

* Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995. С. 195. «Б-ка духовного возрождения». Далее страницы приводятся в тексте.

Создание любого художественного произведения подобно рождению ребенка, — тут философ Горский использует обширную цитату из произведения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Рождению подобно и создание любого художественного произведения, поскольку оно, как и сновидение, протекает за гранями мозгового, «дневного», «бодрственного» сознания, в той или иной степени отгороженного на это время, отлученного от стихийного вихря выделений, автоэротических образов, зеркально-фантастических превращений. Заратустра обращается к «созидающим»: «О, созидающие, высшие люди! Кому предстоит родить, тот болен, но кто родил, тот нечист. Спросите у женщины — родит не потому, что это доставляет удовольствие. Боль заставляет кур и поэтов кудахтать. О, созидающие, в вас много нечистого. Это потому, что вам надлежит стать матерями. Новорожденное дитя: о, сколько новой грязи пришло с ним в мир!» (С. 230). Ср. ахматовское «Творчество» (1936):

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чужды и жалобы и стоны <...>

Или стихи 1940 г.:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

Ахматова может сравнить процесс творчества с лихорадкой: «Жестче, чем лихорадка, оттрепет» (1960), с постижением *тайного*, что *бродит вокруг*, с любо-

вью, которая «по капельке выпила кровь», и с зеркальным отражением: создание поэта «не знаю откуда крадется ко мне, // Из зеркала смотрит пустого // И что-то бормочет сурово».

Наконец, именно в 1963 г. рождаются «Полночные стихи», в которых все происходящее — это «ночное посещение», зыбкий мир «в зазеркалье» или при свечах:

Снова свечи станут тускло-желты
И заляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.

Сновиденье приводит героя из прошлого, в сновиденье пробуждается память:

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебнейший вечер <...>
Все уходит — мне снишься ты,
Доплясавший свое пред ковчегом.
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты <...>

Для 1960-х годов особенно характерно видение мира и самой себя «как сквозь сон». Сон может быть «страшным подарком», являться сразу двоим, отличаться «красотой невозвратной», «ошибаться дверьми». Поэту может быть отрадно — «В той тишине, почти что виноградной, // И в яви, отработанной под сон» (1963). Рассуждения философа Горского о творческом процессе затрагивают не только лирику, но и музыку: «Лирика, музыка — не что иное, как море волнений, координируемое узловым, центральным (все включа-

ющим) всеохватывающим образом «музы», т.е. той степенью автоэротического возбуждения, на которой начинается раскрытие «фаллического зрачка», т.е. изощренная осязанием кожа реагирует на свет... Все тогда становится зеркальным, все «внешнее» воспроизводит центральный образ в разных вариантах, составляя с ним одну стройную систему волнений» (С. 254—255).

Именно в поздние годы Ахматова написала много стихотворений о музыке, — почти все они остались незавершенными, но в них явственно стремление поэта проникнуть в таинство музыки и ее создания:

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любясь и собой давясь,
Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая? <...>

Память, пришедшая в сознание человека с помощью прежде всего зрительного восприятия мира, с помощью зрения, зрачка, делает его неизмеримо богатым. «Новейшие исследования показали, что в человеке заложена масса возможностей, которые так и остаются неиспользованными в течение всей его жизни. Человек представляет из себя как бы огромную камеру, наполненную тысячами фотографических пластинок, из которых он успевает снять и проявить лишь какой-нибудь десяток-другой», — писал Горский.

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит, —

писала Ахматова в 1960 году.

Можно с уверенностью сказать, что Ахматовой были близки идеи русской философии, осмысляющей богатство образов русской поэзии XIX — XX вв., говорящей образным языком Лермонтова и Баратынского, Фета и Блока. Обширные цитаты из стихотворения Баратынского «Последняя смерть», которые приводил Горский в своем «Огромном очерке» (кстати, название это — тоже цитата из Баратынского: «И поэтического мира // Огромный очерк я узрел»), могли быть интересны Ахматовой и как удивительным образом совпадающие с поэтическим вкусом молодого Бродского, — это произведение Баратынского принадлежало к числу самых любимых его стихотворений, как и «Запустение», «Бокал» и вообще целиком сборник «Сумерки».

Разговор на высоком поэтическом языке мировой культуры — отличительная черта круга близких и интересных Ахматовой людей. Вот несколько примеров тому. Широко известен эпиграф из Иосифа Бродского, который использовала Ахматова в стихотворении «Последняя роза»: «Вы напишете о нас наискосок». Строка эта взята из стихотворения Бродского «Закричат и захлопочут петухи...» (1962). Строфа звучит так:

В теплой комнате, как помнится, без книг,
без поклонников, но также не для них,
опирая на ладонь свою висок,
Вы напишете о нас наискосок.

«Опирая на ладонь свою висок» — это не просто точно увиденный жест поэта, это цитата из Поля Верлена, из его книги «Добрые песенки»:

Под лампой светлый круг и в очаге огонь;
 Висок, задумчиво склоненный на ладонь;
 Взор, что туманится, любимый взор встречая;
 Час книг захлопнутых, дымящегося чая...*

Верлена Ахматова знала наизусть, вполне вероятно, что она могла знать и перевод Шенгели, выполненный в 1945—1946 гг. От Ахматовой ли, самостоятельно ли, но Верлена знал и Бродский, потому что совпадение строк о виске, склоненном на ладонь, — поразительное и для Ахматовой, несомненно, узнаваемое. Кстати, в раннем варианте стихотворения Бродского эта строка звучит в ином контексте:

Умирания, смертей и бытия
 Соучастник, никогда не судия,
 Опирая на ладонь свою висок,
 Вы напишете о нас наискосок —
 В теплой комнате, как помнится, без книг,
 Без поклонников, но также не для них,
 Без читателей, без критиков и без
 Всех людей — стихотворенье для небес**.

Общение с Ахматовой было неизменно плодотворно для ее друзей и коллег, и не только младшего поколения.

В 1950-е годы, в связи со своими пушкинскими работами, Ахматова много общается с С.М. Бонди, В.В. Виноградовым, Ю.Г. Оксманом, Т.Г. Цявлов-

* Верлен П. Избранное / Пер. Г. Шенгели. — М.: Моск. рабочий, 1996. С. 60.

** Крайнева Н.И., Сажин В.Н. Из поэтической переписки А. А. Ахматовой / Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. — Л., 1989. С. 194. Текст этой редакции — в рукописном отделе РНБ.

ской. В 1960 г. она читала С.М. Бонди незаконченную статью «Гибель Пушкина», в 1962 г. Ахматова вместе с Бонди, Вс. Ивановым и Маршаком подписывает письмо в «Новый мир» в защиту работы Э.Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина». С.М. Бонди говорил о своей дружбе с Ахматовой младшему коллеге, писателю-пушкинисту А.А. Лацису: «Я умышленно дружил с Ахматовой, с Сологубом. Общаясь с ними, я лучше представляю себе, как работают над стихами настоящие поэты. Это помогает мне понять, как работал Пушкин». Блестяще читавший труднейшие пушкинские рукописи, Бонди объяснял, что он стремился прочесть не буквы и не слова, — опыт Ахматовой помог ему осознать замечательную истину: «Поэты думают строкой. Я искал смысл и звучание строки». И еще одно открытие в пушкинском методе записи текста помог С.М. Бонди сделать творческий опыт Ахматовой: беря чистый лист, поэт не начинает писать сверху, найденная строка записывается им в середине листа, наверху и внизу остается свободное пространство. Так часто записывала текст и Анна Ахматова*.

1965—1966 — последние годы жизни. И вновь Ахматову интересуют дела Союза писателей, вновь она верит в перемены к лучшему. 27 января 1965 г. Анна Ахматова рассказывает М.И. Будыко: «Вы о перевыборе правления Ленинградского отделения Союза писателей знаете? Там было очень интересно. После всех выступлений в дискуссии по докладу Прокофьева — а были, го-

* Из рассказов о С.М. Бонди А.А. Лациса. Собрание Н.В. Королевой.

ворят, очень острые выступления, Прокофьев снял свою кандидатуру в правление Союза. Сослался на плохое состояние здоровья. Выбрали новое правление. Теперь во главе будут стоять Дудин и Гранин. Выбрали меня в правление, причем третьей по порядку — по числу голосов. <...> Выбрали меня также делегатом на съезд писателей. Во главе поэтов Ленинградского отделения сейчас будет Вадим Шефнер. Это порядочный человек»*.

Последнее замечательное событие в жизни Анны Ахматовой — ее выступление на вечере, посвященном Данте. Он состоялся в Большом театре 19 октября 1965 г. Сохранилась магнитофонная запись речи Ахматовой о Данте, которая (начиная с издания 1986 г.) воспроизводится под заглавием «Слово о Данте» (полностью — БО 2. С. 134—135). Наброски и черновики этой речи, а также мысли о Данте, обращенные к себе, своей судьбе, к своим соратникам-друзьям, Ахматова записывала в рабочие тетради (РТ 114, л. 154—161, РГАЛИ): «...и когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: «Что общего между Гум<илевым>, Манд<ельштамом> и Ахм<атовой>?» — мне хочется ответить: «Любовь к Данте». Недаром Н.С. хотел чуть не до последней минуты свою книгу «Огненный столп» назвать «Посередине странствия земного» («Nel mezzo del cammin di nostra vita»), и я в 40-ом году, отрякаясь от всего после годов Requiem'a, когда я была там, где человек быть не должен, говорю:

Мне ничего на земле не надо —

Ни громов Гомера, ни Дантова дива...

* Б у д ы к о М.И. Рассказы Ахматовой / Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990. С. 526.

А в Оде к Д'Аннунцио Гумилев снова обращается к Данте в связи с судьбой поэтов. (Цитата)

Поистине этот Человек победил смерть и ее верную служанку — забвение» (РТ 114, л. 161).

Среди набросков и размышлений о Данте — запись о себе (л. 157): «Один из чернейших дней в моей жизни. Утром милое письмо от Иры. Сразу захотелось в Комаровский рай. Tel. из Ташкента (Т.). Там лето и моя страшная тень (профиль). Там я оставила войну, хотя и победоносную, но все равно кровавую. Там родина «Пролога», от кот<орого> нет спасения. А где спасительное «величие замысла», спасшее Иосифа.

Вл. М<уравьев> назвал мою прозу — бесстрашной. Бесстрашие — близость смерти. Самое страшное — это забыть, что есть ужас, начать творить уют. Я всегда это говорила и в прозе и в стихах».

В конце этой страницы приписка: «Я писала это в октябре, а ночью на 9 ноября начался четвертый инфаркт, и я на несколько дней потеряла сознание и после двух приступов боли начала задыхаться <...> В больницу была доставлена в безнадежном состоянии (слова врача)».

Так заканчивался последний, «дантевский» год Анны Ахматовой.

Анна Ахматова умерла 5 марта 1966 г. в санатории Домодедово под Москвой. 9 марта в морге Института им. Склифосовского состоялось прощание с великим поэтом. Народу было немного, — официального оповещения не было, пришли только самые близкие и услышавшие трагическую весть от близких. Траурный митинг открыл Виктор Ефимович Ардов, произнесли речи Арсений Тарковский, Лев Озеров и Ефим Эткинд. Затем в запаянном гробу тело было отправлено в аэропорт.

10 марта в Никольском морском соборе в Ленинграде было отпевание, многочасовая церковная служба, затем прощание — гражданская панихида — в Доме писателя им. Маяковского и похороны на кладбище в Комарове.

В последние дни жизни, в больнице Анна Ахматова получила письмо от Арсения Тарковского:

Дорогая Анна Андреевна!

Вы не можете представить себе, сколько людей вместе с вашими врачами, с какой любовью и преданностью, следят за каждой десятой вашей температуры! Как добивались и добиваются Ваши читатели «Бега времени»! Все, чего нет в книге, или известно читателям или воображается ими, они видят книгу такой, какой она могла бы быть, и пусть Вас не огорчает ее неполнота. Все же — это самая полная Ваша книга, самая большая по охвату созданного Вами. Выход ее в свет — праздник русской поэзии, и был бы праздником в любые времена (но она и очень современна), даже в присутствии имен, которые и произнести страшно (Тютчев, Баратынский и еще...). Я не один, кто знает окончание «Поэмы без героя» и многое другое. Об отдельных стихотворениях нет смысла говорить, все уже сошлось, скрепилось воедино, это уже система, «воздушная громада», уже не «Северные элегии» и «Сипке», и «Библейские стихи», это — Ахматова. Ваш подвиг недаром совершаем. Кроме того каждое стихотворение больше самого себя в соседстве с другими, в этом единстве, в этой системе, в этом мире. Даже этой одной книги, без ненапечатанного, без черновиков, достаточно для посылки адресату через двести лет. Если никто не распорядился, чтобы «цел был дом поэта», то читатель об этом распорядится, для Вас уже построен Вами же коридор в будущее, и Вы по нему идете через столетия впереди самой себя. Мне кажется, что говоря так, я чего-то не договариваю, и пожалуй вот чего: Вы написали за всех, кто мучился на этом свете в наш век, а так еще не мучились до нас ни в какие времена <...>» *

Н. Королева

* Вопросы литературы. 1994. Вып. 6. С. 337. Отрывок этого письма, подаренный Ахматовой Л.К. Чуковской, см.: 3, 467—468.

КОММЕНТАРИИ

7 Летний сад. Впервые — «Новый мир». 1960. № 1. С. 152, с подзагол. «Из цикла «Белые ночи». Вариант строки 13: «И шепчутся белые ночи мои», дата — 1959, июль, Ленинград; «Стихотворения», 1961. С. 278—279, дата — 1959; то же — «Бег времени». С. 411—412. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата — по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 5 об.), в котором имеются исправления строк:

3: Где [лебеди] статуи помнят меня молодой,

5: В [тенистой] душистой тиши между царственных лип

После текста и даты приписка: «[Было:

А в Мраморном крайнее пусто окно.

Там пью я с тобой ледяное вино

И там попрощаюсь с тобою навек,

Мудрец и безумец - дурной человек]».

Квадратные скобки и текст — рукой Ахматовой. В автографе РНБ дата — 9 июля — 15 августа 1959. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) эти же строки приписаны после последней 12 строки к стихотворению «Опять подошли «незабвенные даты», начатому летом 1944—1945 г. и законченному 21 июля 1959 г.

В машинописи РНБ — перед текстом стихотворения «Опять подошли незабвенные даты...» — «Из ленинградского цикла «Белые ночи». Строки 5—6 являются видоизмененными строками из поэмы, начатой Ахматовой в 1916 (?) г. и не законченной («И в черном саду между древних лип // Мне мачт корабельных слышен скрип»).

Где лучшая в мире стоит из оград. — Замысел и создание ограды Летнего сада со стороны Невы принадлежит Ю. Фельтену, Л. Шарлеманю (деталь «Веер») и П. Егорову. Звенья решетки выкованы в Туле, гранитные колонны вытесаны в селе Путилове под Петербургом (1770—1784). Ограда со стороны Мойки выполнена по проекту Л. Шарлеманя в 1827 г. *А я их под невскою помню водой.* — Речь идет о наводнении 1924 г. *От вазы гранитной до двери дворца.* — Гранитная (точнее, порфировая) ваза стоит в Летнем саду близ реки Мойки, у Карпиева пруда (1838), Летний дворец Петра I, построенный по проекту архитектора Д. Трезини в 1710—1712 гг., — на противоположной стороне Летнего сада, у Невы и Фонтанки. *А в Мраморном крайнее пусто окно* и далее. — Воспоминание о наводнении 1924 г. в стихотворении «Летний сад», видимо, вызвало в памяти образ В.К. Шилейко, и Ахматова сделала попытку использовать строки о Мраморном дворце еще раз. См. также стихотворение «Опять подошли незабвенные даты...» и коммент. к нему.

8 *Поэт*. Впервые — журн. «Новый мир». 1960. № 1. С. 151, без загл., вне цикла, в подборке «Новые стихи», с датой — 1959 г. Комарово. Лето; «Стихотворения», 1961. С. 284—285, под № 2 в цикле из шести стихотворений «Тайны ремесла» (1. «Муза», 2. «Поэт», 3. «Читатель», 4. «Последнее стихотворение», 5. «Про стихи», 6. «О как пря-

но дыханье гвоздики...»); «Бег времени». С. 295, под № 4 в цикле «Тайны ремесла» из 10 стихотворений. В черновом автографе РНБ дата — 11 июля 1959. Комарово. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата — по черновому автографу РНБ.

Цикл «Тайны ремесла» имел разный состав. В РТ 96, л. 15 об. (РГАЛИ) в него входили стихотворения «Муза», цикл «Поэты»: из четырех стихотворений «Подумаешь <тоже работа>» О. М<андельштаму>, Н<арбуту>, П<астернаку>; «Читатель», «Последнее стихотворение» и «Эпиграмма». В той же тетради, л. 22 — стихотворение «Подумаешь, тоже работа...» без загл. открывало цикл «Тайны ремесла». В РТ 99, л. 25 (РГАЛИ) цикл «Тайны ремесла» имел эпиграф из стихотворения Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...»: «Моя напасть, мое богатство, // Мое святое ремесло...», — в дальнейшем снятый.

В черновом автографе собрания М.С. Лесмана (Фон-танный Дом) варианты строк:

5—8: И чье-то немецкое скерцо
В какие-то строки вложить,
Поклясться, что бедное сердце
Так будет и плакать, и жить.

Этот ранний вариант исправлен: в строке 5 зачеркнуто слово «немецкое», вписано «веселое»; в строке 6 «вложить» исправлено на «вложив»; в строке 8 после слова «Так» строка зачеркнута, вписано «бьется средь блещущих нив». В строке 9 было: «А после», исправлено на «И что-то», вновь зачеркнуто, окончательный вариант: «И после подслушать у леса». Остальной текст записан начисто. Дата — 11 июля 1959. Комарово. Этот черновой автограф воспроизведен Р.Д. Тименчиком в кн. «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 283.

В беседе, состоявшейся в середине октября 1959 г., Ахматова призналась Л.К. Чуковской, что недовольна строкой: «Так стонет средь блещущих нив» (Чуковская, 2. С. 363—364). Однако при публикации строка изменена не была.

9 Читатель. Впервые — журн. «Наш современник». 1960. № 3. С. 179, без 4-й строфы; строки 7: «Лайм-лайта холодное пламя», 11: «Последний, как будто случайный»; «Стихотворения», 1961. С. 285—286, под № 3 в цикле из шести стихотворений «Тайны ремесла». В экземпляре книги, подаренном Н.А. Ольшевской (РГАЛИ), Ахматовой добавлено в цикл «И снова осень валит Тамерланом...», без номера. Строка 15: «Там кто-то таинственно плачет»; «Бег времени». С. 295—296 под № 5 в цикле «Тайны ремесла» из десяти стихотворений. Во всех публикациях строка 7 печаталась в подцензурном варианте: «Лайм-лайта холодное пламя». Авторский вариант — «позорное пламя» — впервые восстановлен М.М. Кралиным — БО 1. С. 278. Печ. по кн. «Бег времени», с исправлением эпитета в строке 7 «позорное пламя». Автографы — РНБ и РГАЛИ. В РТ 96, л. 6 об. (РГАЛИ) — это и последующее стихотворения («Последнее стихотворение») имеют посвящения: «Никому». Без разделения на строфы.

Варианты и исправления строк:

- 7: Лайм-лайта [позорное] холодное пламя
- 11: Последний [ненужный], как будто случайный,
- 15: Там кто-то [таинственно] беспомощно плачет

Дата — 1959. Комарово. Лето.

Осенью 1959 г. Ахматова передала это стихотворение (в числе других) для публикации в журн. «Новый мир». Оно было набрано (без 4-й строфы, которая написана поз-

же). Корректуру читали Л.К. и К.И. Чуковские. О дальнейшей судьбе стихотворения в журнале рассказывала Л.К. Чуковская: «...я прочитала стихи для надежности вместе с Корнеем Ивановичем, потом позвонила Анне Андреевне в Ленинград и доложила; Анна Андреевна продиктовала мне новое четверостишие: «Там все, что природа запрячет» — и, когда я передавала его по телефону Карагановой, оная дама поставила меня в известность, что стихотворение это вряд ли будет напечатано, так как Дементьев (зам. Твардовского) смущен четверостишием, где порицаются подмостки, рампа. («Наши советские поэты любят лично встречаться с нашими советскими читателями»). Твардовскому же не нравится в этих же строках иностранное слово «lime-light» <...>

— Я ничего менять не стану, — сказала Анна Андреевна».

Сноска Л.К. Чуковской: «А.Г. Дементьев проявил большую проницательность: у Ахматовой в подлиннике «*позорное*» пламя» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 369). Софья Григорьевна Мазо-Караганова — заведующая отделом поэзии в журнале «Новый мир».

11 Лишняя <Из цикла «Песенки»>. Впервые — журн. «Звезда». 1962. № 7. С. 94, без загл., в цикле из двух стихотворений под общим загл. «Песенки» (2. «Не смеялась и не пела...»); «Бег времени». С. 417—418, под № 2 в цикле «Песенки», дата — 1959 (1. «Дорожная, или Голос из темноты», 3. «Прощальная», 4. «Последняя»). Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты — по рукописи кн. «Бег времени» и автографу РНБ. Полный состав цикла из шести «песенок» — в рукописи кн. «Бег времени», опубликован М.М. Кралиным — БО 1. С. 266—268.

Возможно, стихотворение связано с циклами «Cinque» и «Шиповник цветет. Из «Сожженной тетради», посвященными И. Берлину в связи с известием о его предполагаемом приезде летом 1959 г.

12 «Когда уже к неведомой отчизне...» Впервые — в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой» в кн. «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 378, и в кн.: К а ц Б., Т и м е н ч и к Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1989. С. 74. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

Варианты и исправления строк:

- 1: Когда уже к [надмировой] неведомой отчизне
14: Последнюю из тех [ночных] пяти бесед

Строка 16 в публикации Р.Д. Тименчика —

И с того света присланный ответ.

В БО 2. С. 105, включено М.М. Кралиным в подборку: <Наброски к циклу «Музыка»>. Строка 16: «И с того света присланный привет».

13 Скорость. Впервые — альм. «День поэзии». М., 1971. С. 156 и БП. С. 301, публикация В.М. Жирмунского. Печ. по автографу РГАЛИ.

14 Бреды. Впервые — Соч., 1986. С. 360, публикация В.А. Черных по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 29 об.).

15 «...И черной музыки безумное лицо...» Впервые — БП. С. 318, по автографу РГАЛИ, без даты; БО 2.

С. 68, с датой — 1959. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 28 об.).

Текст четверостишия записан чернилами и зачеркнут; внизу той же страницы теми же чернилами дата — Голицыно, 1959. Сент<ября> 3-е. Можно предположить, что дата относится к данному четверостишию.

16 «Но тебе не дала я кольца...» Впервые строки 1—4 — БО 2. С. 68, публикация М.М. Кралина по черновому автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 11).

В рабочей тетради первое четверостишие отделено от второго незавершенного наброска особым ахматовским знаком. Дата внизу страницы. Перекликается (ритмически и образно) со стихотворениями, записанными на соседних страницах: «Не страшай меня грозной судьбой...» (15 октября 1959); «Что ты можешь еще подарить?..» (октябрь 1959); «Так вот где ты скитаться должна...» (конец 1959). Возможно, связано с воспоминаниями о встрече с И. Берлином при известии о его предполагаемом приезде в 1959 г. Образ «запретной розы» использован Ахматовой несколько раз (см. стихотворение от 10 октября 1964 г. «Запретная роза»).

17 Четыре времени года. Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ; БП. С. 301, с ошибкой в строке 7: «Как деревья летящей лист»; та же ошибка повторена в последующих изданиях, за исключением кн. «Стихотворения Анны Ахматовой». Душанбе, 1990. С. 372, публикация М.Б. Мейлаха.

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 11 об.). Исправление в строке 6: «[Он] И всем всегда родней».

18 «Не стращай меня грозной судьбой...» Впервые — журн. «Новый мир». 1960. № 1. С. 151, в подборке «Новые стихи». Строка 14: «А когда-то был свежий и летний», дата — 1959. Октябрь. Ярославское шоссе; «Стихотворения», 1961. С. 282—283, дата — 1959; тот же текст — «Бег времени». С. 414. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Уточнение даты — по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 10 об.). Включалось в циклы «Из Московской тетради», «Трилистник закрытый». В РТ 99, л. 10 об. — черновой автограф с вариантами и исправлениями строк:

- 2: [Не стращай одинокою скукой]
- 3: Это праздник наш нынче с тобой
- 5: [И всего я тебе [надарю] подарю —]
- 6: [Ничего мне не жаль на прощанье]

Строк 7—8 нет.

- 9—11: Отраженье мое на воде,
Когда речке чего-то не спится,
Взгляд мой тот, что падучей звезде
- 13—14: Голос мой, что теперь изнемог,
[Голос мой и свободный] и летний
А тогда был и свежий и летний
- 15—16: В горле слезный соленый комок
И ворои подмосковные сплетни.
- 17: [А взамен у тебя попрошу]
[И вся] Чтобы сырость октябрьского дня
- 19—20: Я прошу тебя, помни меня,
Ангел мой, хоть до первого снега.

После даты — 15 окт<ября> 1959 — место написания: «Ордынка» — зачеркнуто, вместо него обозначено: «Ярославское шоссе».

В этой же тетради, л. 12 — более поздний автограф. Варианты и исправления строк:

- 6: Что луна не [гуляет] бродила над нами
 7: [Я такое тебе подарю]
 Все равно я тебя задарю
 13: Голос дам, что теперь изнемог
 15—16: В горле слезный соленый комок
 И ворон подмосковные сплетни

После строки 7 зачеркнуто: «[И обманщица тишина]». Место написания — «Москва — Загорское шоссе».

О создании этого стихотворения рассказала Н.И. Ильина: «В октябре 1959 года мы поехали в Троице-Сергиевскую лавру, как Анна Андреевна всегда называла Загорск <...> Погода выдалась теплая, серенькая, моросил дождь. Как всегда, мы то говорили, то молчали, потом Анна Андреевна замолчала надолго, и мы с Т.С. <Айзенман> этого молчания не нарушали. Внезапно Анна Андреевна произносит торжествующим голосом: «А я стихи сочинила!» И тут же прочитала их.

Это стихотворение, начинавшееся так: «Не стращай меня грозной судьбой и великою северной скукой...» — было позже опубликовано в «Новом мире». И под стихами написано: «Ярославское шоссе». Анна Андреевна собиралась и номер моей машины под стихами поставить (дескать, место написания), но в редакции ее отговорили, справедливо указав, что это звучит таинственно и похоже на шифр...» (И л ь и н а Н. Судьбы. М., 1980. С. 220). Отдельные строки и образы стихотворения перекликаются с написанным ранее наброском «Но тебе не дала я кольца...», а также с наброском «Что ты можешь еще подарить?..», который можно условно датировать 1959 г.

19 «*Что ты можешь еще подарить?..*» Печ. впервые по автографу в собрании Л.Д. Большинцовой (Фон-

танный Дом). Датируется условно — октябрём 1959 г. Возможно, является вариантом стихотворения «Не страдай меня грозной судьбой...» и связано с темой И. Берлина и его предполагаемого приезда в Россию.

20 Творчество («...говорит оно:...»). Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 56, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ, то же — БП. С. 302. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 30).

Образы стихотворения перекликаются с написанными в 1959 г. отрывками «Даль рухнула, и пошатнулось время...» и «Пространство выпнулось, и пошатнулось время...».

21 Наследница. Впервые — журн. «Москва». 1966. № 6. С. 157, с датой — 1958; БП. С. 302, с датой — 20 ноября 1959, Ленинград, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 3). В РТ 99, л. 16 об. — ранняя редакция с последующей правкой. Строки:

2: [Средь] Для этих опустелых зал,
7: [И знаменитой] Дворца сквозные галереи

После строки 8, очевидно, первоначально предполагались строки:

[Как в Магометовом раю
Уже подаркам нету счета].

Затем они были вычеркнуты, выше и ниже их записана последняя строфа и дата. Без заглавия. Эпиграф вписан позже.

Л.К. Чуковская, которой Ахматова прочитала это стихотворение 23 декабря 1959 г., записала в дневнике: «Прочитала мне три стихотворения, одно мудрейшее: о том, что наследницей оказалась она. Наследницей величия и му-

ки. <...> Тут не только благоуханная красота, но и полная осознанность своего места в истории» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 366). При жизни Ахматовой в книги не включалось. В марте 1964 г. Л.К. Чуковская записала свой спор с Ахматовой, можно ли включить это стихотворение в книгу «Бег времени»:

«— Ведь это одно из ваших ключевых, — говорила я.

— Да, — ответила Анна Андреевна, — но последние четыре строки цензуроопасны, а без них — остается одно хвостовство» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 173).

Эпиграф из стихотворения Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...».

Фелицу, лебедя, мосты... — Речь идет о Царском Селе (старинное название — Саарское, Сарское). *Фелица* (от л а т. *felicitas* — счастье) — это и «знак» Г.Р. Державина, намек на его оду «К Фелице», посвященную Екатерине II, и воспоминание о Екатерининском дворце и Екатерининском парке в Царском Селе. *Лебедь* — образ духа-покровителя Царского Села, непрменный атрибут его пейзажа в поэзии Державина, Пушкина, Тютчева, Анненского и многих других поэтов, писавших о Царском Селе (см. также т. 3. С. 722—723). *Китайские затеи* — павильон «Каприз» и «Китайская деревня» в Царскосельском парке. *И покаянную рубаху...* — Автоцитата из стихотворения «Данте» (1936): «Но босой, в рубахе покаянной...» — и стихотворения «Зачем вы отравили воду...» (1935): «Нам покаянные рубахи...»

22 «Вам жить, а мне не очень...» Впервые — журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 163—164 — отрывок от слов: «Волк любит жить на воле...» — по автографу РГАЛИ. Впервые полностью — Соч., 1986. С. 360, публикация

В.А. Черных. Автограф в РТ 96, л. 5 (РГАЛИ) — строки 9—16 без разделения на строфы; вариант последней строки: «Услышишь [голос] мой». Исправлено на: «Ты крик услышишь мой». Дата — 1959 г. 20 ноября — 2 дек<аб-ря>. В РТ 99, л. 7 об. — 8 (РГАЛИ) — полный текст. Варианты и правка строк:

13: [А ты,] Не плачь, о друг единый,

14: [И] Коль летом [и] нль зимой

15: [А ты] Опять с тропы волчиной

На л. 7 об. — две строки незаконченной и отброшенной строфы: «Когда зима — оленя, // И зубра — никогда». Дата начала работы — 20 ноября 1959; дата после текста — 1959 г. 20 ноября — 2 декабря. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99 л. 7 об. — 8), с исправлением строки 16 по РТ 96.

23 «Ты первый сдался — я молчала...» Впервые — БО 2. С. 73, публикация М.М. Кралина, с датой — 1960. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 10). Датируется по расположению в тетради среди записей октября — декабря 1959 г.

24 Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»). Впервые — журн. «Нева». 1960. № 3. С. 55, под загл. «Из Восточной тетради», без 3-й строфы. Варианты строк:

2: Светила нам только азийская тьма,

4: И черные пахли гвоздики.

6: Сквозь дикую песнь и полуночный зной, —

17—19: Так шли мы с тобою единственный раз,

Как будто в ничейный попали рассказ

И месяц алмазной фелукой
 22—24: Будь добрым к моей запоздалой мольбе,
 Пришли наяву ли, во сне ли
 Мне голос азийской свирели.

«Стихотворения», 1961. С. 280—281, под загл. «Из Восточной тетради», с датой — 1959. Варианты строк:

9: То мог быть Каир или даже Багдад,
 10: Но только не призрачный мой Ленинград
 21—24: И если вернется к тебе эта ночь,
 Ее не гони, как проклятую, прочь,
 И знай, что приснилась кому-то
 Священная эта минута.

В экземпляре книги (РГАЛИ), подаренном Н.А. Ольшеской, карандашом рукой Ахматовой исправлены строки 9—10:

То мог быть Стамбул или даже Багдад, —
 Но увь! Не Варшава, не Ленинград, —

Окончательный текст — «Бег времени». С. 420. Дата — 1959. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты по автографам РГАЛИ (РТ 99, л. 6 и РТ 106, л. 16—16 об.).

В рабочих тетрадях Ахматовой — несколько черновых автографов этого стихотворения с многочисленными поправками. В РТ 96, л. 12—12 об. после текста — три даты — 1 дек<абря> 1959, Ленинград; 5 марта 1960, Москва и 7 июня 1961, Комарово (последняя дата, возможно, означает время записи стихотворения в тетрадь, рядом с другими записями 1961 г.). В РТ 96, л. 6 и л. 12, РТ 106, л. 16 имеется эпиграф: «...Я сошел с ума...» — с пометами (Из восточного тоста) и (Из застольного тос-

та). Черновой автограф в РТ 96, л. 6 и 4 об.: из четырех строк (1—3 и 6) после даты — 1 декабря 1959, Ленинград, дописана строфа 4 (с указанием, что это 3-я строфа). На л. 4 об. дописана строфа 5. Загл.: «Из восточной тетради».

Варианты и исправления строк:

- 2: Светила нам только [азиатская] зловещая тьма
- 3: Свое [лопотали] бормотали арыки
- 4: И [черные] Азией пахли гвоздики.
- 6: Сквозь [дальнюю] [дикую] дымную песнь
и полуночный зной
- 7—8: [Друг друга благословляя,
Как духи в преддверии рая.]
- 9: То мог быть [Каир] Стамбул или [пыльный]
даже Багдад
- 10: Но [все] увы! Не Варшава, не Ленинград
- 11—12: [Мы это наверное знали
В [уже неисцельной] неисцелимой печали]
- 13: [Казалось] И чудилось: рядом шагают века
- 21: И если [та ночь возвратится] вернется
та ночь и к тебе
- 22: [В твоей, для меня непонятной судьбе]
Будь добрым к моей запоздалой мольбе.
- 23: Пришли наяву ли, во сне ли
- 24: Мне голос азиатской свирели.

РТ 96, л. 4 об. — черновой автограф строфы 5:

- 5: [Мы так проходили единственный раз]
[Последний и первый] — единственный раз
Так шли мы с тобою единственный раз
- 18: В какой-то почти что тринадцатый час
Как будто в ничейный попалин рассказ
- 19: И [призрачный] месяц фелукой
И месяц алмазной фелукой
[Казался над] Вдруг выплыл над встречей-разлукой.

В РТ 96, л. 12—12 об. — чистовой автограф с незначительной правкой, загл.: «Из восточной тетради».

Эпиграф: «...я сошел с ума... (Из застольного тоста)». Варианты строк:

- 7: Одни под Созвездием Змея
- 10: [Но только не призрачный мой Ленинград]
А все не Варшава, не Ленинград

Сноска к этой строке: «Но, увы, не Варшава, не Ленинград». Варианты строк в строфе 6:

- 21: И если вернется [к тебе эта] ночь
та ночь и к тебе
- 22: [Ее не гони как проклятую прочь,]
В твоей для меня непонятной судьбе
- 23: Но знай, что приснилась кому-то
Ты помни, что снилась кому-то

Черновой автограф в РТ 99, л. 36, 37:

- 2: Светила нам только азийская [волшебная] тьма,
- 3: [И была волчицею дикой]
Свое лепетали арыки
- 4: [И пахла смертельной гвоздикой]
И черные пахли гвоздики.
И Азией пахли гвоздики
- 5: И мы проходили сквозь город [ночной] чужой,
[Не твой и не мой, не мой и не твой]
Сквозь дикую песнь и полуночный зной

После 6:

- [Вся Азия пахла гвоздикой в ту ночь,
Которую я подарила
Тому, с кем тогда говорила.]
- 7: Одни под созвездием Змея
[Друг друга благословляя]
- 8: Взглянуть друг на друга не смея
[Как духи в преддверии рая]

Далее записана строка: «Не удивишь слова, их сталкивая лбом», по ритму и смыслу не относящаяся к данному стихотворению. Далее следует вариант 3-й строфы, строки:

- 9: То мог быть Каир или [мог быть] даже Багдад,
 10: Но [все] увы! Не Варшава, не Ленинград.
 11: Мы это наверное знали
 В [уже неисцельной] неисцелимой печали.

Строк 13—20 нет. Последняя строфа:

- 21—24: И если та ночь возвратится к тебе
 В твоей для меня непонятной судьбе,
 Пришли наяву ли, во сне ли
 Мне [песню] голос азийской свирели.

Стихотворение имело как бы двойную адресацию. Друзья Ахматовой по Ташкенту — А.Ф. Козловский и его жена, Г.Л. Козловская (Апостолова-Герус), считали его посвященным А.Ф. Козловскому. Об этом Галина Лонгинова написала в 1979 г. в редакцию «Альманаха поэзии» Центрального телевидения СССР с просьбой передать ее письмо ведущему передачи о поэзии Анны Ахматовой, который говорил о неясности для него этого ахматовского стихотворения: «Это моему мужу, Алексею Федоровичу Козловскому, написано «Явление луны». Это к нему обращено «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...». В этом письме и в воспоминаниях об Ахматовой «Мангалочий дворик» («Воспоминания». С. 378—400) Козловская подробно рассказала о духовной близости композитора А.Ф. Козловского и Ахматовой — их объединяли любовь к музыке и поэзии, блестящее чувство юмора, свойственное обоим, уникальная память, позволявшая цитировать страницы стихов и прозы, родство судеб: Козловский был выслан в Таш-

кент за три года до войны, Ахматова болезненно переживала разлуку с Ленинградом. Конкретно обстоятельства возникновения этого стихотворения представлялись Галине Лонгиновне следующим образом: «В один из жарких дней последнего лета Анна Андреевна пришла к нам и собралась уходить уже поздно. У меня на столе стояли белые гвоздики, необычайно сильно и таинственно-настойчиво пахнувшие. Анна Андреевна все время касалась их рукой и порой опускала к ним свое лицо. Когда она уходила, она молча приняла из моих рук цветы с мокрыми стеблями.

Как всегда, Алексей Федорович пошел ее провожать. Это было довольно далеко, но все мы тогда проделывали этот путь пешком. Вернулся домой он не скоро и, сев ко мне на постель, сказал: «Ты знаешь, я сегодня, сейчас пережил необыкновенные минуты. Мы сегодня с Анной Андреевной, как оказалось, были влюблены друг в друга, и такое в моей жизни, я знаю, не повторится никогда. Мы шли и подолгу молчали. По обочинам шумела вода, и в одном из садов звучал бубен. Она вдруг стала расспрашивать меня о звездах. (Алексей Федорович хорошо знал, любил звезды и умел их рассказывать.) Я почему-то много говорил о Кассиопее, а она все подносила к лицу твои гвоздики. От охватившего нас волнения мы избегали смотреть друг на друга и снова умолкали».

Его исповедь я запомнила дословно, со всеми реалиями пути, чувств и шагов. Поняла, что это был как бы акмеизм в тех их отношениях, которые французы называют *quitter l'atomeux* (свободная любовь. — *фр.*). И я, ревнивейшая из ревнивиц, испытала чувство полного понимания и глубоко-сердечного умиления. <...> И когда годы спустя Алексей Федорович впервые прочел эти стихи, он ошеломленно опустил книгу и только сказал: «Прочти». Я на всю жизнь

запомнила его взгляд и оценила всю высоту и целомудрие этого его запоздалого признания» (Письмо Г.Л. Козловской. — журн. «Слово — Word». Нью-Йорк. 1993. № 15. С. 125—127.) Предположение Г.Л. Козловской подтверждается несколькими реалиями стихотворения — описанием ночной прогулки, упоминаниями гвоздик, созвездия Змея, звуков бубна, голоса азийской свирели (в ранней редакции и в журн. «Нева») — на свирели блестяще играл Козловский.

Однако существует и другое мнение об адресате стихотворения, поддержанное самой Ахматовой. Л.К. Чуковская услышала это стихотворение в декабре 1959 г. в числе трех новых прочитанных ей Ахматовой в Ленинграде, на улице Красной Конницы: «...Другое о Ташкенте и обращено к тому высокому поляку, которого я встречала у нее. Стихотворение прекрасное, таинственное, восточное, алмазное, но ко мне Ташкент оборачивался помойной ямой, и я его красоты не почувствовала. Анна же Андреевна, как всегда, сумела над помойной ямой возвыситься и сотворить из сора высокий миф:

Шехерезада
Идет из сада
и т.д.

Это прекрасно, но в ташкентском случае ее мифотворчество мне почему-то не по душе. (Видимо, скудная у меня душа.) Так и «месяц алмазной фелукой» мне чем-то неприятен, и «созвездие Змея». Чем? Наверное, своим великолепием» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 366). *Высокий поляк* — *Чапский* Йозеф Гутен (1896—1993) — польский художник, литератор и публицист, выпускник Петербургского университета, офицер польской армии, 1939—1941 гг. проводивший в советских лагерях. В 1942 г. был в Ташкенте,

где общался с эвакуированными московскими писателями. Тогда произошло и его знакомство с Ахматовой. С 1945 г. Чапский жил в Париже, где в 1947 г. выпустил книгу о Советском Союзе «На бесчеловечной земле». С 1948 г. был членом редколлегии и постоянным сотрудником польского журн. «Культура», выходящего в Париже. В начале 1963 г. К.Г. Паустовский привез из Парижа от Чапского подарок для Л.К. Чуковской — брошь; по мнению Л.К. Чуковской, брошь на самом деле предназначалась Ахматовой: «— Это, конечно, вам, — повторяла я. — Ведь я-то, собственно, с Чапским еле-еле знакома, а вы даже стихи посвятили ему: «Из Ташкентской тетради».

— Если там есть свирель, мне. Если нет — вам, — заявила Анна Андреевна» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 24). Чуковская приводит вариант окончания стихотворения, в котором упоминается свирель:

Будь добрым к моей запоздалой мольбе:
Пришли наяву ли, во сне ли
Мне голос азийской свирели.

(Т а м ж е).

Такой была последняя строка в журнальном варианте («Нева». 1960. № 3), и, по мнению Чуковской, Ахматова могла предположить, что Чапский в Париже прочел эти стихи, понял, что они обращены к нему, и откликнулся присылкой броши. Но в этом случае на броши должна была быть изображена свирель. Предположение было ошибочно: «Не только Чапский в Париже, но и я в Москве «Невы» с этими строчками не видела», — заключает Л.К. Чуковская (С. 31). На адресацию стихотворения Чапскому указывает строка 10-я: «Но увы! Не Варшава, не Ленинград» — и мотивы «горького несходства» и «ни-

чейной земли», по которой идут принадлежащие разным государствам герои.

26 Последнее стихотворение. Впервые — журн. «Нева». 1960. № 3. С. 55, под загл. «Последнее стихотворение из цикла «Тайны ремесла», строка 7: «Из зеркала смотрит чужого»; «Стихотворения», 1961. С. 287—288 — окончательный текст под № 4 в цикле из шести стихотворений «Тайны ремесла»; то же — «Бег времени». С. 297—298, под № 6 в цикле «Тайны ремесла». Печ. по кн. «Стихотворения», 1961, дата — по чистовому автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 7).

Черновой автограф — РГАЛИ (РТ 99, л. 35—35 об.). Варианты и исправления строк:

- 1: Одно, словно [первый] кем-то встревоженный гром,
- 2: С дыханьем сирени врывается в дом
- 3: [У самого] Смеется, у горла трепещет
- 4: И [топает] кружится [в пляске] и рукоплещет.
- 7: Из зеркала смотрит чужого
- 10: [Почти что совсем не глядя на меня]
[смотря]
[помимо меня]
- 11: [Прокрадется к] белой бумаге
[Ложатся по]
- 15: [Меняется, множится] вьется
- 16: [Лишь эхом глухим отдается]

Далее шла 6-я строфа. Строфа 5-я отсутствовала. Работы над нею — после даты:

- 19—20: [Оно неразлучно со мною
Иль стало опять тишиною.]
- 21: [Но это... такой я не знала беды]

Дата — 1 декабря 1959. Кр<асная> Конница.

В РТ 96 — чистовой автограф с посвящением: «Никому» и незначительной правкой: строка 8: «[И редко процедит полслова]» исправлена на «И что-то бормочет сурово». Разночтения в пунктуации: в строке 13: «А вот еще — тайное бродит вокруг»; 16 — исправление начального союза: «Но в руки...» на «А в руки...».

28 «Я давно не верю в телефоны...» Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского, с датой — 24 октября 1959; то же — БП. С. 301—302. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 37 об.), где дата — 24 дек<абря> 1959, Кр<асная> Кон<ница> и зачеркнутые варианты строк 5—6: «[Но зато всегда могу присниться // Всякому, кому ни захочу]» (ранняя редакция).

29 Посвящение цикла «Из сожженной тетради». Впервые — в кн. «Бег времени». С. 382, открывало цикл «Шиповник цветет. «Из сожженной тетради», без загл., с неверной датой — 1961, с эпиграфом; БП. С. 273, с датой — 24 декабря 1961; БО 1. С. 268, с датой — 24 декабря 1959. Печ. по кн. «Бег времени», загл. и дата — по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 19 об.).

Эпиграф — из поэмы «Изабелла» (строфа XXXIX) Джона Китса (1795—1821) — английского поэта-романтика.

В РТ 104, л. 31 (РГАЛИ) — автограф под загл. «Посвящение к циклу «Из сожженной тетради». В РТ 111, л. 24 (РГАЛИ) загл. — «Посвящение», эпиграф из Китса — ко всему циклу, поставлен после названия цикла «Из сожженной тетради».

30 «И отнять у них невозможно...» Впервые — в кн.: А х м а т о в а А. Стихи и проза. Л., 1976. С. 580, публикация Э.Г. Герштейн. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 3 об.).

Вариант строки 9: «Безымянную рой могилу». На первых страницах этой тетради — размышления Ахматовой о Пушкине, его одиночестве и внутреннем неблагополучии, заметки при чтении писем П.А. Вяземского к жене. Непосредственно перед записью незаконченного стихотворения воспоминание о Гумилеве: «Гумилев написал мне на своей фотогр<афии> четверостишие из «Жалобы Икара» Бодлера:

Mais brûlé par l'amour du beau
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de tombeau *.

(Севастополь 1907)»

Ахматова вспоминает также: «Н<иколай> С<тепанович> прислал мне в Севастополь Бодлера («Цветы зла») с такой надписью: «Лебедю из лебедей — путь к его озеру» (1907 ?)».

В рабочих тетрадях и рукописях Ахматовой несколько вариантов этого наброска. РТ 99, л. 32:

Император прав, как Ликург
[Получили] Говорят об эпохе и месте
[Имя] — пушкинский Петербург

* Но, сожженный любовью к прекрасному,
Я не удостоюсь высшей чести
Дать свое имя бездне,
Которая послужит мне могилой (фр.).

На том же листе запись: «Лирическое отступление. Суздаль. Успенский монастырь <...>» С датой — 27 дек<абря> 1959. Кр<асная> Кон<ница>. В той же тетради на л. 34:

И отнять у них невозможно
То, что хищно и осторожно
Они в руки свои берут.

Записано после отрывка прозы к «Поэме без героя»: «Л<ишняя> Тень хочет отнять локон. Он хватает Тень за руку — перчатка остается у него в руке, руки не было. Он в ярости рвет перчатку».

Ликург — легендарный законодатель в Спарте, создатель свода законов, определяющего экономический и политический строй спартанцев. *Имя* — *Пушкинский Петербург*. — Образ будет использован Ахматовой в статье «Слово о Пушкине», написанной в Комарове 26 мая 1961 г.: «Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время, и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург» (Соч., 1990. С. 16—17).

Безымянная здесь могила... — Можно предположить, что речь идет о могиле Н.С. Гумилева, точнее — месте его казни под Санкт-Петербургом, близ деревни Бернгардовка. *Имя «мученика сего»* — имя Н.С. Гумилева.

31 *«Неправда, не медный, неправда, не звон...»*

Впервые — в статье Н.Н. Глен «Вокруг старых записей» в кн.: «Воспоминания». С. 632, другая редакция:

Неправда, не медный,
Неправда, не звон —
Воздушный и хвойный
Встревоженный стон
Они издают иногда.

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 10).

Перед текстом в РТ 99 — помета: «М. з. Дудин». «М. з.» — очевидно, «медный звон», образ стихотворения Михаила Александровича *Дудина* (1916—1993). В РТ 106, л. 34 об. — иная редакция: «И вовсе не медный и вовсе не звон. // Протяжный и хвойный таинственный стон...» В воспоминаниях Н.Н. Глен рассказывается о создании этого незавершенного наброска в декабре 1959 г. Ахматова прочитала стихи М.А. Дудина в газете «Ленинградская правда»: «Да, вы знаете, в сегодняшней газете стихи Дудина, и он пишет, что у сосен медный звон, что сосны медные. Это неправда, посмотрите — какие же они медные. Я их хорошо знаю, я всегда их в Будке слушаю. Как там у него? Прочтите, прочтите, это в «Ленинградской правде» («Воспоминания». С. 632). Несогласие Ахматовой вызвали строки М. Дудина:

И доносится сквозь сон
Медных сосен медный звон.

32 *«Как слепоглухонемая...»* Впервые — Соч., 1986. С. 362, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 28). Датируется условно по местоположению в тетради. На этом же листе — отрывок авто-

биографической прозы, построенной на развитии того же образа: «Запахи Павловского вокзала. Обречена помнить их как слепоглухонемая. Первый — дым от допотопного паровозика, кот<орый> меня привез — Тярлево, парк, Salon de musique (кот<орый> называли «соленый мужик»), второй — натертый паркет, потом что-то пахнуло из парикмахерской, *третий* — земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый — резеда и розы (прохлада в духоте) свежих мокрых бутоньерок, кот<орые> продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана».

Образ слепоглухонемой, возможно, связан с реально существовавшим человеком — слепоглухонемой девушкой Ольгой Скороходовой, сумевшей преодолеть свои физические недостатки, защитившей диссертацию на степень кандидата педагогических наук и написавшей книгу о своей судьбе.

33 *«Мне веселее ждать его...»* Впервые — «Я — голос ваш...». С. 301, публикация В.А. Черных., без даты; БО 2. С. 102, с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 2 об.). Датируется по местоположению в тетради.

34 *«Это и не старо, и не ново...»* Впервые — строка 7 «От Либавы до Владивостока» в качестве загл. статьи С. Дедюлина в газ. «Коммунист». Лиепая. 8 сентября 1979; Ч у к о в с к а я Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. Париж: YMCA-Press, 1980. С. 556 — неполный текст по записи В.Н. Корнилова; тот же текст — Соч., 3. С. 502; «Я — голос ваш...». С. 292—293, строка 8: «Грозная анафема гудит», без загл.; то же — «Узнают голос мой...».

С. 285. В БО 1. С. 247 — под загл. «Анафема», № 14 в составе цикла «Из заветной тетради», который Ахматова впервые составила в рукописи кн. «Бег времени» 1962 г. В БО 1 этот цикл представлен М.М. Кралиным в собственной композиции, на основании разных планов Ахматовой. Строка 8: «Грозная анафема гремит». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 55).

В рабочей тетради РГАЛИ 98, л. 22 об. имеется прозаический отрывок на ту же тему: «Кроме того, уже тринадцать раз во всех учебных заведениях Союза от Мурманска до Термеза и от Владивостока до Калининграда в мае, перед концом учебного года в лекции (или уроке) об акмеизме мое имя предается анафеме. Таким образом молодежь, выслушавшая этот урок в 10-м классе (как моя Аня в прошлом году), снова слушает ту же лекцию через год-два в своем ВУЗе (как Боря Ардов третьего дня)». Как *Отрепьева* и *Пугачева*... — *Отрепьев* Григорий Богданович (Лжедмитрий I) — самозванец, захвативший российский престол под именем царевича Дмитрия, сына Ивана IV. Убит во время народного восстания в Москве в мае 1606 г. *Пугачев* Емельян Иванович (1740 или 1742 — 1775) — предводитель крестьянского восстания 1773 — 1775 гг. Казнен в Москве 10 января 1775 г. Оба они были преданы церковной анафеме как государственные преступники. Ахматова сравнивает себя с ними, а травлю, продолжающуюся после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» вплоть до 1959 г., — с церковной анафемой, т.е. проклятием и отлучением от церкви и последующими убийством или казнью.

35 Из набросков. Впервые — БП. С. 303, по автографу РГАЛИ (РТ 112, л. 50 об.). Загл. — «Из наброс-

ков». Там же, в разд. «Другие редакции и варианты» (БП. С. 422) приведен черновой автограф РНБ:

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости [невидимо] вдруг наступил на темя
Могучих гор и повернул поток,
В земле [дремучей не прозябло] отравлено лежало семя,
[По стеблю не пошел зеленый сок]

И все, что снилось нам в начале века

.....

Индуса бредни и мечтанья грека,
И Страшного суда великий час, —
Все у порога...

В БО 2. С. 66—67 — впервые другая редакция наброска по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 2):

* * *

Пространство выгнулось, и пошатнулось время,
Дух скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле прозябло семя,
И знали все, что наступает срок.

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112, л. 50 об.).
Дата — по черновому автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 2):

Даль рухнула и пошатнулось время
.....
Бес скорости ногой ступил на темя
Великих гор и повернул поток.
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок
..... племя,
Но знали все, что очень близок срок.

1959

Смысл этого не вполне ясного отрывка пытался раскрыть В. Берестов в воспоминаниях-эссе «Мне иногда не верилось в свое счастье: захочу и приду к Ахматовой!» («Вечерний клуб». М. 1996. 5 марта. № 25): по его мнению, это ахматовский набросок «нового «Фауста» вослед второй части «Фауста» Гёте, написать который она предлагала Б.Л. Пастернаку. Берестов связывает его с наброском 1945 г. «И очертанья Фауста вдали...»: «И вдруг через много лет, году в шестидесятом, возникает последний ахматовский набросок нового «Фауста», так и не написанного Пастернаком! Это страшное видение каких-то грядущих Чернобылей, поворотов рек, усыхания Арала и еще неизвестных нам экологических катастроф: ведь теперь «бес скорости» может мигом осуществить на деле самые фантастические замыслы».

Ср. также текст наброска «Творчество» («Я помню все в одно и то же время...»).

36 Прощальная <Из цикла «Песенки»>. Впервые — журн. «Звезда». 1962. № 7. С. 94, без загл. В кн. «Бег времени». С. 418 — под № 3 в цикле «Песенки», загл. «Прощальная», дата — 1959. Печ. по кн. «Бег времени».

Автографы: чистовой — РНБ; ранний черновой автограф 1-й строфы — РТ 99, л. 8 (РГАЛИ), под № V, загл. «Скромная», время записи — ноябрь — декабрь 1959:

Не смеялась, не глядела
И весь день молчала,
.....
По тебе с ума сходила
С самого начала.

В промежуток между строками 2 и 3, обозначенный расположенными по вертикали точками, чернилами вписан вариант строк 3—4:

А всего с тобой хотела
С самого начала.

В РТ 98, л. 16 (РГАЛИ) — еще один набросок первой строфы, сделанный осенью 1959 г.:

V.

СКРОМНАЯ

Не звала и не глядела
молчала
А всего с тобой хотела
С самого начала: —
.....
Огненной разлуки
.....

Чистовой автограф РТ 101, л. 20 (РГАЛИ) под загл. «Пятая, или Последняя», с иной строкой 6: «Полной сладких бредней», дата — 1962. В РТ 106, л. 7 об. — автограф под загл. «Последняя». Варианты строк:

3: [И] А всего с тобой хотела
5: Той сладчайшей первой ссоры,

В строке 2 глагол-рифма «молчала» первоначально был записан в конце пустой строки, что свидетельствует о том, что текст «вспоминался» автором. О том же свидетельствует дата — (15 марта 1962) Ленинград. Дата взята в скобки автором, что означает время записи, а не создания текста. В планах кн. «Бег времени» и в кн. «Бег времени». С. 418, название «Последняя» имеет другая «песенка»: «Услаждала бреднями...», написанная в 1964 г.

37 «...Но в мире нет власти...» Впервые — БО 2. С. 106, с датой — 1960-е годы, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 20). Датируется по местоположению в этой тетради: на соседних страницах записаны стихотворение 10 декабря 1959 г. «Что нам разлука?..», набросок «На свиданье с белой ночью...» (1959 г.), список «Пятнадцать стихотворений» (1910—1959) и пр.

38 «Не давай мне ничего на память...» Впервые журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ; БП 320, без даты; БО 2. С. 106 — с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 8 об.). Датируется по местоположению в тетради.

39 «Там оперный еще томится Зибель...» Впервые — БП. С. 318, по автографу РГАЛИ, без даты. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 38 об.). Датируется по местоположению в тетради, которая заполнялась с конца 1959-го по май 1960 г.

Зибель — персонаж оперы Ш. Гуно «Фауст». *И заклиняет милые цветы.* — Ария Зибеля «Расскажите вы ей, цветы мои...».

40 Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») Впервые — БП. С. 312—313, под загл. «Отрывок», с пропусками и неверным прочтением ряда строк по автографу РГАЛИ. В автографе РНБ — загл. «Из московской тетради. Отрывок». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 12 об.—13), где не имеет загл. Исправления строк:

2: «Тень [моя и], чужая невеста!»

6: Здесь предзимье уже [проходило]

После 8: ... [Неужели же ты не нашла]

Датируется по местоположению в тетради среди записей конца 1959 — начала 1960 г. Загл. — по автографу РНБ и по перечням названий в циклах «Из московской тетради» и «Трилистник московский»: В РТ 96, л. 22 (РГАЛИ): Из московской тетради (59—60 гг.) 1) Отрывок. 2) Прощанье. 3) Мартовская элегия. В РТ 110, л. 153 об. (РГАЛИ): Трилистник московский

I. Отрывок

II. Мартовская элегия

III. Не страдай меня

В дальнейшем отдельные строки и образы незаконченного стихотворения были использованы Ахматовой при написании стихотворения «Мартовская элегия» («Прошлогодних сокровищ моих...»).

42 Мелхола. Впервые — журн. «Звезда». 1962. № 7. С. 94, загл. «Образы древности: Мелхола»; «Бег времени». С. 215—216, под № 3 в цикле «Библийские стихи» (1. «Рахиль», 2. «Лотова жена»). Дата — 1922—1961 (первая дата, по-видимому, поставлена для «укрепления» связи стихотворения с 1920-ми годами, когда написаны первые два произведения цикла). Сохранилось несколько черновых автографов стихотворения, и все они относятся к 1959—1961 гг. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографам в рабочих тетрадях РГАЛИ.

В РТ 96, л. 10 об. — автограф под загл.: «Мелхола. Из Книги Царств», без эпиграфа. Дата — 1959—1961

(первоначально было — 1960, затем ноль переправлен на 1).
Варианты строк:

- 1: ... И отрок играет безумцу-царю
3: И властно победную кличет зарю
6: «Огонь в тебе, юноша, дивный горит
8: [Отдал бы] Отдам тебе дочку и царство.
12: Но хочет царевна Давида.

Строки 13—18 вписаны позже на оставленное пустое место, каждая строка начата и не дописана, частично строки написаны на полях. В строках 19—26 — разночтения в пунктуации.

В РТ 99, л. 2 — вариант окончания от строки 19:

Волшебное, верно, пила я питье
..... дух
Бесстыдство мое, унижение мое,
Разбойник, бродяга, пастух...
Зачем же никто из придворных вельмож
Увы! На него не похож,
А звезды в ночи, а солнца лучи...
Как душно мне, сердце! — молчи.
[...О сердце! — молчи]

В РТ 101, л. 8—8 об. (РНБ) — еще один черновой вариант тех же строк — 19—26:

Бесстыдство мое — унижение мое
Разбойник ночной — и мальчишка-пастух,
И главное — песню, что пел он тогда,
Когда на пороге стояла беда.
На лестнице нашей, о горе, шаги.
Идут за тобою враги.
..... хватайте ремень,
Тебя, [мой любимый, спасу я] — беги
я спасла, мой любимый, —
А в дверь уже громко стучали враги.

И если тебя здесь ночь
 отдаленного говора гул,
 Не шлет ли убийц за Давидом Саул.
 И в хранине темной бледнее луны
 Лицо молодое счастливой жены.
 Душистее лилий ладони его,
 А голос как стон лебединый
 ...браслеты на смуглых ногах,
 Пылает одежда цветная...

Чистовой автограф с незначительными исправлениями —
 РТ 115, л. 10, 9 об., л. 11; загл. «Мелхола», без эпиграфа.
 Варианты строк:

3: И смело победную кличет зарю
 10: Ей песен не [надо] нужно, не [надо] нужно венца
 25: А солнца лучи,
 А [месяц] звезды в ночи

Стихотворение не сразу обрело место в цикле «Библиейские стихи». В РТ 96, л. 30 об. в перечне стихотворений, предназначенных для публикации, оно названо отдельно:

Из Книги Царств
 Мелхола
 В духе древних
 Софокл
 Дом Поэта
 Эпиграмма

В РТ 101, л. 9 (РГАЛИ) «Мелхола» значится в списке произведений 1961 г. с пометой «окончила». С этого времени Ахматова начинает включать «Мелхолу» в списки произведений для «Седьмой книги» или «Седьмого сборника «Бег времени». И наконец, в тетради РТ 103, заполнявшейся с 1961 по 1963 г., был назван цикл:

Библейский цикл. 1921—1961.

- 1) Рахиль. 1921
- 2) Лотова жена. 1924
- 3) Мелхола. 1959 — 1961.

В РТ 105 Ахматова сделала список стихотворений, которые можно было бы включить во второе издание книги «Стихотворения», 1961 г. — среди них «Мелхола. 1959—1961. Библейский цикл».

В 1962 г. в конспекте статьи о собственном творчестве Ахматова записала: «III. «Клеопатра», «Данте», «Мелхола», «Дидона» — сильные портреты. Их мало, они появляются редко. Но они очень выразительны. Исполнены каждый по-своему. Горчайшие» (РТ 106, л. 56).

Датирование «Мелхолы» 1959—1961 гг. подтверждают дневниковые записи Л.К. Чуковской. В июне 1960 г. Ахматова читает ей «Мелхолу» как «новые стихи, еще не оконченные. Из Первой Книги Царств» (Чуковская, 2. С. 419). 21 июня 1961 г. Ахматова прочитала «Мелхолу» Л.К. и К.И. Чуковским в Переделкине и подарила Лидии Корнеевне текст: «Распространяйте». Л.К. записала мнение Корнея Ивановича: «Первая половина могла быть и у Алексея Толстого: там элемент оперы, но вторая по смелости, подлинности и силе — только Ахматова» (там же, С. 461).

Мелхола — дочь царя Израиля Саула, наказанного Господом за непослушание: «злой дух от Господа возмущал его», т.е. лишал разума и приводил в исступление. В это же время на царствование над Израилем Господом был помазан младший сын Иессея Давид — «человек храбрый и воинственный, и разумный в речах, и видный собою», и, кроме того, прекрасно игравший на гуслях. Давид пас отцовских овец, когда за ним пришли посланцы царя Сау-

ла, которому было предсказано, что лишь искусная игра на гуслях может спасти его от злого духа. «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (Первая Книга Царств, 16, 28). Далее в Книге Царств следует рассказ о войне израильтян и филистимлян, о поединке Давида и Голиафа, убитого Давидом камнем из пращи, о дружбе Давида с сыном Саула Ионафаном, «полюбившим его как свою душу». Давид становится начальником войска Саула, побеждает врагов Израиля, и народ славит его, говоря: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч» (18.7). После этого Саул стал бояться и возненавидел Давида. Царь Саул предложил в жены Давиду свою старшую дочь Мерову с условием, что Давид останется его военачальником. Давид отказался: «...кто я, и что жизнь моя и род отца моего в Израиле, чтобы быть зятем царя?» Мерова была выдана замуж за другого. И только после всего этого в библейском сюжете появляется Мелхола: «20. Но Давида полюбила другая дочь Саула, Мелхола; и когда возвестили об этом Саулу, то это было приятно ему. 21. Саул думал: отдам ее за него, и она будет ему сетью, и рука Филистимлян будет на нем» (т.е. филистимляне убьют его в бою). Давид вновь отказался от брака с царской дочерью: «...разве легко кажется вам быть зятем царя? Я — человек бедный и незначительный». Царь Саул прислал сказать Давиду, что он не хочет вена (выкупа) за невесту, достаточно «ста краеобрезаний Филистимских» — «Ибо Саул имел в мыслях погубить Давида руками Филистимлян» (18. 25). Давид выполнил волю царя, «и выдал Саул за него Мелхолу, дочь свою, в замужество» (18. 27). «И увидел Саул и узнал, что Господь с Давидом, и что Мелхола, дочь Саула, любила Давида» (18.28). Как

видно из сравнения библейской истории с текстом Ахматовой, она переделала, «спрессовала» библейский текст. В Библии образ Мелхолы — это образ любящей жены, спасающей мужа от слуг своего отца, присланных убить его: «И спустила Мелхола Давида из окна, и он пошел, и убежал и спасся» (19.12). Отцу же она солгала: «...он сказал мне: «Отпусти меня, иначе я убью тебя» (19. 17). В дальнейшем, по Библии, Давиду помогает спастись сын Саула Ионафан, затем он мирится с Саулом, совершает подвиги, женится сразу на Авигее и Ахиноаме, «Саул же отдал дочь свою Мелхолу, жену Давидову, Фалтию, сыну Лаиша, что из Галлима» (25, 44).

44 *«Тебя прямо в музыку спрячу...»* Впервые — «Записные книжки». С. 40. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 1 об.).

Двустиише записано карандашом, затем карандаш стерт. Выше него записано двустиише:

«И в недрах музыки я
Не нашла ответа...»

Датируется условно по местоположению в тетради.

45 *«И в недрах музыки я не нашла ответа...»* Впервые — БП. С. 319, по автографу РГАЛИ, без даты. В БО 2. С. 105 — в составе цикла, скомпанованного составителем — М.М. Кралиным, «<Наброски к циклу “Музыка”>» с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 35 об.). Датируется по местоположению в тетради, где на соседних страницах записаны стихотворения 1959 г.

То же двустишие — в РТ 106, л. 35, записанное, очевидно, в 1962 г. — среди других двустиший (набросков и отрывков из стихотворений):

...В последнюю речь подсудимой
Мои превращая стихи.

Это ты осторожно коснулся
Очарованной } жизни моей
Заколдованной }

Там музыка рыдала без меня
И без меня упала на колени.

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета

Спьяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час?

...Так скучай обо мне поскучнее
И побудничнее томись

и др.

Двустишие записано также в РТ 96, л. 1, РТ 110, л. 168 и в РТ 116, л. 8 об. (последняя запись — конца 1965 г., незадолго до смерти).

46 *«Это ты осторожно коснулся...»* Впервые — БО 2. С. 103, по автографу РНБ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 12 об. и 13 об.). Датируется условно — по местоположению в тетради, где двустишие записано дважды: 1) между окончанием стихотворения «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» и черновым автографом одной из строф «Поэмы без героя» («Но сознаюсь, что применила...»); 2) На одном листе с прозаической записью: «Другое окончание «Пиковой Дамы». Гер-

манн влюбляется в старуху. Х. сходит с ума от ревности. В свете странные слухи (?!). Старуха пишет стихи». Вариант эпитета: «Очарованный» (РТ106, л. 35).

47 «*Хвалы эти мне не по чину...*» Впервые — БП. С. 303. Автограф РГАЛИ (РТ 99, л. 9).

Печ. по этому автографу. Датируется условно по местоположению в тетради, где записано, по-видимому, в 1959 г. Однако, возможно, написано раньше, так как автограф имеет вид записи произведения вспоминаемого — отдельные строки начаты, далее следуют точки, после которых — заключительное слово строки, стоящее на рифме:

Стихи с подтекстом.

Середина строки — «эти были с» — вписана поверх точек, карандашом с другим нажимом. Строка «Иные спасаются бегством» исправлена на «Пусть кто-то спасается бегством». В строке 6 слово «кивают» написано поверх другого: «Глумились (?) из ниш». После текста — вопросительный знак и в скобках: «[когда и где?]»

И Сафо совсем ни при чем... — С Сафо Ахматову сравнивали многократно. В ее рабочих тетрадях 1960-х годов несколько раз записана по памяти фраза из письма Б.В. Анрепа к Н.В. Недоброву 1914 г. о «Четках»: «Она была бы — Сафо, если бы не ее православная изнеможденность» (РТ 107, л. 7, запись 1962 г.; РТ 111, л. 23 об., запись 1963 г.). В РТ 114, л. 267 имя Sappho встречается в записи о Павле Радимове, художнике и поэте, участнике Первого Цеха поэтов. В стихах, посвященных Ахматовой, ее сравнивали с Сафо Юрий Верховский («Эринна»: «Деву — певицу любви — слышал на Лесбосе я; // Див-

ная пела любовь и с любовью свое веренце: // Женских служений печать, светлая, красит чело»); С. Шервинский («...Мученический и грешный остров Сафо. // Кто ей внимал? — пять-десять учениц...») и др. поэты.

Сравнения Ахматовой с Сафо имелись в литературоведческих работах — Гроссман Л. «Борьба за стиль». М., 1927. С. 238; Стреховский Л. «Anna Akhmatova — the Sapho of Russia» в журн. «The Russian Student». VI. 1929. № 3. Р. 8).

В январе 1962 г., огорченная сравнением с Жорж Занд в статье Б. Филиппова, Ахматова сказала Л.К. Чуковской: «Прежде меня называли русской Сафо, это мне больше нравится» (Чуковская, 2. С. 476).

Можно предположить, что стихотворение связано с темой И. Берлина в лирике Ахматовой — с известием о возможном его приезде в 1959 г. М.М. Кралин (БО 2. С. 335) цитирует воспоминания С.К. Островской, присутствовавшей при первом разговоре Ахматовой с Исайей Берлином, которая запомнила фразу гостя: «Мы переводим вас, как Сафо...» Сафо — древнегреческая поэтесса (VII — VI вв. до н.э.), писавшая любовные стихи, эпиграммы, элегии и гимны.

48 «На свиданье с белой ночью...» Впервые — «Я голос ваш...». С. 301, публикация В.А. Черных по автографу РГАЛИ, не полностью, без даты. В БО 2. С. 103—104 с датой — 1960-е годы, без строк 6—8. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 19—18 об.). Датируется по расположению в тетради и содержанию, — предположительно, набросок сделан в Москве, накануне отъезда Ахматовой в Ленинград в середине июня 1959 г.

49 *«Не лги мне, не лги мне, не лги мне...»* Впервые — «Я — голос ваш...». С. 301, публикация В.А. Черных, без даты. В БО 2. С. 83 датируется условно — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 14 об.). Датируется по местоположению в тетради и характеру почерка.

50 *«Я бросила тысячи звонниц...»* Впервые — газ. «Ленинградская правда». 1989. 23 июня, публикация М.М. Кралина по автографу в собрании М.С. Лесмана; то же — БО 2. С. 69. Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

51 *«...и это грозило обонм...»* Впервые — БО 2. С. 98, публикация М.М. Кралина, с датой — 1964. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 15). Вариант строки 4: «Незримой и [страшной] звезды». Датируется по местоположению в тетради.

52 *«Нужен мне он или не нужен...»* Впервые — БО 2. С. 100, публикация М.М. Кралина; с датой — 1965. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 27). Датируется по местоположению в тетради.

53 *«Там завтра мое улыбаясь сидело...»* Впервые — «Записные книжки». С. 39. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98, л. 30 об.). Датируется условно по местоположению в тетради.

54 *Городу*. Впервые — журн. «Нева». 1979. № 6. С. 67, публикация Л.А. Мандрыкиной; не полностью, по черновому автографу РНБ. В изданиях Соч., 1. С. 369

и БО 2. С. 94 и др. — полный текст чернового отрывка. Печ. по автографу РНБ.

Стихотворение написано строфой «Поэмы без героя» и, возможно, относится к числу вариантов, не вошедших в окончательный текст поэмы. Ср.: «За заставой воет шарманка...» (т. 3. С. 207).

55 «Не то чтобы тебя ищу...» Впервые — газ. «Ленинградская правда». 1989. 23 июня, публикация М.М. Кралина по автографу из собрания М.С. Лесмана; то же — БО 2. С. 69. Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

56 «Всех друзей моих благодарю...» Впервые — в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой» в кн.: Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана С. 377—378. Печ. по по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

57 «Там зори из легчайшего огня...» Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). См. также коммент. к стихотворению «Ты, крысоловьев дудкою маня...».

58 «Ты, крысоловьев дудкою маня...» Впервые — в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой» в кн. «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 378. В БО 2. С. 105 — строки 3—4 как самостоятельное двустишие в цикле, составленном публикатором М.М. Кралиным, под загл. <Наброски к циклу «Музыка»>. Строка 1: «Там музыка рыдала без меня». Полный текст по публикации Р.Д. Тименчика — БО 2. С. 345.

Строки 3—4 как самостоятельное двустишие — РТ 106, л. 35. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

59 «Снова ветер знойного июля...» Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно — 1950-ми годами, когда Ахматова еще обращалась к «Ташкентским воспоминаниям». На той же странице — набросок «Обыкновенным было это утро...», по-видимому, относящийся к лету 1956 г.

Буль-буль — соловей; слово часто употреблялось применительно к замечательным певцам.

60 [Ташкент] («Затворилась навек дверь его...»). Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно — 1950-ми годами. См. также стихотворения, связанные с «ташкентской темой», — «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...», с датой — 1 декабря 1959, а также один из вариантов (1962) сцены из драмы «Пролог, или Сон во сне» — голос героини, произносящей в беспамятстве:

Предо мною опять эта дверь его,
Только в дом его я не войду,
Пусть была из волшебного дерева
Скрипка, что мне играла в Аду.

(См. также т. 3. С. 361.)

61 «И от Царского до Ташкента...». Печ. впервые по автографу из собрания М.С. Лесмана, с разрешения Н.Г. Княzewой. Датируется условно — 1950-ми годами — по содержанию и по времени наиболее частых общений Ахматовой с М.С. Лесманом, которому в конце 1950-х —

начале 1960-х годов была передана ею большая часть автографов незавершенных набросков. Возможно, связано с замыслом киносценария по «Поэме без героя» или с неизвестным нам биографическим замыслом.

На одном листе с этим двустушием записаны отрывки: «Всех друзей моих благодарю», строфа XII «Поэмы без героя» («Чтоб [на нас] сюда из другого века...»), с датой — 1959. Лето. Комарово; стихотворение, обращенное к М.И. Цветаевой «Ты любила меня и жалела...», «Пусть кто-нибудь сюда придет...» и «Отрывок» («В прошлое идущая — спят граниты...»), с датой — 1954.

62 «Без крова, без хлеба, без дела...» Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно — 1950-ми годами — по содержанию и по времени наиболее частых встреч Ахматовой и М.С. Лесмана.

63 «И не дослушаю впотьмах...» Впервые — БО 2. С. 94, публикация М.М. Кралина по автографу РНБ. Печ. по автографу РНБ.

64 «И прекрасней мраков Рембрандта...» Впервые — БО 2. С. 94, по автографу РНБ. Печ. по автографу РНБ.

Рембрант Харменс ван Рейн (1606—1669) был одним из любимых художников Ахматовой; она хорошо знала его живопись, в частности, картины, собранные в Эрмитаже, биографию художника. В одной из бесед с Л.К. Чуковской (1940) Ахматова говорила о его судьбе нищего творца: «Нищета еще никогда никому не мешала. Горе тоже. Рембрандт все свои лучшие вещи написал

в последние два года жизни, после того, как у него все умерли: жена, сын, мать... Нет, горе не мешает труду» (Чуковская, 1. С. 102).

В 1950-е гг. Ахматова упомянула «мраки Рембрандта» в разговоре о Б.Л. Пастернаке, — Л.К. Чуковская запечатлела слова Ахматовой о любительской фотокарточке Б.Л. Пастернака, сделанной В. Смирновым, утонувшим за год до этого разговора: «Что-то рембрандтовское, — сказала она напоследок. — Какая тьма склубилась. И какой силы и света лицо — из тьмы» (Чуковская, 2. С. 212).

«Тьма», «чернота», «мраки» Рембрандта — характерный образ ахматовской лирики. Ср.:

Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же...

(«Когда лежит луна ломтем Чарджуйской дыни...»,
1944.)

Плесень в черном углу... — Образ, также неоднократно встречающийся в творчестве Ахматовой. См., например:

Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.

(«Подвал памяти», 1940.)

65 *«Мне безмолвие стало домом...»* Впервые — в сб. «Книги. Архивы. Автографы». М., 1973. С. 63, в статье Л.А. Мандрыкиной «Ненаписанная книга». В БО 2. С. 102, датируется 1960-ми годами. Автограф — РНБ. Печ. по сб. «Книги. Архивы. Автографы». Датиро-

ется условно — 1950-е годы — по содержанию двустихия, перекликающегося с другими произведениями Ахматовой 1950-х годов о молчании, немоте, безмолвии (Седьмая Северная элегия и др.).

66 «Ты не хотел меня такой...» Печ. впервые по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно — 1950-ми годами — по времени дарения Ахматовой М.С. Лесману большей части рукописей черновых набросков.

67 «О, как меня любили ваши деды...» Впервые — журн. «Дружба народов». 1989. № 6. С. 248, публикация Р.Д. Тименчика по автографу из собрания М.С. Лесмана; БО 2. С. 105, с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Вариант строки 10: «Была так долго я и столько раз». Датируется условно, по времени знакомства и наиболее интенсивного общения Ахматовой с М.С. Лесманом.

Дольники — стихотворный размер, характерный для немецкой и английской поэзии, а в России для творчества Блока, Есенина, Ахматовой и многих других поэтов начала века. Основан на сочетании трехсложных и двухсложных стоп. В основе дольника лежит трехсложная стопа, в которой иногда опускаются слоги, чаще безударные; гармония стиха достигается одинаковым числом ударений в строках, заменой пропущенного слога паузой (поэтому «дольник» также называют «паузником»).

Киевское помело — ср. у Гумилева в стихотворении «Из логова змиева» (1911):

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью...

(Г у м и л е в Н.С. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1.
М.: Худож. литература. 1991. С. 131.)

Ф.Г. Раневская, близкая приятельница Ахматовой, называла ее провидицей, колдуньей, иногда просто ведьмой. Ей она посвятила свое четверостишие:

О, для того ль Всевышний Мэтр
Поцеловал твое чело,
Чтоб, спрятав нимб под черный фетр,
Уселась ты на помело?

(ВРХД. 1989. № 156. С. 151—152.)

68 «И по собственному дому...» Впервые — газ. «Ленинградская правда». 1989. 23 июня, публикация М.М. Кралина по автографу в собрании М.С. Лесмана; БО 2. С. 84. Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Датируется условно по времени общения Ахматовой с М.С. Лесманом.

69 «И юностью манит, и славу сулит...» Впервые — Соч., 1986. С. 361, с датой — 1960, публикация В.А. Черных. В автографе РГАЛИ (РТ 96, л. 9 об.—10) — точная дата. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96) с уточнением пунктуации и исправлением явной описки в строке 7 («друг друга» вместо «друг другу»). Можно предположить, что эта описка восходит к незаписанному варианту: «За то, чтоб увидеть друг друга опять». Правка в строках:

19: [И] Но стонет и молит: «Ты мне суждена»,
21: [Зачем] К чему эти крылья и это вино, —

- 22: Я знаю [его] тебя хорошо и давно
 23: [И был] И ты это просто горячечный бред
 24: Шестой и [последней] не бывшей из наших бесед.

71 Мартовская элегия. Впервые — журн. «Москва». 1960. № 7. С. 148; «Стихотворения», 1961. С. 290—291, с датой — 1960. В экземпляре РГАЛИ — карандашная приписка рукой Ахматовой: Ярославское шоссе; «Бег времени». С. 422—423, с датой — 1960. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Уточнение даты по автографу РГАЛИ (РТ 96). В одном из неосуществленных планов (РГАЛИ) входило в цикл «Трилистник закрытый» под № 3 (1. «Отрывок» («И мне показалось, что это огни...»), 2. «Не страдая меня грозной судьбой...»). Автографы: РНБ (карандашный), РГАЛИ (РТ 96 и 99). В РТ 96, л. 9 — дата — Февраль 1960. Ленинград. Варианты строк:

- 2: [Нам] Мне надолго
 Вероятно, мне надолго хватит
 8: Ковылявшая в поле — береза.
 12: И [уже] почти затонувшая
 13: Эти пашни [припудрив] чуть-чуть
 Побелив эти пашни
 14: [Там] Здесь предзимье
 20: И по имени нас [называет] окликает.

Эта строка первоначально завершала стихотворение. После нее шла дата. Затем (очевидно, одновременно с правой перечисленных выше строк) на обороте страницы карандашом была дописана последняя строфа.

72 «Смирение! — не ошибись дверьми...» Печ. впервые по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фон-танный Дом). Дата — в этом автографе.

73 «И опять по самому краю...» Впервые — «Записные книжки». С. 91. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99, л. 35). Записано на одном листе и одним почерком со строками «Поэмы без героя»:

... не ведая срама...
 Это тайнопись — криптограмма,
 А верней — запрещенный прием.

Здесь же строка, записанная на перевернутом листе: «Срам он мой, стыдобушка — Глебов!» Тем же почерком записана дата — 20 мая 1960. Остоженка — ниже стертого списка фамилий знакомых, которым Ахматова намеревалась послать телеграммы: Галкину, Пушкинской в Ташкент и др.

74 Смерть поэта. Впервые — журн. «Знамя». 1964. № 10. С. 91, под загл. «Смерть поэта», без эпиграфа, без даты; «Бег времени». С. 432 — под тем же загл., без эпиграфа, с неверной датой — 1957. В БП. С. 261, в цикле из двух стихотворений «Памяти поэта», с неверной датой — 11 июня 1960. Позже Ахматова составила цикл «Памяти Бориса Пастернака» из трех (1960) и четырех (1965) стихотворений (1. «И снова осень валит Тамерланом...», 1947; 2. «Я всем прощенье дарую...»; 3. «Умолк вчера неповторимый голос...» и 4. «Словно дочка слепого Эдипа...»). Впервые этот цикл (из трех стихотворений) опубликован в Соч., 1986. С. 246—247. В БО 1. С. 252 — под названием «Борису Пастернаку» (из трех стихотворений) — помещен под № VII в цикле «Венок мертвым», — в соответствии с замыслом Ахматовой, отраженным в рукописях кн. «Бег времени» (РГАЛИ и РНБ). Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу в РТ 96, л. 17 (РГАЛИ). Эпиграф — там же, л. 16 об.: строка из стихотворения

Б. Пастернака «Все сбылось» (у Пастернака: «Как птице, мне...»). Варианты строк:

- 2: И [друг полян и] нас покинул собеседник рощ
- 3: Он превратился в жизнь [несущий] дающий колос
- 5: И все цветы, какие есть на свете
- 8: Носящей имя скромное — Земли.

Дата — 1 июня 1960. Москва. Боткинская больница.

Эпиграф вписан позже, см. РТ 104 строки, следующие непосредственно после записи от ноября 1961 г.: «Сейчас нашла эпиграф для моего стих<отворения> Борису: «Как птица мне ответит эхо» («Умолк вчера неповторимый голос»).

Текст записан поверх карандашного автографа набросков ранней редакции, в которой строка 2: «Покинул нас вождь». Продолжение текста после строки 8:

Л. 17:

.....

 Как предсказал на самой той подушке,
 В том самом доме он
 На хвойной опушке
 Под патриарший колокольный звон

Ничто, ничто, что смерть сопровождает,
 Мне не приходит в голову теперь,
 Теперь, когда гробница отворяет
 Ему для всех назначенную дверь.

Л. 16 об.:

..... судьбы наши.
 вина.
 Не выпил он и половины чаши,
 Которую я выпила до дна.
 И вот свободен!

В РТ 103, л. 5 об. (РГАЛИ) — чистовой автограф под № II в цикле «Три стихотворения» с посвящением Б. П<астернаку>, дата — 1960. Москва. Бот<кинская> больница. 1 июня.

В РТ 104, л. 32 — под загл. «Прощание», № III в цикле «Из цикла «Милые тени», эпиграф к циклу — «Ombrae adoratae» (возлюбленные тени. — л а т.). В этом цикле № I. «Пожелтелые листы» (О. М<андельштаму>), № II. «Поздний ответ» (М. Ц<ветаевой>).

Б.Л. Пастернак умер в Переделкине 30 мая 1960 г. Ахматовой сообщили о его смерти, когда она лежала в Боткинской больнице (корпус 1, палата № 7) с диагнозом: межреберная невралгия (первый не подтвердившийся диагноз — инфаркт миокарда). Стихотворение было написано Ахматовой в первые дни июня; 6 июня она прочитала его Л.К. Чуковской по рабочей тетради (РТ 96), с оговоркой, что «вторая строка еще в работе» («И нас покинул... вождь»). «Не говорите мне, пожалуйста, — с раздражением сказала Анна Андреевна, хотя я еще и рта не открыла, — что слово «вождь» истаскано и неуместно. Знаю сама. Спасу эпитетом» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 402). По предложению Л.К. Чуковской, отметившей неудачное сочетание причастий в строках 3 и 8 («несущей» и «носящей»), первое было заменено на «дающий» (т а м ж е. С. 441).

75 *«Словно дочка слепого Эдипа...»* Впервые — альм. «День поэзии». М. 1972. С. 246. В РТ 96, л. 17 об. (РГАЛИ) — черновой автограф карандашом, дата — Москва, 11 июня 1960. Боткинская больница. Здесь же римскими цифрами размечен порядок трех стихотворений — восьмистиший, посвященных Пастернаку: I. «Умолк

вчера неповторимый голос...», II. «Словно дочка слепого Эдипа...», III. «И снова осень валит Тамерланом...» (без строфы «Здесь все тебе принадлежит по праву...»). Варианты строк:

1: [Как] слепого [страдальца] Эдипа

3: И одна сумасшедшая липа

6: Он поведал мне, что [начался]

7: [Этот] путь

Печ. по автографу в РТ 103, л. 6, где имеет дату — 1960. Москва. Дата — по черновому автографу РГАЛИ (РТ 96).

Дочка слепого Эдипа — Антигона, героиня трагедии Софокла «Эдип в Колоне». В записях от 8 октября 1960 г. Л.К. Чуковская рассказывала о чтении ей Ахматовой этого стихотворения: «Анна Андреевна прочитала мне новые стихи: «Муза»; «Что там? — окровавленные плиты // Или замурованная дверь»; «Трагический тенор эпохи» (о Блоке), затем стихи Борису Леонидовичу (как, лежа в больнице, он прозой рассказал ей свое будущее стихотворение)» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 426). 7 января 1961 г. Ахматова прочитала Л. К. Чуковской весь цикл из трех стихотворений, посвященный Пастернаку. «Потом заговорили о «пути» в «дочке слепого Эдипа». — Дорога — это на одной его фотографии, которую он мне подарил. Там за окном видна дорога. Он написал по-французски: «Все дело в том, чтобы идти по ней выше и выше». Я поставила фотографию вот здесь, на тумбочке, у зеркала, и ее украли» (т а м ж е. С. 452).

76 «*Хулимые, хвалимые!*...» Впервые — Соч., 1986. С. 337, публикация В.А. Черных по рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ) в сокращенной редакции (восьмисти-

шие): отсутствует 2-я строфа, в строфе 3 — строки в ином порядке:

Войдете вы в забвение,
Как люди входят в храм.
Мое благословение
Я вам на это дам.

По автографу более полной редакции (РГАЛИ) — БО 2. С. 70, с изменениями пунктуации, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 6), представляющему собой карандашный набросок, почти не имеющий правки. Строка 7 первоначально: «Самые свободные». Строка 9: «Мое благословение». После текста — точная дата.

В рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл «К стихам» вместе со стихотворением «Вы так вели по бездорожью...».

77 «Шутки — шутками, а сорок...» Впервые — «Я голос ваш...». С. 294. Публикация М.М. Кралина в БО 1. С. 247 — в составе цикла «Из заветной тетради». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 7), где записано с полной датой вслед за стихотворением «Хулимые, хвалимые!...» (л. 6). *Операция 7 июля* — по поводу приступа аппендицита, Ахматову оперировали в больнице им. Ленина (в Гавани — Большой пр. Васильевского острова, С.-Петербург). См. об этом запись Л.К. Чуковской от 7 июля 1960 г. (Чуковская, 2. С. 424).

78 «И меня по ошибке пленило...» Впервые — «Я голос ваш...». С. 295, публикация В.А. Черных по автографу РГАЛИ (РТ 101), без последней строки. В БО 2.

С. 71 — то же. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 21), в котором имеется правка строк:

3: [Что-то там] Все тогда по-тогдашнему было,

5: [В деревянной огромной] кровати

6: [Что стояла на львиных ногах].

79 «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»

Впервые — «Литературная газета». 1960. 29 октября, под загл. «Из дружеского послания»; то же — альм. «День поэзии». Л. 1961. С. 54, без даты; «Стихотворения». 1961. С. 230—231, под № 2 в цикле «Три стихотворения». Дата после № 3 («Он прав — опять фонарь, аптека...») — 1944—1960 ко всему циклу, без загл.; то же — «Бег времени». С. 426—427. Печ. по кн. «Стихотворения», 1961. Дата — по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 18). Исправления в строках:

4: Тот запах [мучительно] и душный, и сладкий,

5: [Убитый Распутин]. И ветер с залива. А там между строк.

Стихотворение в автографе имеет номер II, что указывает на включение его в цикл «Три стихотворения», посвященный А.А. Блоку.

Трагический тенор эпохи. — В статье Соломона Волкова «Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским» приводится возражение Бродского в ответ на слова Волкова, что эта строка — вовсе не комплимент Блоку: «А в Баховских «Страстях по Матфею» Евангелист — это тенор. Партия Евангелиста — это партия тенора. <...> И стихи эти написаны как раз в тот период, когда я приносил ей пластинки Баха» («Ахматовские чтения». Вып. 3. М. 1992. С. 82). Ахматова рассказывала о выступлении вместе с Блоком, когда она должна была читать стихи не-

посредственно после него, попыталась отказаться и услышала от него осуждающее: «Анна Андреевна, мы не тено-ра». Возможно, произнесенное Блоком слово припомнилось во время одного из рассказов о нем и вошло в стихи.

80 *Самой Поэме.* Впервые — журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация Н.А. Жирмунской. Строка 5: «Песня словно звучит у сада»; то же — Соч., 3. С. 92, без загл.; Соч., 1986. С. 336; «Я — голос ваш...». С. 280. Печ. по чистовому автографу РГАЛИ (РГ 96, л. 19), где отчетливо читается строка 5: «... из сада».

Написано при известии о том, что к тексту «Поэмы без героя», опубликованной за границей, в альм. Р.Н. Гринберга «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960), А.С. Лурье написал музыку. Музыка А. Лурье «Заклинания» к «Поэме без героя» была частично опубликована в альм. «Воздушные пути», II. Нью-Йорк. 1961. С. 153—165. См. также т. 3. С. 370—376. Эпиграф — из стихотворения О. Мандельштама «Silentium» (1910, 1935).

81 *Сонет-Эпилог.* Впервые — газ. «Литература и жизнь». 1962. 26 октября, под загл. «Говорит Дидона. Сонет-Эпилог». Эпиграф из «Энеиды» с указанием источника: «Энеида, Песнь 6, 460»; без разделения на строфы, дата — Комарово, 1962. Строка 9: «И забыл ты в ужасе и муке»; «Бег времени». С. 389, под № 11 в цикле из 13 стихотворений «Шиповник цветет. «Из сожженной тетради», без даты. В БО 1. С. 274—275, под № 14 в том же цикле из 16 стихотворений с двумя эпиграфами и датой — 2 августа 1962 г. Верная дата — в кн.: А х м а т о в а А. Путем вся земля. М., 1996. С. 316—317. Печ. по кн. «Бег времени», с введением ремарки «Говорит Дидона», с уточне-

нием даты, названия и пунктуации по автографам РГАЛИ (РГ 96, л. 20, РГ 106, л. 36 об.; РГ 111, л. 26). В РГ 96, л. 20 был записан чистовой автограф ранней редакции с датой — 21 сент<ября> 1960.

СТИХИ ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ

Слова, чтоб тебя оскорбить

Не пугайся — я еще похожей
Нас с тобой изобразить могу,
Призрак ты иль человек прохожий,
Я тебя зачем-то берегу.

Был когда-то ты моим [Эдипом] Энеем*,
Я тогда отделалась костром.
Друг пред другом глаз поднять не смеем
И забыли мы проклятый дом.

И забыли в ужасе и муке
В темноте протянутые руки
И надежды окаянной вестъ,

Очень много в том костре сгорело:
Вероятно, «голос мой и тело»,
Вероятно, радость, память... честь.

21 сентября 1960. Комарово

Поверх этого текста — карандашная правка.

Эпиграф зачеркнут. Выше — фраза в скобках: «(Найти эпиг<раф> из Энеиды в подл<иннике>)» — и новый эпиграф: «Анна, soror! Verg.» (Анна, сестра! Вергилий — лат.). Строки после правки:

- 7: Друг о друге вспомнить мы не смеем
- 8: И забыл ты мой проклятый дом.
- 9: И забыл ты в ужасе и в муке

* По-видимому, исправление описки.

- 10: Сквозь огонь протянутые руки
 12: [Очень много мы с тобой забыли]
 Ты не знаешь, что тебе простили.
 13: Создан Рим — плывут стада флотилий
 14: И победу [славит злая] славословит лезть.

Дата — 1962. Июль — по-видимому, дата правки. В РГАЛИ имеется также фотокопия машинописи с правкой Ахматовой: зачеркнуто загл.: «Сонет-Эпилог», вписано новое: «Говорит Дидона». Вписан один эпитаф: «Ромео не было, Эней, конечно, был...» Вариант строки 9: «И забыл ты в ужасе и муке». Дата — Комарово. Лето 1962.

В Музее Анны Ахматовой «Фонтанный Дом» — машинопись под загл. «Сонет», без эпитафов, варианты строк:

- 4: Тень твою я все же берегу
 9: И забыл ты в ужасе и муке

Дата — 21 сент<ября> 1960 — 29 июня 1962. Комарово. Там же, в Фонтанном Доме, — еще один авторизованный список сонета с указанием посвящения: Б - - - у (очевидно, И. Берлину), без эпитафов, варианты и исправления строк:

- 4: Тень твою [я все же] зачем-то берегу
 10: И забыл ты в ужасе и муке.

Дата — 21 сент<ября> 1960. Комарово. Оконч<е-но> 29 июня 1962.

В РТ 106 (РГАЛИ) текст сонета записан дважды. На л. 1 об. — начальные строки в окончательной редакции, загл. «Сонет-Эпилог», два эпитафа: «Ромео не было, Эней, конечно, был». Ахм<атова> и «Против воли я твой,

царица, берег покинул» «Энеида» VI п<еснь>, ст<их> 460. На л. 36 об. — полный текст окончательной редакции, загл. «Сонет», один эпиграф: «Anna, soror!» Verg<ilius>. Строки:

5: Ты недолго был моим Энеем.

9: И забыл ты в ужасе и в муке.

Варианты пунктуации; дата — конч<ено> 1962 июль. Комарово. Правка в строках:

2: [Нас с тобой] изобразить могу

5: [Был когда-то] ты моим Энеем

[Некогда ты был] моим Энеем

7: Друг о друге [говорить не смеем]

В РТ 111, л. 26 под загл.: «Сонет-Эпилог». Далее — два эпиграфа, затем подзаголовок: «Говорит Дидона». Сонет переписан в 1963 г. в составе цикла «Из сожженной тетради», где большая часть стихотворений датирована 1956 г. По-видимому, тогда и «Сонет-Эпилог» получил неверную дату — 1956. Осень. Комарово.

Эпиграфы в основном тексте — из «Энеиды» Вергилия (песнь VI, ст. 460, пер. А.А. Фета) и моностих Ахматовой — см. запись его в РТ 104 как самостоятельного произведения среди других записей конца 1961 г.

На создание этого моностиха, возможно, Ахматову натолкнуло не только чтение с ученических лет по-латыни «Энеиды» Вергилия, но и чтение поэмы Байрона «Беппо»:

В слезах склонил колени перед ней
Дидону покидающий Эней.

(Б а й р о н Д ж. Собр. соч. В 4 т. Т. 3.
М., 1981. С. 193, строфа XXVIII.)

В ранней редакции эпиграфы из стихотворения И. Анненского «Дальние руки» и из «Энеиды» Вергилия. «Анна,

сестра!» — обращение Дидоны к сестре Анне, которым она начинает рассказ о своей роковой страсти к Энею — троянскому герою, сыну царя Анхиза и богини Афродиты. Эней, бежавший из разрушенной Трои, стал возлюбленным карфагенской царицы Дидоны, но, по воле оракула, должен был покинуть ее, чтобы плыть в Италию и там основать Рим. Покинутая Дидона сожгла себя на костре. О своей судьбе Эней рассказывает тени Дидоны в загробном царстве Аида. *Призрак ты — иль человек проходной?..* — Цитата из «Ада» Данте (I, 66): «Будь призрак ты, будь человек живой!» — в пер. М.Л. Лозинского. *Я тогда отделилась от костром.* — Уподобляя себя Дидоне, Ахматова имеет в виду постановление 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и последующую травлю.

82 Эхо. Впервые — журн. «Знамя». 1963. № 1. С. 144; дата — 1960, варианты пунктуации (строка 6: «Замолчать, хотя я так прошу?..»); «Бег времени». С. 425, с датой — 1960. Автографы в РНБ, с датой — 1960, и РГАЛИ (РТ 96, л. 18), с датой 25 сент<ября> 1960. Комарово. Печ. по кн. «Бег времени». Дата — по автографу в РТ 96.

8 октября 1960 г. Ахматова прочитала стихотворение Л.К. Чуковской (Ч у к о в с к а я, 2. С. 426).

83 Муза. Впервые — «Литературная газета». 1960. 29 октября, в подборке «Из новой книги»; «Стихотворения», 1961. С. 284, под № 1 в цикле «Тайны ремесла» из шести стихотворений (окончательный текст); «Бег времени». С. 294, под № 3 в цикле «Тайны ремесла» из десяти стихотворений без даты. Строка 5: «Жестче, чем лихорадка, оттреплет».

«И «умерла» так жалостно проникло». Автографы — в РТ 96 и 101. В РТ 96, л. 14 об. (РГАЛИ) — черновой автограф карандашом. Варианты и исправления строк:

1: [А это вовсе] Пусть это даже из другого цикла:

3: ... И [слово] — умерла так жалостно прикикло

Дата — 1960. Осень. Кр<асная> Кон<ница>. Печ. по чистовому автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 14), в котором имеется правка в строке 5; было: «Я слышала его».

Анта — Антонина Михайловна Аранжереева-Розен (1897—1960), археолог, близкая подруга Ахматовой, внучка профессора-ориенталиста В.В. Розена.

В 1960-е годы Ахматова предполагала включить это стихотворение в цикл «Венок мертвым» — см. БО 1. С. 254, однако при расформировании цикла в рукописи кн. «Бег времени» после отрицательного отзыва об этом цикле «внутреннего рецензента» Е.Ф. Книпович в книгу «Бег времени» оно не попало.

86 «Кто его сюда прислал...» Впервые — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Л., 1976. С. 79, в статье Р.Д. Тименчика и А.В. Лаврова «Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома»; БП. С. 319, строки 1—2. Печ. по автографу РО ИРЛИ (РТ 175, л. 3). Датируется по местоположению в тетради среди записей осени 1960 г. На обороте того же листа — четверостишие: «Моею Музой оказалась мука...»

87 «И луковки твоей не тронул золотой...» Впервые — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1974 год». Л., 1976. С. 79, в статье Р.Д. Тимен-

чика и А.В. Лаврова «Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома»; БО 2. С. 94. Печ. по автографу РО ИРЛИ (РТ 175, л. 4 об.). Датируется по расположению в тетради среди записей осени 1960 г. Текст на предыдущем листе 4 свидетельствует об интересе Ахматовой в это время к Л.Н. Толстому: «Посмотреть шару в «Плодах просвещения».

88 *«И жесткие звуки влажные, дробясь...»* Впервые — «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год». Л., 1976. С. 79, в статье Р.Д. Тищенко и А.В. Лаврова «Материалы А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома»; БО 2. С. 105, — в цикле <«Наброски к циклу «Музыка»>, составленном М.М. Кралиным из отрывков разных лет. Печ. по автографу РО ИРЛИ (РТ 175, л. 2 об.). Датируется по местоположению в тетради среди записей осени 1960 г. После текста помета Ахматовой: (11 симф<ония> Шост<аковича>).

Ахматова высоко ценила Одиннадцатую симфонию Д.Д. Шостаковича «1905 год». Она была написана Д.Д. Шостаковичем в 1957 г., в 1958 г. удостоена Ленинской премии. В этом году Ахматова посвятила Шостаковичу стихотворение «Музыка» («В ней что-то чудотворное горит...»). В рабочих тетрадях Ахматовой много раз встречаются записи о том, что она слушает музыку Шостаковича — «Стрекозиный вальс», «Три фантастические танца», Восьмой квартет, Девятый квартет. Запись августа 1964 г.: «Два дня слушала грандиозный квартет Шостаковича, который он посвятил своей памяти. Близость этого квартета R<equiem>'у и «Прологу». (Скрипочка). А стук?» (РТ 110, л. 186. РГАЛИ).

Запись февраля 1966 г.: «Просят дать статью о Шостаков<иче>. Я — о музыке? Забавно... <...> Мо-<жет> б<ыть>, несколько человеческих слов. Как раз сейчас передают по радио о «1905» Дм<итрия> Дм<итрие-вича>» (РТ 114, л. 222).

Написать статью о Шостаковиче Анна Ахматова уже не успела, — она умерла меньше чем через месяц после этой записи. См. также коммент. к стихотворению «Музыка».

89 «И это б могла, и то бы могла...» Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 6. С. 243, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 11 об.). Дата в автографе — 1960.

90 «Вы чудак, вы лучший путь...» Впервые — «Я — голос ваш...». С. 301, публикация В.А. Черных по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 3). Вариант строки 3: «[Как будто лучше дела нет]». Дата в автографе — 1960.

91 «Ни вероломный муж, ни трепетный жених...» Впервые — БО 2. С. 95, публикация М.М. Кралина, с датой — 1960. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 3). Датируется по местоположению в тетради.

92 «От этих антивстреч...» Впервые — «Я — голос ваш...». С. 301, публикация В.А. Черных по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 8). Датируется по местоположению в тетради среди записей 1960 г.

93 «...горчайшей смерти чашу...» Впервые — в статье Р.Д. Тименчика «Страницы черновиков Анны Ахматовой» в кн. «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 375—376. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Автограф на одном листе с прозаической записью Ахматовой конца августа 1960 г.: «Кроме того, они не могли простить нам нашей гибели. Они жили в полной безопасности, и единственной их заслугой была тоска по родине. А мы (в сталинское время) были окружены опасностями всякого рода, и наша жизнь почти всегда кончалась трагически. Примеры излишни».

94 Подражание Кафке. Впервые — ВРСХД. 1970. № 95—96. С. 127—128, публ. Н.А. Струве по списку; без строк 9—12, без загл.; Eng-Liedmeier, Verheul. P. 56, без строк 9—12, без загл. Впервые полностью — сб. «Памяти Анны Ахматовой», С. 26, без загл., публикация Л.К. Чуковской. Строка 15: «А где-то темнеет от зноя»; журн. «Даугава». 1987. № 9, публ. Р.Д. Тименчика. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 241), где строка 9 исправлена: «И там в [пререканиях] совеща́ниях важных». Вместо даты — «?». Дата — 1960, Комарово — имеется в одном из автографов РГАЛИ; 3 марта 1961 г. это стихотворение среди других новых только что вернувшаяся из Москвы Ахматова читала пришедшим к ней на ул. Красной Конницы Л.Я. Гинзбург, И.М. Семенко, А.С. Кушнеру и Н.В. Королевой (см. об этом в статье: Н.В. Королева «Анна Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов» в сб.: Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 3. С. 127).

В РТ 111, л. 36—36 об. — автограф под загл. «Из Кафки», вместо даты знак вопроса, разночтения в пунктуации, варианты строк:

10: [Как будто] И словно в объятиях сна.

12: Решали: виновна — она.

В РТ 103, л. 56 и 57 об. (РГАЛИ), среди записей 1963 г. — наброски 3-й строфы под загл. «Строфа из забытого стихотворения»:

[И три поколения присяжных
В тяжелых объятиях сна]
И там в совещаниях важных
Как в цепких объятиях сна
Все три поколения присяжных
Твердили: «Виновна — она».

На обороте листа 57 — то же четверостишие со стрелкой, по-видимому, указывающей на связь его с другим текстом:

И вновь в совещаниях важных,
Как в цепких объятиях сна,
[И] Все три поколения присяжных
Лепечут — виновна она.

В РТ 106, л. 38 (РГАЛИ) записан вариант 2-й строфы среди записей июля 1962 г.:

Кругом пререканья и давка
И приторный запах чернил
Такое придумывал Кафка
И Чаплин шутя воплотил.

Творчеством австрийского писателя Франца Кафки (1883—1924) Ахматова увлеклась в 1940-е годы. И. Берлин в воспоминаниях «Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг.» записал суждения Ахматовой о Кафке ноября 1945 и 1965 г.: «Она поклонялась Достоевскому, <...> а после Достоевского — Кафке («Он писал для меня и обо мне», сказала она в 1965 году в Оксфорде, — Джойс и Элиот замечательные поэты, но они ниже этого глубо-

чайшего и правдивейшего из современных писателей» (цит. по кн.: Н а й м а н. С. 277).

В октябре 1959 г. Ахматова, как свидетельствует Л.К. Чуковская, «пересказала нам весь роман Кафки «Процесс» от начала до конца. Отозвалась же о романе так: «...Когда читаешь, кажется, словно вас кто-то берет за руку и ведет обратно в ваши дурные сны». Рассказала тут же и биографию Кафки. На Западе он гремит, а у нас не издается» (Чуковская, 2. С. 363).

В январе 1961 г. на русском языке впервые были изданы рассказы Ф. Кафки (Иностранная литература. 1961. № 1, пер. С. Апт). Над переводом «Процесса» в 1960-е годы работала Р.Я. Райт-Ковалева, с которой Ахматова была хорошо знакома (издан в 1965 г.).

В 1960 г. статью о Ф. Кафке «У пропасти одиночества» опубликовал и затем включил в свою книгу «Сердце всегда слева» (М., 1960) близкий знакомый Ахматовой переводчик Л.Э. Копелев. Весной 1961 г. о Кафке Ахматова говорит с посетившими ее в квартире на ул. Красной Конницы молодыми поэтами Д.В. Бобышевым и Е.Б. Рейном: «— Знаете ли вы, читали ли вы Кафку? — и Ахматова довольно подробно стала рассказывать нам содержание романа «Процесс». — Это как будто кто-то взял вас за руку и повел вас в ваши самые страшные сны». (Эту фразу я запомнил дословно)», — пишет Е.Б. Рейн (Рейн Е. Сотое зеркало // Ахматовские чтения. М. 1992. Вып. 3. С. 105). Тема стихотворения «Подражание Кафке» близка драме «Пролог, или Сон во сне», над которой Ахматова работала в 1960-е годы, и Седьмой «Северной элегии» (см. «Лирическое отступление «Седьмой элегии»).

И Чарли изобразил. — Имя великого американского актера и кинорежиссера Чарльза Спенсера *Чаплина*

(1889—1977) неоднократно встречается в поэзии и прозе Ахматовой, причем часто в соседстве с именами его гениальных современников — см. РТ 99, л. 12 об. (РГАЛИ):

Модильяни, Чаплин, Кафка
Или кто другой?

Ахматова отмечала, что родилась в один год с Чаплином, неоднократно упоминала в автобиографической прозе о том, что в 1910 — 1911 гг. «по парижским бульварам разгуливал в качестве неизвестного молодого человека еще не вззошедшее светило XX в. — Чарли Чаплин. Великий немой еще безмолвствовал» (РТ 110, л. 126, РГАЛИ). (Работа Чаплина в кино началась в 1913 г.)

96 «... что с кровью рифмуется...» Впервые — БП. С. 319, по автографу РНБ, без даты. В БО 2. С. 106 условно датируется 1960-ми годами. Печ. по автографу РНБ.
...что с кровью рифмуется... — Имеется в виду самая распространенная рифма: «любовь» — «кровь».

97 Петербург в 1913 году. Впервые — «Новый мир». 1965. № 1. С. 89, в подборке «Лирические стихотворения»; «Бег времени». С. 436, с датой — 1961. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу в РТ 96, уточнение даты — не позже 13 января 1961 г. — по времени чтения произведения в качестве новой строфы «Поэмы без героя» Л.К. Чуковской. См. ее запись в дневнике 13 января 1961 г.: «...прочла новое: скорбящий — щемящий, гудок паровоза, шарманка. «Это я просто так, никчемно, вы не беспокойтесь», — лукаво и кокетливо повторяла она, а потом — ну как же не беспокоиться! схватила «Поэму» и указала мне, куда эту строфу собирается вставить»

(Чуковская, 2. С. 454). Однако строфа эта в поэму вставлена не была и в 1965 г. публиковалась как отдельное произведение. Л.К. Чуковская пишет об этом: «Предполагала же А.А. вставить новорожденную строфу в первую часть «Поэмы» либо в главу третью после строфы «И всегда в духоте морозной...», либо в главу вторую после строфы «Сучья в иссиня-белом снеге...». Но в конце концов категорически решила: никуда не вставлять» (там же).

Автограф РГАЛИ (РГ 96, л. 20 об.) под загл. «Лирическое отступление», с датой — 1961. Ордынка. Январь, и пометами Ахматовой: «Попытки заземлить поэму» и «Не надо». Вариант строки 3: «Матерится мастеровой». В той же тетради на л. 21 — еще один набросок с датой — 16 января 1961. Ордынка, загл. «Из поэмы 1913», помета Ахматовой: «Не надо».

Как пред казнью бил барабан;
— Словно память «Народной воли»,
Тут уже до Горячего Поля
Вероятно рукой подать,
И смолкает мой голос вещей,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем — мне некогда ждать:
За заставой воеет шарманка,
Водят Мишку, пляшет цыганка
(Матерится мастеровой)
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
Дальше только сумрак смердящий
У тюрьмы — гигант-часовой
[В землю врос] гигант-часовой
[В сумрак врос]
У тюрьмы
Словно в зеркале страшной ночи

.....

За заставой воет шарманка. — Речь идет о Невской заставе, рабочем районе Петербурга на левом берегу Невы за Обводным каналом. В этом районе расположено много заводов, в том числе основанных еще в XVII — XVIII вв., — Стекольный, Зеркальный, Фарфоровый, Невский литейный и механический и пр. Стремясь «заземлить» «Поэму без героя», Ахматова пыталась ввести в текст социально-политический элемент: «Народную волю», мастеровых, Невскую заставу, где вели революционную агитацию С.М. Кравчинский, С.А. Перовская и другие революционно настроенные «народники», «народовольцы», члены общества «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединившиеся с «Группой народовольцев». В конце XIX — начале XX в. здесь происходили многочисленные стачки и столкновения рабочих с полицией. На Шлиссельбургском тракте 9 января 1905 г. казаки и полиция расправились с безоружной демонстрацией рабочих (у современного дома № 43 по проспекту Обуховской Обороны). *Паровик идет до Скорбящей.* — Имеется в виду тот район за Невской заставой, где с 1870-х годов действовала конно-железная дорога от Николаевского (Московского вокзала) по Шлиссельбургскому тракту до деревни Мурзинка (южная часть Шлиссельбургского тракта). В 1886 г. конную тягу начали заменять паровой. Паровики тянули по рельсам от двух до четырех бывших коночных вагонов, перевоза грузы и пассажиров. *Скорбящая* — по-видимому, часовня Божьей Матери Всех скорбящих Радости при Императорском стекольном заводе. *Тут уже до Горячего Поля* и далее. — Горячее Поле — название городской свалки в районе Невской заставы, на месте бывшего Глухого озера и имения кн. Г.А. Потемкина «Озерки». Во второй половине XIX в. озеро было засыпано, а тер-

ритория усадьбы отведена под городскую свалку. У тюрьмы — гигант-часовой. — Можно предположить, что Ахматова имела в виду Шлиссельбургскую крепость, которая находится к югу от района Невской заставы, при истоке реки Невы из Ладожского озера, — с начала XVIII в. она использовалась как «государева тюрьма», а в 1884—1905 гг. в специально построенном одиночном корпусе содержались народовольцы. В Шлиссельбургской крепости, казнили народовольцев-террористов, приговоренных к смерти. В 1907—1917 гг. здесь помещался каторжный центр с особо строгим режимом, сюда переводили политзаключенных из других тюрем.

98 «Слышишь, ветер поет блаженный...» Впервые — «Записные книжки». С. 129. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 4). Дата — в этом автографе. Исправление в строке 1: «[Это] Слышишь, ветер поет блаженный». Возможно, является наброском раннего варианта стихотворения «Конец Демона».

99 Конец Демона. Впервые — журн. «Наш современник». 1961. № 6. С. 139; «Бег времени». С. 363, в подборке «Вереница четверостиший», с датой — 1961. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу РГАЛИ (РТ 96, л. 18 об.), где имеются варианты строк:

2: Этот профиль луч начертил.

3: И пропел нам ветер блаженный.

Та же дата — в РТ 96, л. 11 об., где записан более поздний вариант текста, совпадающий с «Бегом времени», с правой в строке 4:

[То] Все, что Лермонтов утаил.

Четверостишие под № IV включено здесь в цикл «Из цикла «Тайны ремесла» (I. Вл. Нарбуту. «Это выжимки бессонниц...», II. О. Мандельштаму. «О, как пряно дыханье гвоздики...», III. Б. Пастернаку. «И снова осень валит Тамерланом...»).

В РТ 103, л. 5 (РГАЛИ) — ранний черновой автограф, варианты строк:

- 1: Словно Врубель наш [несравненный] вдохновенный
- 2: [Луч тот профиль тайный чертил]
[Этот профиль луч начертил]
- 3: И пропел нам ветер блаженный.

В той же тетради на л. 4 — более ранний набросок с датой — 11 февраля 1961 г. Кр<асная> Конница, также связанный с именем Лермонтова: «Слышишь, ветер поет блаженный // То, что Лермонтов не допел. <...>»

100 «...И теми стихами весь мир озарен...» Впервые — БО 2. С. 95, публикация М.М. Кралина по автографу в РТ 103. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 3 об.).

И теми стихами весь мир озарен. — Возможно, строка связана с записями Ахматовой на этой же и следующей страницах о Пастернаке, его лирике, периоде его молчания в 1931—1941 гг., благотворности для Пастернака связи с природой — «...и она по-царски награждала его. Удушие кончилось. В июне 1941 г., когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: «Я написал 9 стихотворений. Сейчас приду читать». И пришел. Сказал: «Это только начало — я распишусь» (л. 4).

101 «Если б все, кто помощи душевной...» Впервые — «Звезда Востока». Ташкент. 1966. № 6. С. 41;

«Радио и телевидение». 1966. № 13, август. С. 15, публикация В. Скороденко; «День Поэзии». М., 1968. С. 165; Соч., 2. С. 144; «Избранное», 1974, публикация Н. Банникова. Тот же текст в последующих изданиях. В БО 1. С. 243 — в цикле «Из заветной тетради». Печ. по автографу в рукописи кн. «Бег времени», где дата — 1961. Вербное воскресенье. Ленинград. В машинописном экземпляре с правкой РНБ — дата — 1960. Та же дата — в машинописном экземпляре собрания Л.Д. Большинцовой-Стенич, строка 12 зачеркнута, вписано: «Оттого и это мне совсем не трудно». В рабочих тетрадях РГАЛИ записаны отдельные строки стихотворения; в РТ 103, л. 11 об.:

И стала бы богаче всех в Египте,
Как говаривал Кузмин покойный.

1961. 30 марта
Кр<асная> Конница.

Стала б я «богаче всех в Египте» ... — цитата из стихотворения М.А. Кузмина «Если б я был древним полководцем...», входящего в цикл «Александрийские песни». Ахматова цитирует неточно, у Кузмина: «И стал бы // Богаче всех живущих в Египте» (Кузмин М.А. Стихотворения. СПб. 1996. Новая б-ка поэта. С. 114).

102 «А я говорю, вероятно, за многих...» Впервые — БО 2. С. 73, публикация М.М. Кралина по автографу в РТ 103. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 11 об.). Дата — 1961. 30 марта. Кр<асная> Конница — стоит в конце страницы, под строками «И стала бы богаче всех в Египте, как говаривал Кузмин покойный». Между отрывками — прозаическая запись «Пушкин и Царское Село», но четверостишие и двустишие объединяет особый

ахматовский знак — двойная черта, стоящая у строки 4 четверостишия и у строки 1 двустишия. Можно предположить, что стихотворения писались одновременно.

103 Сожженная тетрадь. Впервые — «Знамя». 1963. № 1. С. 144, с неверной датой — 1951; «Бег времени». С. 382—383, под №1 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради». Дата — 1961. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты — по автографам РГАЛИ и собрания В.Г. Адмони.

Автограф в РТ 96, л. 19 об. (РГАЛИ) (в составе цикла «Из сожженной тетради») имеет дату — 1961. Кр<асная> Конница». В автографе собрания В.Г. Адмони дата уточнена — апрель 1961 г. По-видимому, это уточнение следует принять, так как место написания стихотворения Ахматовой — улица Красной Конницы — могло относиться самое позднее к апрелю 1961 г.: май она провела в Комарове, в июне вместе с семьей Пуниных переехала на новую квартиру: улица Ленина (бывш. и ныне Широкая), дом 34, квартира 23. В августе она снова живет в Комарове.

В РТ 175, л. 10 (ИРЛИ), которая заполнялась осенью 1960 — в начале 1961 г., на л. 9 — строка 1 как эпиграф (?) к перечню стихов «Моя книга» (в перечне названы стихи, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в составляемой параллельно «Седьмой книге», т.е. в будущем «Беге времени»). На л. 10 той же тетради — наброски стихотворения «Сожженная тетрадь»; без загл.:

(Ни розою ветров, ни флейтой Пана
Я окрещу тебя, бездомная моя!
Ты — безымянная!)
Дитя отчаянья... и тумана

(Придут толпой тебя оплакать весны,
Одна другой моложе и свежей)

2.

Как я тебя последний раз согрела
Волной лесного дикого огня,
Как вдруг твое затрепетало тело,
Как голос, улета, клял меня.

В РТ 111, л. 24 (РГАЛИ) — чистовой автограф, загл.
«Сожженная тетрадь», вариант строки

7: Но вдруг твое зарозовело тело

104 Сосны. Впервые — сб. «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1978. С. 391, публикация Е.И. Лямкиной по автографу РГАЛИ. В РТ 103, л. 19 об. — чистовой автограф с датой — 9 мая 1961. Печ. по этому автографу.

В РТ 104, л. 15 (РГАЛИ) — карандашный автограф с той же датой, после текста — три строки точек. В РТ 106, л. 34 об., с датой — 1961 и иным порядком строк 4—3. В РТ 110, л. 30 — как автоцитата в дневниковой записи от 12 мая 1963: «Сегодня, 12 мая 1963, приехала в Комарово. Про сосны:

Не здороваются, не рады <...>

Жаркий ликующий день».

105 «Как будто я все ведала заранее...» Впервые — БО 2. С. 389, публикация М.М. Кралина по автографу РНБ. Печ. по автографу РНБ.

По смыслу связано с работой Ахматовой над драмой «Энума элиш» («Пролог, или Сон во сне»), где упоминается восточное магическое заклинание «алмазная да-

рани»: «Джале, джула, джунда, сваха брум» (см. т. 3. С. 316).

106 *«И анютиных глазок стая...»* Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ; то же — БП. С. 304. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 21), дата — по автографу в РТ 96. В РТ 106 исправление в строке 7:

И случайно [лишь] сам отразился.

В РТ 96, л. 24 об. — ранний автограф без строк 5 и 6 (вместо них строки точек). В строке 3 исправление: «[Словно] Это бабочки улетаю». Строки 7 — 8:

И совсем не долго тайлся
В двух зеленых пустых зеркалах.

Дата — 3 июня 1961. Комарово.

Так же без строк 5 и 6 — РТ 104, л. 16. Вариант строки 2: «Бархатистый хранила след».

107 *«Прав, что не взял меня с собой...»* Впервые — альм. «День поэзии». М., 1971. С. 156; строка 4: «Ночной бессонницей и вьюгой», публикация В.М. Жирмунского; то же — Eng-Liedmeier, Verheul. P. 57, под загл. «Из черных песен», с эпиграфом: «Слова, чтоб тебя оскорбить. Анненский»; БП. С. 305—306 — вне цикла, без загл., строка 4: «Ночной бессонницей и вьюгой». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 22). Точная дата и эпиграф — в этом автографе. Здесь же более позднее объединение в цикл «Из черных песен» со стихотворением под № II «Всем обещающим вопреки...».

Эпиграф из стихотворения И. Анненского «Дальние руки». Цикл «Из черных песен» обращен к одному из

уехавших из России возлюбленных давних лет — А.С. Лурье или Б.В. Анрепу.

В РТ 101, л. 13 — более ранний текст под загл. «Раздумье», варианты строк

1: Прав, кто не взял меня с собой,

3: Я стала ночью и судьбой.

Дата — Ночь. Комарово. 8/9 июня.

10 февраля 1963 г. Ахматова прочитала это стихотворение Л.К. Чуковской, утверждая при этом, что существовала средняя строфа, которую она забыла: «Вспомнить не могу, и, боюсь, никогда уже не вспомню. <...> — А что было во втором четверостишии? — Не имею ни малейшего представления, — ответила Анна Андреевна. (Может быть, его и не надо, потому оно и утратилось?)» (Чуковская, 3. С. 25). По мнению Л.К. Чуковской, пропущенную 2-ю строфу следует обозначать строкой точек — так стихотворение было записано в рукописи кн. «Бег времени», напечатано в БП. С. 305—306; БО 1. С. 290, «Путем вся земля». М. 1996. С. 323—324. Однако во многих автографах (РГАЛИ) пропуск срединной строфы точками не отмечен.

108 Бег времени. Впервые — газ. «Металлург-строй». Новокузнецк. 1963. 16 марта, без загл.; ВРСХД. 1971. № 100. С. 225, публикация Н.А. Струве, без загл.; так же — Eng-Liedmeier, Verheul. P. 59; «Памяти Анны Ахматовой». С. 18, публикация Л.К. Чуковской; «Избранное». 1974. С. 464, публикация Н. Банникова. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 13 об.). Дата — в этом автографе и в списке стихотворений для кн. «Бег времени». Пунктуация уточнена по другому автографу РГАЛИ. В ряде списков и автографов — иное употребле-

ление местоимений *им*, *их* в 1—2 строках, — например, в автографе РГАЛИ:

Что войны, что чума! — конец *им* виден скорый,
Их приговор почти произнесен,

Строка 4 здесь оканчивается точкой. Дата — 1961. Без загл.

В большей части публикаций, в том числе БП. С. 225, использован именно этот вариант; в «Памяти Анны Ахматовой» и в БО 1. С. 237 — в обеих строках — «им».

Этим стихотворением Ахматова предполагала открыть кн. «Бег времени» — оно должно было идти первым в цикле «Вереница четверостиший», который в рукописи состоял из двенадцати четверостиший, а в изданной книге — из девяти, причем именно первое, давшее книге название, из нее было исключено. *Бег времени* — *Fura temporum* — выражение Горация в его оде «*Exegi monumentum*», одна из сил, которым противостоит созданный им памятник — его поэзия.

109 *«Так не зря мы вместе бедовали...»* Впервые строки 9—12 — в качестве эпиграфа к поэме «Реквием» в отд. изд. Мюнхен, 1963; Соч., 1. С. 361; «Новый мир». 1964. № 6. С. 174 в статье А. Синаевского «Раскованный голос» (к 75-летию А. Ахматовой). Полностью впервые — в статье Г.П. Струве «Дневник читателя» — «Русская мысль». Париж. 1970. 15 октября. С. 4, по неисправному списку; то же — Соч., 3. С. 94—95. Строки:

- 1: Нет, не зря мы вместе бедовали
- 5: Не напрасно ль чистой я осталась
- 7: Вместе с вами я в ногах валялась

Впервые по автографу — «Памяти Анны Ахматовой». С. 28, публикация Л.К. Чуковской; строка 7: «Вместе с вами я в ногах валялась». Так же «Узнают голос мой...». С. 279—280. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 31 об.). Дата в этом автографе — 1961, исправление в строке 12:

Там, где мой народ [когда-то] к несчастью был.

Уточнение даты — по времени чтения нового стихотворения Л.К. Чуковской 21 июня 1961 г.: «Да, когда мы с ней еще сидели одни, она прочитала мне новую строфу в «Поэме» и новое страшное — о «кровавой кукле палача». (Чуковская, 2. С. 463).

В РТ 114, л. 235 (РГАЛИ) — другая редакция стихотворения. Отличия в строках:

4: И спокойно продолжают путь

7: Вместе с ними я в ногах валялась

Строки 9—12 были использованы в качестве эпиграфа к поэме «Реквием» в 1962 г. по совету Л.З. Копелева, когда «Реквием» впервые был отпечатан на машинке. (см. об этом: Чуковская, 2. С. 561).

110 «Хозяйка румяна, и ужин готов...» Впервые — «Я — голос ваш...». С. 302, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 21 об.), где записано сразу после текста «Царско-сельской оды» и перед заключительными строками стихотворения «Всем обещаньям вопреки...», имеющего дату — 4 августа 1961. Комарово. Возможно, двустилишие также записано в августе 1961 г., однако создано оно, очевидно, раньше, так как на Ордынке у Ардовых Ахматова жила в начале 1961 г. (до 6 февраля) и затем

с 20 июня по 24 июля 1961 г. В августе Ахматова находилась в Комарове.

111 «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...». Впервые — БО 2. С. 96, публикация М.М. Кралина по автографу в РТ 109, где следует после записи: «3-го мая умерла Марта Андреевна Голубева». Далее — моностих в кавычках, как цитата. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 11), запись от 15 июля 1961 г.: «Сегодня День св. Владимира и 120 годовщ<ина> смерти Лермонтова. Сейчас прошел серый мрачный вихрь с ливнем. Захолодало. Сделалось что-то вроде осени — задуманные стихи оборвались. Образовалась какая-то необъятная пустота внутри сознания. («Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...») (Комарово)». Датируется условно по времени наиболее ранней из найденных нами записей. В РТ 104 моностих записан рядом с другим моностихом: «Ромео не было, Эней, конечно, был», среди записей ноября 1962 г. В РТ 110, л. 207—207 об. среди записей 1964 г. — попытка превратить моностих в четверостишие или в произведение большой формы:

Как жизнь беспамятна, как памятлива смерть...
С тех самых странных пор, как существует что-то,
Ее неповторимая дремота
В назначенный вчера сегодня входит дом.

См. также незавершенный набросок «Беспамятна лишь жизнь, — такой не назовем...». Марта Андреевна Голубева (1909—1963) — искусствовед, третья жена Н.Н. Пунина, умерла 3 мая 1963 г.

112 Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»). Впервые — журн. «Огонек». 1964.

№ 10. С. 4, в цикле «Трилистник московский» (2. «Без названия» («Среди морозной праздничной Москвы...»), 3. «Еще тост» («За веру твою! И за верность мою!...»). Варианты строк 5—6: «И так случится в тот московский день, // Когда навеки город я покину...» Тот же цикл в кн. «Бег времени». С. 400—401; окончательный текст, дата после третьего стихотворения цикла «1961—1963». Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 17 об.). Варианты строк в этом автографе:

2: Подумаешь: — она дождя желала...

5: [И это будет] Случится это в тот московский день,

8: Свою меж вас [навек] еще оставив тень.

В автографе РТ 106, л. 26 об. (РГАЛИ) загл. «Почти в альбом» относится к циклу из двух стихотворений: I. «Услышишь гром...», II. «... и третье, что нами владеет всегда...». Даты под первым — Комарово. 1961, под вторым — 12 июня 1962. Ленинград. Варианты строк:

2: Подумаешь — она дождя желала;

5—6: И так случится в тот московский день,
Когда навеки город я покину.

В РТ 110, л. 48 об. стихотворение «Почти в альбом» имело номер V, затем зачеркнутый, что означало намерение Ахматовой включить его в цикл «Мнимый год», который первоначально состоял из стихотворений: I. «Предвесенняя элегия», II. «Взоры огненной огня...», III. «Тополиная метель» («Какое нам в сущности дело...»), IV. «Зов (Arioso dolente)» («И в предпоследней из сонат...»), V. «Почти в альбом», VI. «В Зазеркалье» («Красотка очень молода...»), VII. «Еще тост» («За кротость твою и за верность мою!...»). Под № VIII стихотворение не записано, без номеров — «При непо-

сылке поэмы» («Приморские налеты ветра...») и «Запад клеветал и сам же верил...».

В дальнейшем название цикла и его состав изменились («Полночные стихи»).

Притин — полуденное солнцестояние, край неба, в переносном значении — *цель* (здесь: смерть). См. в стихотворении Н. Гумилева «Христос»:

...Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца.

(Гумилев Н. Т. 1. С. 97.)

В стихотворении О. Мандельштама «Чуть мерцает призрачная сцена...» (1920):

...Из блаженного, певучего притина
К нам летит бессмертная весна...

(Мандельштам О. Т. 1. С. 148.)

113 *«Угощу под заветнейшим кленом...»* Впервые — «Новый мир». 1969. № 5. С. 57, публикация В.М. Жирмунского по автографу РНБ, то же — БП. С. 305. Печ. по автографу РНБ. Уточнение даты — по местоположению в РТ 103 (РГАЛИ). В РТ 101, л. 14 (РГАЛИ) — первая строфа как самостоятельное четверостишие (после четверостиший «Бег времени» и «Памяти Анты») в иной редакции; две первые строки:

Под заветнейшим призрачным кленом
Угощу я беседой простой.

Дата — 1961. Ком<аров>.

В РТ 103, л. 20 об. (РГАЛИ) эта же редакция подвергнута правке, превратившей его в окончательный текст

четверостишия. На той же и соседней страницах — черновой автограф «Царскосельской оды» с датой — 3 августа 1961 г.

114 Царскосельская ода. Девятисотые годы. Впервые — журн. «Новый мир». 1963. № 1, без эпиграфа, подзагол. Девятисотые годы, дата — 1961. Варианты строк:

6: В «Кипарисный ларец»,

9: Здесь ни Темник, ни Шуя

В кн. «Бег времени». С. 433—435 — окончательный текст, подзагол.: Девятисотые годы, эпиграф из стихотворения Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай», дата — Комарово 1961. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографам РГАЛИ и спискам.

В РТ 103, л. 3 и 21, 20 об., 21 об. записаны черновые наброски и полный текст ранней редакции с правкой. Первоначальное загл.: «Выцветшие картинки» — зачеркнуто, вписано новое: «Безымянный переулок». Первое загл. стало подзагол., затем было вычеркнуто. Первоначально эпиграф: «Ты поэт местного, царскосельского значения. Н.П.» — ироническое высказывание Н.Н. Пунина. Затем вписан второй эпиграф — «А в переулке забор дощатый. Н.Г.».

Варианты строк:

6: В «Кипарисный ларец»;

Вместо 9—12:

[Не напрасно с вокзала
Я сегодня спешу,
И не хуже Шагала
Я тебя опишу.]

Еще один вариант этой строфы:

[Возвращаясь с вокзала
Как в одну из Валгалл,
Так тебя описала,
Как свой Витебск — Шагал.]

Первоначально далее следовала строфа 6: «Так мне хочется, чтобы...» Затем слева на л. 20 об. вписаны строфы 4 и 5. Исправление строк:

14: [И ругались не так]
18: Лили [призрачный] матовый свет
20: [Тут мелькал] Промелькнул силуэт
32: [Там гадала гостям]
39: Пили [царскую] допоздна водку
40: [Заедая] Заедали кутьей.
42: Этот [призрачный] царственный мир
43: И на розвальнях правил.

В рукописи кн. «Бег времени» 1962 г. — строка 42: «Этот царственный мир».

В списке Фонтанного Дома — загл.: «Царкосельская ода (Безымянный переулочек)». Два эпиграфа, второй: «Ты поэт местного, царкосельского значения. Н. П<у>нин». Дата — 3 августа 1961. Комарово.

В кипарисный ларец. — Отсылка к названию книги И. Анненского «Кипарисовый ларец». В первоначальном варианте, где название было выделено кавычками, этот намек был более открытым. *А тому переулочку...* — Безымянному переулочку в Царском Селе, где в 1890-е — начале 1900-х гг. в доме Шухардиной, на углу Широкой улицы и Безымянного переулочка, жила семья Горенко. *Здесь не Темник, не Шуя.* — Темник — город Темников, районный центр Мордовской области. Шуя — районный центр Ивановской области. По именам этих городов назывались

в России знатнейшие боярские роды: Темниковы, Шуйские. Однако в контексте оды эти названия означают либо глухие уголки провинции, либо содержат намек на лагеря (ГУЛАГ), располагавшиеся в этих местах. *Как свой Витебск — Шагал.* — Выдающийся русский художник Марк Захарович *Шагал* (1887—1987) изображал свой родной город Витебск на многих картинах и рисунках. В набросках воспоминаний о Модильяни Ахматова писала о Париже 1910-х годов: «...а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни. Марк Шагал уже привез в Париж свой волшебный Витебск <...>». Ахматова была знакома и встречалась в 1960-е годы с дочерью Шагала Идой Марковной. *Тут еще до чугулки...* — т. е. до 1837 г., когда открылась первая в России Царскосельская железная дорога. В одном из набросков автобиографической прозы Ахматова писала: «Дом Шухардиной. ... этому дому было сто лет в девяностых годах 19-ого века, и он принадлежал купеческой вдове Евд. Ив. Шухардиной <...> Старики говорили, что в этом доме «до чугулки», т. е. до [18]38 г., находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверждает это» (РНБ). *Пили допоздна водку.* — Первоначальный вариант — «Пили царскую водку» содержал намек на царскую монополию по продаже водки. Ахматова заменила ее по совету молодых друзей-поэтов, химиков по образованию. В частности, Е.Б. Рейн объяснил Ахматовой, что «царская водка» — химический термин, обозначающий смесь кислот соляной и азотной, которая растворяет золото и платину. «Но это мне совершенно ни к чему, — сказала Ахматова, — эти ваши химические дела». Но, видимо, многозначная «царская водка» не была забыта Ахматовой, дня через четыре она решила заменить эпитет «царская» каким-нибудь дру-

гим. «Вот вы и придумайте», — сказала она. Я ей придумал наречие «допоздна». Наверное, в рукописях можно отыскать ту, раннюю редакцию с «царской водкой». Признаться, что теперь «царская водка» мне кажется иногда лучше опубликованного варианта» (Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 3. С. 108). *Великан-кирасир* — по-видимому, царь Александр III. Такое пояснение Ахматова дала Л.К. Чуковской в январе 1962 г.: «Анна Андреевна объяснила мне: великан-кирасир — царь Александр III» (Чуковская, 2. С. 478). Однако этот образ соответствует раннему подзаголовку «Царскосельской оды» — «Девяностые годы», и не соответствует новому — «Девятисотые годы», так как Александр III умер в 1894 г. Не следует ли считать подзаголовок «Девятисотые годы» опечаткой или произвольной редакционной заменой? *Кирасиры* — тяжелая кавалерия; по традиции, русские цари и великие князья состояли высшими офицерами полков российской армии. *Великаном-кирасиром* изображен Александр III в широко известном конном памятнике скульптора Павла Петровича Трубецкого, установленном в 1909 г. на площади у Николаевского (ныне Московского) вокзала С.-Петербурга.

116 «Всем обещаньям вопреки...» Впервые — «Бег времени». С. 440, с датой — 1960. Печ. по кн. «Бег времени», где оканчивалось строкой: «Я без него могла». Дата — по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 22—21 об.), где записана ранняя редакция стихотворения с последней строфой:

Я без него могла
Смотреть, как пьет из лужи дрозд
И как гостей через погост
Зовут колокола.

Варианты и исправления строк:

3: [Ты от меня ушел] Меня забыл на дне

9: Шептал про Рим [и звал] манил в Париж

В рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл из двух стихотворений. «Из «Черных песен» (1. «Прав, что не взял меня с собой...»). Возможно, обращено к Б.В. Анрепу и продолжает тему «черного кольца», подаренного Ахматовой Анрепу (см. т. 1. С. 305—307, 839). Сам Анреп считал это стихотворение адресованным ему. 14 мая 1967 г. он писал В.А. Знаменской: «Об этом стихотворении я узнал только в 1966 году, и оно меня глубоко взволновало. Перстень — да, мой дух (фотография в краске I.X. Cor Sacrum, послал после лет молчания) — да, манил в Париж — да» (РНБ, фонд В.А. Знаменской, опубл. М.М. Кралиным в БО 1. С. 425).

Может быть, воспоминание об уехавшем дорогом человеке было связано и с вестью с Запада, которую Ахматова получила в июне (?) 1961 г., — см. в «Записках» Л.К. Чуковской от 21 июня 1961 г.: «Она показала мне записочку, полученную ею из Парижа — от «Современницы», от «Тени», от Саломеи Андрониковой» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 463—464).

117 Выход книги. Впервые — БП. С. 306—307, по автографу РГАЛИ, с подзагол. («Из цикла «Тайны ремесла»). В БО 1. С. 241 включено в цикл «Из заветной тетради», подзагол. снят. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 23 об.—24). Дата — 13 августа 1961. Комарово (днем). Подзагол.: Из цикла «Тайны ремесла». Исправления в строках:

- 5: [Один] [Поэт] ведет [гостей] в хоромы,
 6: [Или] [Другой] под своды шалаша
 7: [А то и] [А третий] — прямо в ночь истомы
 11: Что их [ведет] влечет — какое чудо,
 13: [И япрекрасно]

В РТ 96, л. 23 (РГАЛИ) записана вторая строфа как самостоятельное четверостишие с датой — 11 авг. 1961. Комарово и эпиграфом: «*Suum cui que*» («Каждому свое» — л а т.; Полностью фраза: «*Suum cuique tribuere*» — «Каждому воздать свое»). Запись сделана поверх стертого перечня стихотворений. Строка 3: «А третий — просто в ночь истомы...» Написано после выхода кн. «Стихотворения (1909—1960)». Гослитиздат. М., 1961 (подписана в печать 16 февраля 1961 г.), вызвавшей восторженный прием читателей и огромное число читательских писем автору.

Эдемский сад — райский сад, где находились Адам и Ева до грехопадения (Бытие 2. 8).

Подзагол. «Из цикла «Тайны ремесла» указывает на связь стихотворения с этим циклом, впервые опубликованным в кн. «Стихотворения», 1961. С. 284—289, затем в кн. «Бег времени». С. 293—299. Однако ни в один из трех вариантов рукописи кн. «Бег времени» оно включено не было.

118 Александр у Фив. Впервые — «Литературная газета». 1962. 16 января, с подзагол. «Дом Поэта», с пропуском строки 7. Дата — 1961 г., октябрь. В кн. «Бег времени». С. 429 — второе в цикле «Античная страничка» (I. «Смерть Софокла»), также без строки 7 (оба стихотворения — восьмистишия). Дата — Ленинград. 1961. Строка 7 впервые введена в основной текст М.М. Кралиным: БО 1. С. 276, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104, л. 3).

Правка в строках:

- 3: И старый вождь узрел [свой] тот город горделивый
- 4: Каким [его когда-то] он знал его еще когда-то встарь.
- 5: Все, все огню, [все] царь перечислял
- 6: [Театры и мосты] и храмы — чудо света

В строке 9 «дом поэта» — без прописных букв; восстанавливаем их по кн. «Бег времени». Дата — [Гавань] 1961. Октябрь. Больница им. Ленина.

Было включено в цикл «Античная страничка», в который включались разные стихотворения. В РТ 106, л. 30 об. (РГАЛИ) — «Дом Поэта», «Дидона — Энею», «Смерть Софокла»; В РТ 104, л. 1 (РГАЛИ) — «Смерть Софокла», «Александр у Фив», «Эпиграмма».

В основе сюжета — легенда об Александре Македонском, который, разорив в 335 г. греческий город Фивы, сохранил лишь дом поэта Пиндара (ок. 518—442 или 438 г. до н.э.). Написано в больнице имени В.И. Ленина на Большом проспекте Васильевского острова в Ленинграде, где Ахматова находилась с 1 октября 1961 по 15 января 1962 г. (диагноз — инфаркт).

119 Нас четверо (Комаровские наброски). Впервые — «Литературная газета». 1962. 16 января, под загл. «Комаровские кроки», дата — 1961 г., ноябрь, без эпиграфов и без 2-й строфы, строка 5: «Вот отчего у восточной стены»; 8: «Словно письмо от Марины»; «Бег времени». С. 438, под загл. «Комаровские наброски», с одним эпиграфом из М. Цветаевой и датой — 1961; вне цикла. «День поэзии». Л. 1966. С. 48, под загл. «Комаровские наброски», в подборке «Стихи, написанные в Комарово». Печ. по автографу в рукописи кн. «Бег времени», 1962 (РГАЛИ). В этой рукописи стихотворение имеет три эпиг-

рафа — из трех стихотворений, посвященных Ахматовой: Пастернака «Анне Ахматовой»; Мандельштама «Черты лица искажены...» и Цветаевой «О, Муза Плача, прекраснейшая из Муз!...». Дата — 1961, ноябрь. Гавань (больница). Под № VIII входило в цикл «Венок мертвым», загл. первоначально — «Нас четверо (Комаровские кроки)», затем слово «кроки» исправлено на «наброски».

В РТ 104, л. 16 (РГАЛИ) — первоначальная редакция из двух строф и вписанная позже на полях средняя строфа. Дата — 1961. 19 — 20 ноября. Больница. Гавань. Эпиграфов нет. Строки:

9: Вот отчего у восточной стены

12: Словно письмо от Марины.

Черновой набросок стихотворения с датой — ноябрь 1961, Ленинград — РНБ.

Нас четверо. — Фраза является ответом на начальную строку стихотворения Пастернака «Нас мало. Нас, может быть, трое...» (1921). *Лесная коряга*, принесенная молодыми друзьями Ахматовой, стояла во дворе ее дачи в Комарове. *На воздушных путях...* — «Воздушные пути» — заглавие рассказа Пастернака (1925) и его книги прозы (1933), в память о которых был назван издаваемый в Нью-Йорке Романом Николаевичем Гринбергом (1897—1969) альм. «Воздушные пути», где печатались стихи Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. *Ветвь бузины* — образ из стихотворения М. Цветаевой «Бузина», которое в 1961 г. было опубликовано в сборнике ее стихов «Избранное» (М., Гослитиздат).

120 Родная земля. Впервые — журн. «Новый мир». 1963. № 1. С. 64; «Бег времени». С. 437, с датой — Ле-

нинград 1961. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу РНБ. Автографы в РТ 104, л. 20 об. — 21 и 29 (РГАЛИ) отражают процесс работы над текстом. Первоначально были написаны две строфы: 1-я и 3-я (9—14 строки), затем дописана 2-я, и все три пронумерованы римскими цифрами. Варианты строк:

- 2: О ней стихи щие слагаем
- 2: Стихи навзрыд о ней не
- 3: Она нам сон не берedit,
- 8: Мы про нее не вспоминаем даже.
- 9: А для нас это грязь на калошах,
- 10: А для нас это [пыль] хруст на зубах
- 11: Мы крошим и мельчим, громоzdим и ворошим
- 12: Этот бедный ни в чем не замешанный прах
- 13: Мы ложимся в нее и становимся ею.

Дата — 1 дек<абря> Боль<ница>. Гавань.

На л. 29 той же тетради текст переписан начисто, варианты:

- 3: Она наш горький сон не берedit
- 9: Да, для нас это пыль на галошах
- 11: Мы мельчим ее, месим и крошим
Но мельчим мы, и месим и крошим
- 12: Тот ни в чем не замешанный прах.
Ни на чем не замешанный прах.

Дата — декабрь 1961. Гавань. Эпиграф из стихотворения Ахматовой «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922) — из его ранней редакции, напечатанной в сб. «Аппо Domini», 1923. С. 14. М.М. Кралин (БО 1. С. 425) сопоставил образы этого стихотворения (грязь на калошах, прах) с образами очерка Г.И. Успенского «Власть земли»: «...именно та самая земля, которую вы принесли с улицы на своих калошах в виде грязи, та самая, которая лежит в горшках ваших цветов, черная, сырая, — словом, земля

самая обыкновенная, натуральная земля. Могущество этой персти, «праха» с глубочайшею силой и простотой указано еще в стариннейшей былине о Святогоре-богатыре». Можно уловить в строках этого стихотворения родство с поэзией О. Мандельштама (см. об этом в статье. Т. 2. Кн. 1.) Л.К. Чуковская, которой Ахматова прочитала стихотворение в мае 1962 г., сочла его «невероятным, невысказанным, сверхгениальным». «Такой силищей не обладала молодая Ахматова <...> ... ни «Поэмы», ни «Северных элегий», ни «Родной земли» молодой Ахматовой не написать бы. Хвори, бедствия и даже немота пошли ее Музе на пользу. И как затянулся ее диалог с эмигрантами! Не затянулся, а вспыхнул снова, потому, вероятно, что до нас стали с недавнего времени долетать голоса западных людей — среди них эмигрантские» (Чуковская, 2. С. 484—485).

121 «Больничные молитвенные дни...» Впервые — БО 2. С. 74, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104, л. 21). Дата — 1 де<кабря> Больн<ица> — находится между текстами трехстишия и стихотворения «Родная земля» и может быть отнесена к обоим.

И где-то близко за стеною — море... — Больница им. Ленина в Гавани расположена недалеко от «моря» — устья Невы и Финского залива.

122 Слушая пение. Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 57; «Избранное», 1974, публикация Н. Банникова; «Стихи и проза». Л.: Лениздат, 1976. (сост. Б. Друяна и Э. Герштейн); БП. С. 305, публикация В.М. Жирмунского. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104, л. 28 об.). На л. 27 об. — 28 тексту стихотворения предшествует запись: «Вчера вечером слушала бразильскую бахиану. Пела Вишневская. Я что-то сочинила, но в темноте

не могла записать и забыла. Кажется: Слушая пение». Далее следует текст стихотворения. Варианты строк:

2: Черным, влажным, [прохладным], ночным

11: Будто где-то вдали не могила.

Первоначально после 1-й строфы шла 3-я. 2-я написана справа на полях. Дата — Вторник. ? декабря 1961. Переписано целиком на л. 28 об. Строка 11 изменена: «Будто [где-то вдали] там впереди не могила». Дата — 19 декабря 1961 (Никола Зимний). Больница им. Ленина.

Вишневская Галина Павловна (р. 1926) — выдающаяся русская певица, выступала в Большом театре и во многих оперных театрах мира. Обладает редким по красоте голосом. «Бразильская баховиана» (или «бахиана») — сочинение бразильского композитора Э. Вила-Лобоса (1887—1959).

123 «Недуг томит — три месяца в постели...»

Впервые — БП. С. 300, публикация В.М. Жирмунского, с неверной датой — 1959, строка 1: «Недуг томит три месяца в постели»; БО 2. С. 75, публикация М.М. Кралина, с исправлением пунктуации строки 1, дата — 1961. Печ. по автографу РНБ. Уточнение даты — декабрь 1961 г. — по содержанию четверостишия («три месяца в постели»).

В РТ 106, л. 6, Ахматова писала о времени «почти потустороннего пребывания в Гавани (1 окт<ября 1961> — 15 янв<аря 1962>), где сны были обычны и банальны, а действительность напоминала только 1002-ую ночь».

124 «И музыка тогда во мне...»

Впервые — «Записные книжки». С. 191. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104, л. 24 об.). Датируется по местоположению в тет-

ради среди записей 1961 г., многие из которых посвящены музыке: Равелю, Моцарту, «Бразильской баховиане» Вилла-Лобоса в исполнении Г. Вишневской и пр. На том же и следующем листах (24 об.—25) — размышление Ахматовой о «Поэме без героя» и «Другой»: «Другая», откуда я подбираю крохи в моем «Триптихе» — это огромная траурная, мрачная, как туча — симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т.е. вернее обо всем, что нас постигло. А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова — слава, Нижинский — безумие, Маяковский, Есен<ин>, Цвет<аева> — самоубийство, Мейерхольд, Гумилев, Пильняк — казнь, Зощенко и Мандельштам — смерть от голода на почве безумия и т.д., и т.д. (Блок, Хлебников...).

125 К стихам. Впервые — «Бег времени». С. 362, в цикле «Вереница четверостиший», без даты; «Избранное», 1974, публикация Н. Банникова; «Стихи и проза», 1976 (сост. Б. Друян и Э. Герштейн); БП. С. 226, публикация В.М. Жирмунского и др. Автограф в РТ, 101, л. 14 (РГАЛИ), без названия и без даты. Вариант строки 3: «Вы были срамом... ложью». Печ. по кн. «Бег времени». Датируется условно по местоположению в тетради и характеру почерка.

126 «Не знаю, что меня вело...» Впервые — БО 2. С. 100. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 13). Датируется по местоположению в тетради.

Двустипшие записано Ахматовой в квадратных скобках и может являться либо самостоятельным произведением, либо попыткой написать среднюю строфу стихотворения «Прав, кто не взял меня с собой...», записанного на

той же странице под загл. «Раздумье», с датой — Ночь. Комарово. 8/9 июня. Наконец, двустилишие может быть связано с записью на л. 12 об.: «Из забытых стихов. 20-ые годы. 1) ...Как листья желтые... 2) О Боже, за себя...».

127 «Что таится в зеркале? — Горе...» Впервые — БО 2. С. 101, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 13). Датируется условно по местоположению в тетради.

128 «Ромео не было, Эней, конечно, был...». Впервые — в комментарии В.М. Жирмунского к стихотворению «Не пугайся, — я еще похожей...»; БП. С. 489. В качестве второго эпиграфа к этому стихотворению введено в основной текст М.М. Кралиным — БО 1. С. 274. В РТ 104, л. 13 (РГАЛИ) записано как самостоятельный моностих, после подобного же моностиха «Как жизнь забывчива, как памятлива смерть». В мае 1962 г. Л.К. Чуковская услышала эту строку из уст Ахматовой в разговоре о поклонении ей поэта Давида Самойлова: «...я рассказала Анне Андреевне, как Самойлов в клубе пылко объяснялся мне в любви к ней — стародавней и несокрушимой. Она смеялась. — Вот, пока женщина молода и в цвету, Эней оставляет ее, а потом вдруг оказывается, что все сплошь были Ромео. Нет уж: Ромео не было, Эней, конечно, был. И она подробно и снисходительно рассказала мне историю Энея» (Чуковская, 2. С. 500).

129 «И было сердцу ничего не надо...» Впервые — «Литературная газета». 1964. 26 июня, под загл. «Четверостишие»; «Бег времени». С. 363, в цикле «Вереница четверостиший», без даты; «Избранное», 1974, публикация

Н. Банникова; «Стихи и проза», 1976 (сост. Б. Друян и Э. Герштейн); БП. С. 227, публикация В.М. Жирмунского). Печ. по кн. «Бег времени». Дата — в автографе РГАЛИ (РТ 103, л. 37).

В РТ 111, л. 40 об. (РГАЛИ) под № I в цикле «Два четверостишия», с датой — 50-е годы (II. «И слава лебедем плыла...»). Разночтения — в знаках препинания строк 2 и 3: «Когда пила я этот жгучий зной, // «Онегина» — воздушная громада...» Ср. структуру образа четверостишия со строфой стихотворения Н. Гумилева «Священные плывут и тают ночи...» (1914):

Весь день томясь от непонятной жажды
И облаков следя крылатый рой,
Я думаю: «Карсавина однажды,
Как облако, плясала предо мной».

(Гумилев Н. Т. 1. С. 375.)

130 «Как зеркало в тот день Нева лежала...» Впервые — «Записные книжки». С. 154. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 36 об.). Дата — 1962 — в автографе.

Текст записан рядом со стихотворением «И было сердцу ничего не надо...», датированным 14 апреля 1962 г., Ленинград, с которым перекликается по теме, написано тем же размером.

131 Почти в альбом («... и третье, что нами владеет всегда...»). Впервые — БП. С. 306, публикация В.М. Жирмунского, — без последней строфы, которая помещена в разд. «Другие редакции и варианты», с многочисленными ошибками из-за неверного прочтения. В БО 2. С. 75, публикация М.М. Кралина, — полный текст по черновому автографу РГАЛИ, где под № II входит в цикл из

двух стихотворений «Почти в альбом» (I. «Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»). Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 27).

Варианты первоначальной редакции и правка в строках:

- 1: ... и [то] третье, что нами владеет всегда
- 5: Может быть, вместе [мы где-то] живем,
- 6: [Там, за пределами круга] Бродим по мягкому лугу,
- 7: [Мы и] Здесь мы помыслить не можем о том,
- 8: [Чтоб поглядеть друг на друга]
- Чтобы присниться друг другу.

Строки 9—12 зачеркнуты волнистой линией, но не исключены из стихотворения окончательно, и в них внесена правка. Строка 11:

- [Как я свободно и дерзко] дарю
- [Как я] свободно кому-то дарю.

Дата — 12 июня 1962. Ленинград — относится не ко всему циклу, а только к данному стихотворению (под первым дата — Комарово, 1961).

132 «*О своем я уже не заплачу...*» Впервые — журн. «Новый мир». 1963. № 1. С. 65, в подборке «Два четверостишия» (2. «Ржавеет золото и истлевает сталь...»); «Бег времени». С. 364, как заключительное в цикле «Вереница четверостиший», с датой — 1962. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 27 об.). В этом автографе загл. «Из цикла «Четверостишия». IV. Без названия». Варианты строк.

РТ 106, л. 27 об.

- 1: [Но куда я отчаянье спрячу]
- 3: Золотую печать неудачи.

В РТ 103, л. 38:

1: [О себе я больше] не заплачу

3: [Золотую печать] Золотое клеймо

Дата — 1962. Обращено к поэту, молодому другу Ахматовой, И.А. Бродскому. В строке «Золотая печать неудачи», «Золотое клеймо неудачи» — отражение реальной детали — золотисто-рыжего цвета волос молодого поэта.

133 «Что у нас общего? Стрелка часов...» Впервые — Соч., 1986. С. 364, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 101, л. 23). Варианты строк:

6: [И по ошибке приснился]

7: [Той, что ни в чем неповинна] — возьми

134 Последняя роза. Впервые — журн. «Новый мир». 1963. № 1. С. 64; эпиграф с подписью «И.Б.»; «Бег времени». С. 439, без эпиграфа, с датой — Комарово, 1962. Эпиграф к стихотворению «Последняя роза» в кн. «Бег времени» был снят в августе 1965 г. по требованию редакции Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», — в РТ 114 запись Ахматовой: «11 авг<уста>. Сегодня Пагирев привез «Бег времени» (верстка). Просит снять эпиграф к «Последней розе». Сняла». Причиной снятия была продолжающаяся ссылка поэта И.А. Бродского по приговору суда (за «тунеядство»). «Дело» Бродского было пересмотрено 4 сентября 1965 г., срок наказания (пять лет) сокращен до уже отбытого. 25 сентября 1965 г. Бродский приехал в Москву. Печ. по кн. «Бег времени», дата и эпиграф — по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 38—38 об.). Варианты строк:

- 1: Мне с Морозовою бить поклоны
 4: Чтобы с Жанной вновь туда идти
 6: Умирать и воскресать и жить...
 8: Дай мне снова свежесть ощутить.

В машинописном автографе с правкой в собрании Фонтанного Дома под эпиграфом подпись рукой Ахматовой: «И.Б.» В строке 6 цифрами изменен порядок слов, стало:

Воскресать и умирать и жить.

Дата на машинке — 9 авг<уста> 1962.

Эпиграф из стихотворения И. Бродского «А.А. Ахматовой» («Закричат и захлопочут петухи...»), написанного к дню рождения А.А. Ахматовой, о котором 24 июня 1962 г. в РТ 106 сделана запись: «24 — День рождения. Устала. (Был<и> Кома и Жир<мунский>. Вечером мальчики). Стихи Иосифа — не альбомные. Розы». В РТ 106 — еще одна запись, имеющая отношение к стихотворению «Последняя роза», — от 22 августа 1962 г.: «22 августа день смерти Н. Приехали Зоя и Толя. Т<оля> сказал, что его друг уехал и просил передать мне, что он любит меня больше всего на свете. Я показала Т<оле> «Последнюю розу». Дошло». Н — Николай Николаевич Пунин. Официальная дата его смерти в лагере Абезь — 21 августа 1953 г. Л. Зыков рассказывает: «22 августа, когда еще не могло быть никаких сигналов о случившемся, Ахматова решила навестить Льва Николаевича Пунина — брата Николая Николаевича, и, тотчас же собравшись, поехала к нему в Комарово с Ириной Пуниной. Потом она рассказывала, что внезапное желание повидать Льва Николаевича было вызвано в ней предчувствием этой смерти, она осталась навсегда не уверена в точности ее официальной даты» («Звезда». 1995. № 1. С. 78).

Морозова (урожд. Соковнина, ум. 1675) Феодосия Прокофьевна, в иночестве Феодора — боярыня, сторонница протопопа Аввакума, сосланная за активное участие в расколе в Боровский монастырь. *Падчерица Ирода* — красавица Саломея, потребовавшая у Ирода в награду за свою пляску голову Иоанна Крестителя (пророка Иоканаана). *С дымом улетать с костра Дидоны*. — Карфагенская царица Дидона сожгла себя на костре после того, как ее возлюбленный Эней покинул ее по велению оракула. *Чтобы с Жанной на костер опять*. — Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), дева-воительница, героиня французского народного сопротивления английским завоевателям в Столетней войне, была осуждена католической церковью на казнь и сожжена 30 мая 1431 г.

135 *«И северная весть на севере застала...»* Впервые — БО 2. С. 76, с неверным прочтением первой строки («...на севере застыла»). Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 42 об.). Дата в этом автографе.

Возможно, связано с вестью о выдвижении Ахматовой на Нобелевскую премию, о чем ей сообщил сын В.Ф. Пановой, писатель и ученый-китаист Борис Борисович Вахтин. Ахматова подробно описывает сцену ужина на даче Гитовичей в Комарове, где эта новость была ей сообщена. «Выпили за меня, и гость сказал: «Эрик Местертон просил вам передать, что вы выставлены в этом году на Нобелевскую премию». В этом мне интересно одно: отчего Эрик сам не сообщил мне эту новость?» (запись от 16 июля 1962 г. РТ 106, л. 29—29 об., РГАЛИ). Запись на предшествующем листе: «Приходил Швед. Прощаясь, сказал: «Вам скажет сын Пановой!!» (л. 28 об.). *Швед* — литературовед и переводчик Эрик Местертон, ему было посвяще-

но стихотворение Ахматовой «Запад клеветал и сам же верил...». Далее в той же рабочей тетради в числе событий 1962 г. Ахматова записывает: «XIV. (Август. Скандинавия объявила начало борьбы за N<obel Prize>) слушала порт<ативное> радио: «Premio Nobel... XV. О Ноб<елевской> премии в итал<ьянской> газете (сентябрь 1962)» (РТ 106, л. 37).

136 «... полупрервана беседа...» Впервые — «Записные книжки». С. 245. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 43), датируется по местоположению в тетради и по содержанию.

Возможно, набросок связан с предыдущим четверостишием или является его продолжением.

137 «Вот она, плодоносная осень!..» Впервые — газ. «Литература и жизнь». 1962. 26 октября, под загл. «Из цикла «Шиповник цветет», дата — Комарово, 13 сентября 1962; «Бег времени», С. 395, с датой — Комарово 1962, вне цикла. Строка 3: «А пятнадцать блаженнейших весен». Печ. по кн. «Бег времени», с исправлением по автографам строки 3; дата — по первой публикации и автографу Фонтанного Дома.

В РТ 106, л. 60 (РГАЛИ) входит под № II в цикл из двух стихотворений (I. «Как? — тебе еще мало по-русски...»). Разночтения в знаках препинания — строки 1 и 2 оканчиваются запятыми. Варианты и исправления строк:

- 3: А пятнадцать божественных весен
- 5: Я так близко ее [рассмотрела] разглядела,
- 6: К ней приникла, ее обняла

После текста запись: «Завтра уезжаю. 12 сент<яб-
ря> 1962. Конец Комарова».

В авторизованном машинописном тексте (Фонтанный Дом) — строка 3: «А пятнадцать божественных весен». Дата — 13 сентября 1962. Комарово (ночь). Предполагаем, что эпитет «божественных» был заменен по причине общего запрета в советской печати частого употребления образов, связанных с церковью, Богом и «божественным». Замена на эпитет «блаженнейших» не была удачной, так как эпитет как бы предполагал состояние блаженства героини, что противоречило содержанию стихотворения.

А пятнадцать божественных весен... — Пятнадцать лет после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Пятнадцатилетний период травли в 1961—1962 гг. сменился сначала осторожным, а после издания в апреле 1961 г. книги «Стихотворения (1909—1960)» полным признанием: многочисленными интервью, публикациями, «санкционированными» встречами с иностранными писателями и пр. 19 сентября 1962 г. Л.К. Чуковская записала один из «философских» монологов Ахматовой по поводу своей новой славы, — она описывала официально устроенную встречу ее с приехавшим в Россию американским поэтом Робертом Фростом: «Будку, разумеется, показать иностранцам нельзя было; устроили банкет у Алексева (М.П. Алексева, академика, банкет на его «академической даче» в Комарове состоялся 4 сентября 1962 г. — Н.К.). <...>

— Сидели мы в уютных креслах друг против друга, два старика. Я думала: когда его принимали куда-нибудь — меня откуда-нибудь исключали; когда его награждали — меня шельмовали, а результат один: оба мы кандидаты на

Нобелевскую премию. Вот материал для философских размышлений» (Чуковская, 2. С. 509).

138 Защитникам Сталина. Впервые — сб. «О Ранневской». М., 1988, без загл. Под загл. «Защитникам Сталина» — «Я — голос ваш...». С. 282, публикация В.А. Черных, с условной датой — <1962?>. В БО 1. С. 248 — в качестве заключительного стихотворения в цикле «Из заветной тетради», под загл.: «Защитники Сталина», строка 1: «Это те, что кричали...» Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 11). Зачеркнутые варианты ранней редакции — строки:

- 5: [Знатоки и любители пыток]
 Им бы этот же [выпить] вылить напиток
 6: В их [зловонный] клеветущий рот
 7: [Знатокам и] Этим милым любителям пыток.

В РТ 114, л. 252 (РГАЛИ) текст этого стихотворения записан Ахматовой по памяти, по-видимому, в больнице в конце 1965 г. Варианты строк:

- 1: Это те, что кричали: — Варраву
 2: Отпусти нам для праздника, те
 5: Не мешало [6 тот самый] напиток
 Не мешало бы этот напиток
 6: Влить в их мило клеветущий рот

Две последние строки она, очевидно, вспомнить не смогла, записаны только последние слова, стоящие на рифме:

- 7: пыток
 8: вдов и сирот.

Даты и названия нет.

Возможно, поводом к созданию этого стихотворения явилась беседа, записанная Л.К. Чуковской 27 сентября 1962 г.: «В гостях — Юля Живова, работающая в той же редакции, где и Ника, только занимается она не болгарскими, а поляками. Разговор зашел о разоблачении Сталина. Юля сказала: «А ведь находятся люди, которые еще и сейчас защищают его. Говорят: «мы не знаем»... Говорят: «Откуда нам-то знать? Может, это сейчас всё врут на него... Мы-то ведь не знаем». Анна Андреевна страстно: «Зато я знаю... Таких надо убивать». Ника, со смехом: «Анна Андреевна, в Евангелии сказано: не убий!» — «Нет, убий, убий! — закричала Анна Андреевна, покраснев и стукнув ладонью по маленькому столику. — У-бий» (Чуковская, 2. С. 521—522).

28 октября Ахматова познакомилась с А.И. Солженицыным, с которым тоже говорила о «защитниках Сталина». 29 октября Ахматова пересказала этот разговор Л.К. Чуковской: «...ему тоже встречаются люди, говорит он, многие и многие, которые защищают Сталина». «И мне такие встречаются, чуть только сделаю шаг в сторону из нашего узкого круга», — сказала я.

— А вы что? — закричала Анна Андреевна (на этом месте разговора она всегда кричит). — А вы спросили бы их, своих собеседников, что именно им так понравилось? Какая именно часть программы? Что людям разрывали рты до ушей?

... За чаем зашла речь о том же: находятся люди, желающие оправдать прошлое! и о благородной статье Паустовского в «Известиях» (там же, 2. С. 536). К.Г. Паустовский в газете «Известия» 27 октября 1962 г. опубликовал статью в защиту романа Ю. Бондарева «Тишина», в которой в том числе говорил о «защитниках Сталина»:

«Остались еще люди, старающиеся придать тому, что творилось во времена «культа», «невинную окраску» и чуть ли не черты благополучия. Каждая попытка оправдать «культ» — перед лицом погибших, перед лицом самой элементарной человеческой совести — сама по себе чудовищна.

А между тем еще можно услышать, <...> что пора, мол, прекратить «вздорные разговоры», будто культ личности мешал развитию литературы.

Давайте согласимся. Хорошо, не мешал. Если не считать такого «вздора», как беспощадное, без всякой причины уничтожение ни в чем не повинных людей во всех областях жизни, в частности в литературе. Если люди так быстро и недостойно забывают о прошлом, то им следует об этом напомнить. Думаю, что только безразличие к судьбе народа может породить такие безапелляционные заявления».

Эта статья очень понравилась Ахматовой, она ее «сильно хвалила» и сказала, что «эту статью надо вырезать и хранить в папке, и что она пошлет Паустовскому телеграмму: «Прочитала с волнением, радостью и благодарностью» (там же, 2. С. 536). Телеграмма действительно была послана — ее текст записан Ахматовой на оборотной стороне того листа, на котором находится текст стихотворения «Защитникам Сталина»: «Паустовскому. Большим волнением, радостью читала Вашу превосходную статью Известиях. Благодарю Вас. Анна Ахматова».

Это те, кто кричали: «Варраву!..» — Согласно евангельской легенде, в ответ на традиционное предложение Понтия Пилата отпустить одного из приговоренных к казни, толпа потребовала отпустить не Иисуса Христа, а разбойника Варраву. *Что велели Сократу отраву //*

Пить... — Великий древнегреческий философ Сократ (439—399 гг. до н.э.) находился во враждебных отношениях с афинской демократией, был приговорен к смерти и умер, выпив кубок яда.

139 *Еще об этом лете. Отрывок.* Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 307. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 39).

Правка строки 3: «[Но всех люблю я]»; «[Любила я всех]»; «[Но всех любила]». Дата — Осень 1962. Комарово. Уточненные даты — до 13 сентября — на основании записи в РТ 106, л. 60: «Завтра уезжаю. 12 сент<яб-ря> 1962. Конец Комарова». Следовательно, осень в Комарове в 1962 г. — время до 13 сентября.

140 *«А тебе еще мало по-русски...»* Впервые — ВРСХД. 1971. № 101—102. С. 230, публикация Н.А. Струве по неисправному списку. Строка 1: «Ах, тебе еще мало по-русски»; то же — Соч., 3. С. 75; журн. «Вопросы литературы». 1983. № 6. С. 176. Печ. по автографу в рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ). В автографе РТ 110, л. 6, РГАЛИ — без даты, загл. «Из четверостиший», без запятой в первой строке после «А» — «А тебе еще мало по-русски...». В РТ 106, л. 60 (РГАЛИ) — в другой редакции:

Что? — тебе еще мало по-русски?
 Что? — ты хочешь на всех языках
 Знать, как круты подъемы и спуски
 И почему у нас совесть и страх?

В первых двух строках «что» зачеркнуто, заменено:

Как? — тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках

Знак вопроса в строке 4 сохранен.

141 *Через много лет. Последнее слово.* Впервые — журн. «Юность». 1964. № 4. С. 63, под загл. «(Эпилог)», в подборке «Два стихотворения из цикла «Шиповник цветет». Дата — 1962, без эпиграфа. Строка 15: «И ты знаешь, что нас разлученней»; «Бег времени». С. 390—391, без загл., под № 12 в цикле «Шиповник цветет. Из сожженной тетради». Дата — Москва, 1963; в БО 1. С. 275 — под № 14 в том же цикле, загл. «Через много лет. Последнее слово», по автографу РНБ. Дата — 1962. Москва. Строки:

3: Пусть в крови не осталось ни грамма
15: И, ты знаешь, что нас разлученней.

Печ. по кн. «Бег времени». Загл., дата и эпиграф — по автографам РГАЛИ и РНБ. Исправлена опечатка в строке 13: «разлуки».

В РТ 103, л. 39 об. (РГАЛИ) — ранняя редакция стихотворения, с датой — 1962. Москва, рядом со стихотворением «Все в Москве пропитано стихами...», имеющим дату — Москва, февраль 1963. После общего загл.: «Из цикла «Шиповник цветет. В разбитом зеркале» — следует цифра II и итальянский текст эпиграфа. Текст начинается строкой:

Не проси их так [горько] дерзко и прямо,

Далее варианты строк:

3—4: [Я совсем не прекрасная дама
И ты вовсе не тайный жених]

- Пусть в крови не осталось ни грамма
 Не [пронзенного горечью] впитавшего горечи их
 7: И про встречу в небесной отчизне
 10: [Неприметно сквозит холодок]
 13: [Можно быть и нежней, и влюбленной]
 14: [Или сгнуть] Иль убитым тоской наповал
 [Быть убитым, увы, наповал]
 15: Но [ты знаешь] сознайся, [еще] что нас разлученней

Последняя строфа переписана набело на л. 40, с одной поправкой: «[Нет на свете] Не придумать разлуки бездонней». В строке 14 разночтения в пунктуации: «Лучше б сразу тогда ... наповал». В РТ 107, л. 28 об. — первые три строфы этого стихотворения под названием:

В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

(Из сожженной тетради)

Далее итальянский текст эпиграфа из Данте и измененная строка 1:

- [Не проси их так дерзко и прямо]
 Ты стихи мои требуешь прямо
 5: Мы сжигаем остаточной жизни

На л. 28 — зачеркнутый вариант последней строфы:

[Можно быть и нежней, и влюбленной,
 Иль убитым тоской наповал.
 Но ты знаешь, что нас разлученней
 В этом мире никто не бывал.]

Дата — 1962. Москва.

В кн. «Бег времени» название «В разбитом зеркале» имеет другое стихотворение — «Непоправимые слова...», 1956 г.

В собрании Л.Д. Большинцовой-Стенич имеется авторизованная машинопись под загл. «Два стихотворения из цикла «Шиповник цветет». 1. «Другая песенка». 2. «Ты стихи мои требуешь прямо...». Без загл., с эпиграфом. Дата — 1962. Москва. Варианты строк:

2: Проживешь как-нибудь и без них.

8: Нам не шепчут ночные огни.

14: Лучше б сразу тогда... напавал...

15: И ты знаешь, что нас разлученней

Эпиграф — из «Божественной комедии» Данте, — «Чистилище», песнь XXX, ст. 46—48. В.М. Жирмунским при подготовке текста для БП была пропущена третья строка итальянского текста эпиграфа, в черновом автографе написанная на полях справа; перевод, данный Жирмунским: «Меньше чем на драхму осталось у меня крови, которая бы не содрогалась», — излишне буквальный и не включающий третью строку, — повторялся всеми последующими издателями. Более точным является перевод, приближающийся к данному самой Ахматовой в строках 3—4 стихотворения: «Пусть в крови не осталось и грамма, // Не впитавшего горечи их». Оттенок «горечи» отсутствует у Данте. Отсутствует он и в переводе «Божественной комедии», сделанном М.Л. Лозинским: «Всю кровь мою // Пронизывает трепет несказанный. // Следы огня былого узнаю». Последняя строка — «*Conosco i segni dell'antiqua fiamma*» — является у Данте «внутренней цитатой» из «Энеиды» Вергилия, кн. 4, ст. 23 (слова Дидоны). Образ покинутой Энеем и сжигающей себя на костре Дидоны был многократно использован Ахматовой, в том числе в стихотворении «Не пугайся — я еще похожей...», имевшем загл. «Сонет-Эпиграф. Говорит Дидона»

и входившем в тот же цикл «Шиповник цветет. Из сожженной тетради» (1960—1962), и в стихотворении «Последняя роза» (1962).

143 *«Все это было — твердая рука...»* Впервые — БО 2. С. 76, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 15 об.). Датируется по местоположению в тетради.

Строки вписаны среди воспоминаний Ахматовой о старом Петербурге — давно снятых вывесках, фасадах дворцов и храмов и пр. «Я сама глядела то совсем молодая и уже знаменитая, то стареющая и уже забытая, и снова и снова — знаменитая и забытая...»

144 *«Если бы тогда шальная пуля...»* Впервые — БО 2. С. 95, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 38). Датируется по местоположению в тетради.

145 *«Спасали всегда почему-то кого-то...»* Впервые — «Записные книжки». С. 242. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 38 об.). Датируется по местоположению в тетради.

Текст незавершенного наброска записан на одном листе со стихотворением «Последняя роза» (9 августа 1962 г.), на следующем листе — «Еще об этом лете», с датой — Осень 1962 г.

146 *«Путь мой предсказан одною из карт...»* Впервые — «Записные книжки». С. 235. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 29). Датируется по местоположению в тетради.

Уподобление себя «одной из карт», т. е., очевидно, пиковой даме, характерно для Ахматовой. Оно связано с ее размышлениями о «Пиковой Даме» Пушкина, с интерпретациями-фантазиями, в которых у нее Германн влюбляется в старуху графиню, старуха пишет стихи и т.п. См. об этом т. 3. с. 208, 680.

Мария Стюарт (1542—1587) — шотландская королева, католичка, претендовавшая на английский престол. Была заключена в тюрьму, где провела 19 лет, затем казнена. *Гамлетова Гертруда* — королева-мать из трагедии Шекспира «Гамлет, принц Датский». Ахматова считала, что прообразом ее была для Шекспира Мария Стюарт. Однако возможно и другое толкование этой строки: в дошекспировских сагах о датском принце Амлете говорится о двух его женах, — первой — английской принцессе, и второй — шотландской королеве Гертруде, которая была ему неверна и покинула супруга в беде (вариант саги Саксона Грамматика). Можно предположить, что Ахматова, читавшая Шекспира в подлиннике, знала и дошекспировские сюжеты о Гамлете и Гертруде.

147 *«Поэт не человек, он только дух...»* Впервые — «Я — голос ваш». С. 301, публикация В.А. Черных. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 38). Датируется по местоположению в тетради среди записей 1962 г. В той же тетради ранее (л. 18 об.) записаны строки 1—2:

Поэт не человек, а только дух
(Слеп, как Гомер, и, как Бетховен, глух...)

148 *«Твой месяц май, твой праздник — Вознесенье»*. Впервые — БО 2. С. 103, с датой — 1960-е го-

ды, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 37). Датируется по местоположению в тетради.

Вознесение Христово празднуется на сороковой день после Пасхи.

149 («Иеремия» Стравинского). Впервые — БО 2. С. 344, в коммент. М.М. Кралина к <«Наброскам к циклу «Музыка»>, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 35, об.). Датируется условно по местоположению в тетради.

Первые строки носят следы работы над рифмой: *одна — она — темнота*. Первая строка записана поверх строки точек, что свидетельствует о поиске или попытке вспомнить начало. «Иеремия» — «Плач пророка Иеремии», произведение для солистов, смешанного хора и оркестра, написанное в 1957—1958 гг. Игорем Федоровичем Стравинским (1882—1971). Оно было впервые исполнено 23 сентября 1958 г. в Венеции, дирижировал сам Стравинский. Ведущие партии этого трагического произведения отданы шести солистам: это сопрано, альт, два тенора и два баса (один из них профундо). Исполнение произведения продолжается тридцать пять минут; Ахматова могла слышать его либо по «портативному» (западному) радио, либо с пластинки, полученной в 1962 г., возможно, от самого композитора.

Иеремия — один из четырех великих пророков израильских, автор трех книг, вошедших в канон Священного Писания: «Книга пророчеств», «Плач» и «Послание» Иеремии. Иеремия обличал сограждан за грехи и уклонение от истинного Бога, предрекал им бедствия, опустошительную войну и семидесятилетнее пленение, за что иудеи

ненавидели его, подвергали гонениям, покушались убить. Пророчества Иеремии сбылись: Иерусалим был разрушен вавилонским царем Навуходоносором. Иеремия оплакал бедствия израильтян на развалинах Иерусалима, но продолжал и далее обличать их, за что в конце концов был убит. Ахматова высоко ценила сочинения И.Ф. Стравинского, связанные с библейскими темами. Сохранились воспоминания И.А. Бродского о его беседах с Ахматовой о Стравинском, которого она считала гением: «Мы чаще говорили с ней о Стравинском. Это Ахматова поставила мне впервые советскую «пиратскую» пластинку «Симфонии Псалмов». В 1962 г. посетивший Москву Стравинский с женой Верой Артуровной нанес визит Ахматовой, во время которого, возможно, подарил ей записи своих произведений» («Свою меж вас еще оставив тень...» С. 83).

150 *«Там такне бродят души...»* Впервые — «Записные книжки». С. 239. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 35 об.).

151 *«Так скучай обо мне поскучнее...»* Впервые — «Записные книжки». С. 239. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 35 об.).

152 *«Не находка она, а утрата...»* Впервые — «Записные книжки». С. 239. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106, л. 36). Датируется по расположению в тетради.

153 *«Превращая концы в начала...»* Впервые — БО 2. С. 106, публикация М.М. Кралина, с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 58 об.). Датируется условно по местоположению в тетради.

Двустипшие перекликается со строками драмы «Пролог, или Сон во сне»:

Мне ведомы начала и концы
И жизнь после конца...

(См. т. 3. С. 317.)

154 «Так уж глаза опускали...» Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 67, публикация В.М. Жирмунского, с датой — февраль 1965. Москва; то же — БП. С. 312. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102, л. 38 об.), где дата после текста записана после фамилии Ильзен — Москва, фев<раль> 25. Год — 1963 — устанавливается по местоположению автографа в тетради среди записей 1963 г. Вариант строки 7: «[Словно мы были у цели]».

Ильзен — Елена Алексеевна Грин-Ильзен, московская знакомая Ахматовой. Имеет ли отношение запись ее фамилии к тексту стихотворения, не ясно.

155 «Все в Москве пропитано стихами...» Впервые — журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация Н.А. Жирмунской; БП. С. 309—310. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 4 об.), где дата — 1963. Москва. Уточнение даты — по раннему автографу в РТ 103. В РТ 110 исправления строк:

7: [И вы обручитесь] Вы ж соединитесь тайным браком
9: [С той] Что [в ночи] во тьме гранит подземный точит
11: А в ночи [торжественно] над ухом смерть пророчит

Черновой автограф ранней редакции — строки 1—6 в РТ 103, л. 40, с датой — Москва, февраль, 1963. Исправления и варианты строк:

- 1: [Боже] все пропитано стихами
 3: Пусть молчание царит меж нами,
 4: С рифмой пусть мы поселимся врозь.
 5: Пусть безмолвье станет тайным знаком
 6: Тех, кто с нами...

Последняя строка оборвана. Можно предположить, что в феврале 1963 г. стихотворение было задумано в форме фрагмента. В РТ 105, л. 6 (РГАЛИ) — семь строк. Последняя также оборвана, что подтверждает первоначальный замысел фрагмента: строки 5—7:

Пусть молчанье будет тайным знаком,
 По которому мы узнаем
 Тех, кто с нами...

Строка 1 первоначально:

Боже, все затрогано стихами.

156 «Кого просить, куда бежать...» Впервые — «Записные книжки». С. 330. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102, л. 20 об.). Датируется по местоположению в тетради.

157 Предвесенняя элегия. Впервые — «Литературная газета». 1963. 5 октября, вместе с тремя другими стихотворениями («Вместо посвящения», «Тринадцать строчек», «И последнее») под общим загл.: «Из цикла «Полночные стихи», без эпиграфа; альм. «День Поэзии». М. 1964. С. 61 — в составе цикла «Полночные стихи» из семи стихотворений (без стихотворений «В Зазеркалье» и «Вместо послесловия»), дата — 10 марта 1963. Комарово. В кн. «Бег времени». С. 402—403 — тот же текст с полной датой и загл., в составе полного цикла «Полноч-

ные стихи. Семь стихотворений» из девяти произведений («Вместо посвящения», 1. «Предвесенняя элегия», 2. «Первое предупреждение», 3. «В Зазеркалье», 4. «Тринадцать строчек», 5. «Зов», 6. «Ночное посещение», 7. «И последнее», и заключительное — «Вместо послесловия»). Печ. по тексту кн. «Бег времени».

Автограф черновой редакции в РТ 108, л. 31 об. (РГАЛИ) после следующих слов: «10 марта 1963. Комарово. День Данта (приговор). Смерть Замятина (1937) и Булгакова (1940). Арест Левы (1938). Сон во сне: рваная рубаха... и т.д.» Далее следует текст ранней редакции:

Мятель присмирела...
Но пьяная без вина
Нам как сумасшедшая пела
И плакала тишина.

Внесена правка:

Средь сосен мятель присмирела...
Но пьяная и без вина
Там (словно Офелия) пела
[В ту полночь]
Всю ночь нам сама тишина.

Вторая строфа первоначально начиналась строками:

Простившись, так щедро остался,
Так насмерть остался со мной,

Строки 7 и 8 густо зачеркнуты. Прочитывается: «древней казался». Слева на полях обозначено, что вторая строфа должна была стать первой, а первая — второй. Между строфами вписаны две строки, которые стали 5 и 6:

И тот, кто мне только казался,
И с той обручен тишиной,

В РТ 110, л. 16 (РГАЛИ) — под № I в цикле из двух стихотворений (II. «Взоры огненной огня ...»), под общим загл. «Из цикла: Комаровские кроки». Зачеркнуты два других варианта загл.: «Сон во сне: рваная рубаха» и «Из цикла: Сон во сне». Поскольку даты обоих стихотворений — 10 марта и 31 марта 1963 г., можно сделать вывод, что в данном случае название «Сон во сне» еще относилось к циклу стихов, а не к драматическому произведению. В этой редакции вписано название «Предвесенняя элегия», эпиграф по-французски из Жерара де Нерваля и дата — 10 марта (?). Варианты строк:

- 1: Средь сосен метель прismsирела...
- 6: [И с] Был с той обручен тишиной,
- 7: Простившись [так] он щедро остался,
- 8: [Так] Он на смерть остался со мной.

В той же рабочей тетради (л. 47 об.) — в цикле «Мнимый год» — I. «Предвесенняя элегия», II. «(Голос сказал во сне): «Взоры огненной огня...», III. «Тополиная метель» («Какое нам в сущности дело...»), IV. «Зов» («И в предпоследней из сонат...»), V. «Почти в альбом», VI. «В Зазеркалье» («Красотка очень молода...»), VII. «Еще тост». Загл. «Мнимый год» продолжено карандашом: «или Мнимая тишина», затем зачеркнуто и заменено: «Полночные стихи. Далее записано загл. первого стихотворения: «Вместо посвящения» (текста этого стихотворения здесь нет).

В той же тетради, л. 76 об. — запись о намерении: «Прибавить к «Полн<очным> Стих<ам>» («Опять разлука», м<ожет> б<ыть>, четверостишие «Что войны, что чума?», «Пять песенок», из цикла «Шип<овник> цветет»)). Не ясно, идет ли речь о расширении цикла или

о предложении стихотворений в журнал либо газету для публикации.

В той же тетради через год, 10 марта 1964 г. (л. 131), Ахматова сделала запись: «Сегодня день смерти Замятина (1937), Булгакова (1940), ареста Левы (1938) и приговора Данте (). В прошлом году в этот день я написала «Предвесеннюю элегию» (в Комарове — при кедре)».

Эпиграф — несколько измененная Ахматовой строка французского поэта Жерара де Нерваля (1808—1855) из стихотворения «Отверженный» («El Desdichado»). В подлиннике: «Ты, которая меня утешила...» «Предвесенняя элегия» — первое по времени стихотворение, вошедшее в окончательный состав цикла «Полночные стихи» (другие варианты заглавия цикла — «Полуночные стихи», «Полунощные стихи», «Полуночные стихи (Семь стихотворений)», «Семисвешник»).

Вопрос об адресованности цикла «Полночные стихи» чрезвычайно сложен. Возможно, ключом можно считать черновой набросок в РТ 108, который должен был начинаться словами: «Простившись, так щедро остался, // Так насмерть остался со мной», а также прозаическую запись, дважды сопровождавшую стихотворение «Предвесенняя элегия»: о смерти Замятина и Булгакова, приговоре Данте и аресте сына (см. выше). В дальнейшем, при формировании цикла, получает развитие тема «мнимого года», живого героя, который «только казался», образа, который при виде «во сне», о котором «голос сказал во сне». Прототипом этого «мнимого образа» люди, близкие к Ахматовой, считали молодого поэта Анатолия Генриховича *Наймана* (р. 1936), который к этому времени стал литературным секретарем Ахматовой и ее соавтором по переводам. Ахматова была высокого мнения о его поэтической одаренности,

включала его в «волшебный хор» молодых поэтов вслед за Иосифом Бродским, Евгением Рейном и Дмитрием Бобышевым, внимательно относилась к его повышенной экзальтированности и чопорной торжественности. Одной из тем трагических выяснений отношений между ними стала тема возможной скорой смерти Ахматовой, которую не перенесет ее молодой ученик. Одна из записей в РТ 110, л. 99: «В эти дни тяжелые психол<огические> объясн<е-ния>» — и текст письма необозначенному лицу: «Вы не от меня уехали, не ко мне приехали. Привет, кот<орый> я слышала по телефону, повторяет телеграмму Вашему свекру (...соскучился), в общем все в полном порядке. Живите мирно [с теми] среди тех, кого Вы выбрали в спутники Вашей жизни и твердо помните, что весь 1963 <год> Вам приснился». Далее густо зачеркнуты шесть с половиной строк. Угадывается текст: «...и твердо помните, что [меньше всего я хочу казаться истеричной или чем-то взволнованной дамой. Нервная система у меня железная, как у Суоми, да притом особенно нервничать как будто не придется. О делах будем говорить как прежде.] Все это я должна была сказать Вам уже очень давно. А.»

В той же рабочей тетради в 1963-м — начале 1964 г. записаны несколько стихотворений Анатолия Наймана. Несовершенные по форме, они тем не менее передают взволнованность поэта и его увлеченность некой не названной героиней, в которой могут быть отдаленно угаданы черты Ахматовой:

Л. 117:

I

Не надо и нашептывать: проверь —
Последнему рот открывая крику,
Пустячнейшая из твоих потерь

Сойдет за победившую улику.
 Хотя бы след на гладкой мостовой
 Туфли твоей; хотя бы вздрог предплечья
 Под пальцами; хотя бы голос твой,
 Затерянный в толпе Замоскворечья.

1963

А. Найман

Л. 118:

II

Зима бесчувственная правит,
 И даже робкого пятна
 Твое дыханье не оставит
 На белой наледи окна.

Но все, что там неразлично,
 С улыбкою благослови
 За то, что ты недостижима
 Для нынешней моей любви.

И пусть тебя лишь чуть забавит,
 Как от рассвета дотемна
 Зима свой страшный вензель травит
 На белой наледи окна.

12.2.64.

А. Найман

Л. 125:

III

Который раз передаем
 Друг другу мы дурные вести
 О тех, оставленных вдвоем
 В забытом небесами месте.
 Откуда это знание к нам
 Приходит — мы не знаем сами,
 Но все, что ни случится там,
 Нас обжигает, будто пламя

Свечи неколебимой их...
 А может быть одна из лучших
 Их смирных просьб — за нас двоих,
 За нас с тобой, сейчас живущих.

1963. Москва

К 1963 г. относятся несколько стихотворений Ахматовой, посвященных Найману, и несколько писем ему же:

М<ожет> б<ыть> вместо письма.

Нам дано знать друг о друге много, вероятно, даже больше, чем нужно. И мы оба боимся этого знания. Мы прячем его и от себя, и друг от друга. Мы прячем его под грузными слоями чего-то совсем другого и часто нехорошего, мы готовы на все — только бы не *то*. Я на Ваше тщеславие — Вы на мои разговоры о смерти.

Только бы не *то*! Оттого все так ужасно. Это все, что я могу сказать. Я уверена, что Вы поймете каждое мое слово. А.

14 авг<уста> 1963. Будка.

31 марта 1964 года
 Москва

Вы сегодня так неожиданно и тяжело огорчились, — что я совсем смущена. Я часто и давно говорила Вам об этом, и Вы всегда совершенно спокойно относились к моим словам.

Очень прошу Вас верить, что и сегодня они не содержали в себе ничего кроме желания Вам добра. Теперь я окончательно убедилась, что все разговоры на эту тему губительны, и обещаю никогда не заводить их.

Мы просто будем жить как Лир и Корделия в клетке, — переводить Леопарди и Тагора и верить друг другу. Анна

Великий Четверг

Толя,
 и все это вздор, главное, чтобы Вы были совсем здоровым и ясным.

Сердце умирят правильным дыханием, а черные мысли верой в друзей. Разлук, разлучений, отсутствий вообще не существует, —

я убедилась в этом недавно и имела случай еще проверить эту истину на днях. Щедро делюсь с Вами этим моим опытом. <...>

Не скучайте!

А.

19 янв<аря> (1966) (Крещение)
Вечер

Вероятно, Вас поразит то, что я Вам сейчас скажу. Дело вот в чем: не знаю, изменила ли меня моя страшная болезнь, но что Вы скажете, если я Вам открою, что она изумительно изменила Вас. 8-го января я видела Вас в сиянии такого счастья, как будто никогда не было «Сент-ябрьской» поэмы» и цикла «Уничтожение». А в следующие (10) дни Вы так повзрослели, в Вас появилась какая-то большая забота (что ли), и взгляд другой, и улыбка, кот<орую> я так помню. Такое впечатление, что Вы пережили что-то очень большое и м<ожет> б<ыть> страшное. Я, конечно, не спрашиваю, так ли это, да Вы, наверное, и не знаете сами (БО 2. С. 240—249).

Образы Лира и Корделии, Германна и старой графини и пр. волнуют Ахматову. За ними, по-видимому, стоит ее отношение к А.Г. Найману («Корделия», «Германн», юный прислужник из оды Горация, пастушок Лель и пр.).

Одновременно с циклом «Полночные стихи» Ахматова работает над драмой «Пролог, или Сон во сне», где варьируются темы разминовения во времени, «преступного брака», предчувствия появления и самого появления «Гостя из будущего». Тогда же в тетради записываются наброски прозы о Модильяни, — известно, что Анатолий Найман внешне напоминал Ахматовой Модильяни времени ее юности. Вместе с тем линия «мнимого героя» по мере формирования цикла отступает на задний план. В цикл не попадают стихотворения, прямо адресованные Найману, — «Взоры огненной огня...» и «Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...». На первый план выдвигается обра-

щенность в прошлое, память о дорогих прежде людях. «Пунинский след» в цикле «Полночные стихи» проследживает Л.А. Зыков в работе «Николай Пунин — адресат и герой лирики Анны Ахматовой»; он сопоставляет образ мартовской снежной тишины в стихотворении «Предвесенняя элегия» со словами письма Н.Н. Пунина к Ахматовой от 4 марта 1923 г.: «Идет весна, сегодня такие мартовские сумерки — как при наступлении зимы, казалось, что это ты входишь, наполняя мир белым и тихим снежным покоем, зимней тишиной» («Звезда». 1995. № 1. С. 81). Л.А. Зыков задает вопрос: «О чем пела Тишина-Офелия всю ночь?» Вот песня Офелии в переводе Б. Пастернака:

Помер, леди, помер он,
Помер, только слег.
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.

.....

Неужто он не придет?
Нет, помер он
И погребен,
И за тобой черед.

(«Гамлет», акт IV, сцена 5.)

Образ Тишины-Офелии, поющей эту песню, Л.А. Зыков связывает с событиями в семье Пуниных: «5 марта, за пять дней до создания «Предвесенней элегии», умер Лев Николаевич — последний оставшийся к тому времени в живых из братьев Пуниных, с которым Ахматова встречалась во все послевоенные годы; особенно частыми эти встречи были в конце 50-х — начале 60-х гг., когда и Ахматова, и семья Л.Н. Пунина, снимавшая дачу в Комарове, жили там одновременно. Ахматова, конечно, знала о смерти Л.Н. Пунина, и это событие, очевидно, послужи-

ло толчком к рождению «Предвесенней элегии» с ее траурной окраской» (С. 82). По мнению Зыкова, смерть Л.Н. Пунина разбудила воспоминания о Н.Н. Пунине и времени их великой любви: «Тишина — это сама Ахматова, несколько раз Пунин варьирует это сравнение: «Зову тебя тишина», «Тыходишь... наполнив мир тишиной», «чаще всего уподобляешься тишине». Ахматова в «Предвесенней элегии», акцентируя указательным местоимением слово «тишина»: «Был с той обручен тишиной...» — и как бы отличая ее этим от тишины в ее предметном, обыденном значении, не оставляет сомнений, что помнит и имеет в виду эту спрятанную метафору. В ней скрыт один из неявных смыслов заключительных стихов «Предвесенней элегии»: обрученность с тишиной здесь означает обрученность с самой Ахматовой, и сама Ахматова-Тишина пела, «словно Офелия», этой весенней комаровской ночью» (там же).

Достоинством размышлений Л.А. Зыкова о «Предвесенней элегии» является то, что автор не настаивает на своей версии, признавая, что, рисуя комаровский пейзаж и превращая его в символ иной, минувшей реальности, Ахматова ни словом, ни намеком «не открывает читателю содержание символа, не направляет его туда, куда устремлена ее память; каждому оставлена свобода самому наполнять комаровский воздух своими собственными мыслями и чувствами» (там же).

С известием о возможном приезде в марте — апреле 1963 г. в Россию И. Берлина связывала «Предвесеннюю элегию» Л.К. Чуковская: «Она хочет через меня разведать, не приехал ли тот, кто собирался приехать в апреле» (Чуковская, З. С. 37). «Приехала с надеждой на очередную «невстречу». (Намек в одной фразе.)» — за-

пись 18 мая 1963 г. (т а м ж е. С. 38) и в тот же день: «Прочитала «Предвесеннюю элегию», дивную, северную, метельную, одинокую. Весну в разлуке. Весна призрак: тот, с кем я разлучена, он тут, со мною, он в воздухе, он в тишине, он в метели.

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

Странно, что слова эти написаны только теперь, ведь столько о разлуке сказано, написано на всех языках, сыграно на всех музыкальных инструментах, а впервые создана эта формула:

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной, —

только теперь.

Ведь это чувство постоянного присутствия того, кто отсутствует, — это и есть самое мучительное — и самое счастливое в разлуке» (т а м ж е. С. 39).

Связующей нитью цикла, таким образом, является не конкретный адресат или событие в настоящей жизни или в памяти поэта, а то, что размышления, воспоминания, диалоги являются в полночи, что это особые, ночные воспоминания, — «Полуночные стихи», «сны во сне», и сны эти посвящены разным людям и разным событиям.

158 «Взоры огненной огня...» Впервые — «Бег времени». С. 363, в цикле «Вереница четверостиший», с датой — 1963.

Несколько раз записано в РТ 110 (лл. 4 об., 16, 47 об.). На л. 16 — под № II в «Из цикла «Комаровские кроки»» (I. «Предвесенняя элегия»). Дата — 31 марта

1963. Комарово. На л. 47 об. — под № II в цикле «Мнимый год» (первоначальное загл.; затем вычеркнуто и вписаны новые варианты загл.: «Мнимый год, или Мнимая тишина», «Полночные стихи»). В составе цикла — семь стихотворений: I. Предвесенняя элегия. 10 марта 1963; II. (Голос сказал во сне) «Взоры огненной огня...». 31 марта 1963; III. Тополиная метель. Первое предупреждение («Какое нам, в сущности, дело...»). 6 июня 1963; IV. «И наконец ты слово произнес...»; V. Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»). 1960? Москва; VI. В Зазеркалье («Красотка очень молода...»). 5 июля 1963; VII. Еще тост («За кротость твою и за верность мою...»). 6 июля 1963. Печ. по кн. «Бег времени», дата — по автографу РГАЛИ (РТ 110). Ранняя редакция в РТ 102., л. 31 об. (РГАЛИ). Строки:

1: Взоры [полные] огненной огня

2: И [улыбка] усмешка Леся.

Выше на той же странице запись: «Дремала, слышала во сне: «Не обманывай меня, Первое апреля!» Голос знакомый, кажется, мой. Не только голос знакомый, но и путь знакомый — и цель уже почти видна — это доброе старое разбитое корыто». Текст четверостишия записан внизу страницы в качестве ссылки к слову «апреля». На л. 31 запись от 1 апреля 1963 г. под загл. «Ты»: «Это — «ты» так складно делится на три, как девять или девяносто. Его правая рука светится одним цветом, левая — другим, само оно излучает темное сияние. А не выйдет из этого ничего, как, впрочем, из всех миражей. Тем более, что сегодня самый обманчивый день в году. А солнце — настоящее солнце 963 г., растопляющее тридцатиградусный мороз и устраивающее себе театральные закаты. Под занавес было огорчение, даже

два. Пока считаю их перстнем Поликрата. Скоро узнаю, перстень ли это и Поликрата ли? На то и послан мне апрель».

Перстень Поликрата — по легенде, восходящей к Геродоту и знаменитой балладе Шиллера, переведенной В.А. Жуковским, жертва богам, принесенная правителем острова Самос Поликратом и не принятая ими, после чего Поликрат был казнен.

По мнению людей из ближайшего окружения Ахматовой, четверостишие адресовано А.Г. Найману. *Лель* — по Далю, название старинного русского божка, сравниваемого с Купидоном и Амуром. В пьесе-сказке А.Н. Островского и опере Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка» *Лель* — прекрасный юноша-пастух, обласканный девушками.

159 *Через 23 года.* Впервые — Eng-Liedmeier, Verheul. P. 58, с неточностями, указанными М.Б. Мейлахом в рецензии — журн. «Russian Literature». 1974. № 7—9. С. 210. БП. С. 307—308, публикация В.М. Жирмунского, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 51 об.), где под № II входило в цикл «К Поэме» (1. «Надпись на Поэме»). Дата в этом автографе — 13 мая 1963. Комарово. Уточнение даты — по автографу на л. 30 об. той же тетради. В этом раннем автографе — загл.: «Почти отрывок. (Через двадцать три года)». Варианты и исправления строк:

2: Мой окончен волшебнейший вечер...

4: И [навек позабытые] речи

9: [Слышу голос из темноты]

11: Вслух зовешь меня просто — Анна!..

12: Говоришь [почему-то] — Ты...

Стихотворение имело два эпитафия. Первый, потом зачеркнутый: «*Mon front est encore rouge du baiser de la reine. Gerard de Nerval*» («Мой лоб еще горел от поцелуя королевы. Жерар де Нерваль» — ф.р.). Вместо этого зачеркнутого эпитафия вписан другой — тоже из Жерара де Нерваля: «*...et mon luth constellé // Porte le soleil noir de la Mélancolie*» («...и моя осыпанная звездами лютня освещена черным солнцем меланхолии» — ф.р.). Дата в этом автографе — 13 мая 1963. Комарово. Днем. (Холодно, серо, мелкий дождь.)

Вопрос об адресате стихотворения сложен. Л.К. Чуковская, которой Ахматова показала черновой автограф стихотворения 18 мая 1963 г., предполагала, что «отрывок обращен к Н. Гумилеву («Заветные свечи» — это те, что в «Поэме» именуются «венчальными»)» (Чуковская, 3. С. 40.).

Можно связать это стихотворение с воспоминаниями об Артуре Сергеевиче Лурье, день рождения которого — 12 мая 1891 г. Рабочие тетради Ахматовой свидетельствуют о том, что в мае обычно она что-то записывала об Артуре Лурье, вспоминала его. Она знала о музыке Лурье к «Поэме без героя» и о том, что она была напечатана; выписывала из статей зарубежных авторов оценки музыки Лурье, радовалась тому, что Артур «гремит» в Америке. 25 марта 1963 г. Артур Лурье отправил письмо Ахматовой; он не получил ответа и в августе написал в Москву, чтобы узнать, дошло ли его письмо. О содержании письма, написанного после сорокалетнего перерыва, Лурье рассказывал С.Н. Андрониковой 22 октября 1963 г.: «Мне было трудно писать ей после сорока лет молчания. Как писать, что можно и чего нельзя говорить в условиях, в которых она там живет? Для меня это была невероятная трудность.

Я написал ей так, как если бы не было этих сорока лет молчания» (БО 1. С. 427). Возможно, именно об этом неожиданном письме речь идет в строках: «Голос твой из недр темноты <...> Говоришь мне как прежде — «Ты».

Л.А. Зыков связывает стихотворение с образом Н.Н. Пунина и сопоставляет его строки и образы со словами писем Пунина к Ахматовой 1920-х годов: «...Зову тебя, зову по имени, и мне становится все тише и спокойнее...» (23 декабря 1923 г.); «Ан, зову тебя», «Ан, еще раз — зову тебя», «Милый мой — я так зову тебя в этот теплый вечер, но ты всё равно не слышишь и, хотя над нами те же звезды, и луна будет через час та же — никто тебе не передаст моего зова, хотя бы только для того, чтобы ты с гордостью сказала: «Нет — только с милым мне...» (19 сентября 1929 г.) — «Звезда». 1995. № 1. С. 98.

Л.А. Зыков полагает, что «указание на смерть в северном лагере, несколько раз сопутствующее образу Пунина у Ахматовой, есть и в приведенном выше стихотворении: «За дождем, за ветром, за снегом // Тень твоя над бессмертным берегом» — за майским комаровским дождем Ахматова видит снег и ветер Заполярья. Но Ахматова дает еще один штрих, который уже не оставляет сомнений в том, кто ее зовет. Это строки: «Вслух зовешь меня снова... «Анна!» // Говоришь мне, как прежде — Ты». Пунин, разойдясь с Ахматовой, стал говорить ей «вы», в то время как и Гумилев, и Шилейко продолжали быть на «ты», Гаршин говорил всегда «вы» (т а м ж е. С. 98).

Я гашу те заветные свечи... — Переключка первых строк «Поэмы без героя» (ч. I, гл. I), начатой в 1940 г.: «Я зажгла заветные свечи...», и начала стихотворения: «Я гашу те заветные свечи...» — указывает, что отрывок пишется через *двадцать три года*, в знак окончания, как

казалось в мае 1963 г. Ахматовой, работы над «Поэмой без героя».

...мне снишься ты!.. // Дopleсавший свое пред Ковчегом... — Образ царя Давида, перенесшего святыню иудеев — Ковчег Завета — в свою столицу Иерусалим и ликующего по этому поводу — «скачущего и пляшущего пред Господом» (2-я Книга Царств, 6, 14—16), в поэзии Ахматовой является «знаком» обращения к Артуру Сергеевичу Лурье. В «Поэме без героя» также говорится об их совместной работе над балетом «Снежная маска» по Блоку («Я пишу для Артура либретто»).

160 Первое предупреждение. Впервые — журн. «Звезда». 1964. № 3. С. 47, с датой — 6 июля 1963. Москва, — в подборке из двух стихотворений под общим загл. «Два стихотворения из цикла «Полнощные стихи» (2. «Ночное посещение»); «День поэзии». М. 1964. С. 61. Строка 6: «И меньше всего благодать...», с датой — 6 июня, Москва; «Бег времени». С. 403, под № 2 в цикле «Полночные стихи», дата — Москва. 6 июня. 1963. Печ. по кн. «Бег времени».

Автографы в РТ 110, лл. 36 и 48. На л. 36 — чистовой автограф с правкой в последней строке, без загл., дата — 6 июня 1963. Ордынка (Тополиная метель). Варианты строк:

- 5: Хоть я и не сон, не отрада,
- 6: Не милость, не благодать
- 10: И глаз, что таит в глубине
- 12: В [тревожной] своей голубой тишине.

В той же тетради, л. 48 — под № III в цикле «Мнимый год» («Полночные стихи»), загл. «Тополиная метель»,

над ним карандашом вписано: «Первое предупреждение». Дата — 6 июня Москва. Варианты и правка строк:

- 5: Пусть я и не сон, не отрада,
 6: [Не милость] Пусть пагуба, не благодать
 10: И глаз, [что таит в глубине] что скрывает на дне
 12: В [своей голубой] тревожной своей [глубине] тишине.

И меньше всего благодать. — Имя Анна по-еврейски означает «благодать».

161 «Запад клеветал и сам же верил...» Впервые — в кн. Eng-Liedmeier, Verheul. P. 58, под загл. «Север», с разночтениями; другой вариант текста — в рецензии М.Б. Мейлаха — журн. «Russian Literature». 1974. № 7—8. С. 210; сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974. С. 28. Дата — 1964, без загл., публикация Л.К. Чуковской. Варианты строк:

- 4: Усмехаясь из-за бойких строк.
 7: Так мой старый друг, мой верный Север
 9: В душевной изнывала я истоме.

Тот же вариант текста — в БО 1. С. 246. № 11 в цикле «Из заветной тетради». В публикации С. Дедюлина по списку М.Б. Мейлаха («Rysk Kulturgevy». Bromma. 1979. № 4. S. 8—9 — название: «Финский сонет», дата — июль 1963; то же — журн. «Даугава». 1987. № 8. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 240). Дата — по автографам в РТ 110 и 111. В РТ 111, лл. 13 и 14 — начало работы над стихотворением.

Л. 13:

Обижал меня сегодня запад,
 И восток родной был тут как тут,
 Но весь вечер надо мною плакал
 Милый север, давший мне приют.

Дальше на странице — пропуск, после которого следует концовка:

И сама железная Суоми
Мне сказала: «Ничего — живи».

Дата — 30 июня 1963. Комарово.

Л. 14. Загл. «Из цикла «Domestics pieces» (Домашние пьесы — и т.). Варианты строк:

- 3: Юг почти невинно лицемерил
- 4: И мне [так же] очень скупко воздух мерил
- 5: [Что скупее мерить и не мог]
[Из-за] пармских полунощных строк
Усмехаясь из-за бойких строк
- 6: [Ветерочек] пел в жемчужный рог
Влажный ветер
- 7: Так мой [милый] друг, мой [милый] Север
[старый] старый
верный
- 9: В черной [задыхалась] изнывала я истоме,
- 10: [В униженьи, в горечи], в крови
Задыхалась в смраде
- 11: [«Не могу я больше в этом доме...»]
Я взмолилась: «Больше в этом доме
[Но тогда] Вот когда [железная] Суоми
Не могу я». Вот когда Суоми
- 12: Мне сказала: «Ничего — живи».

Дата — 30 июня 1963. Комарово.

В РТ 110, л. 49—49 об. — автограф с посвящением Э.М. — Эрику Рикардовичу Местертону, шведскому литературоведу и переводчику, посетившему Ахматову в июне 1963 г. Дата — 30 июня 1963. Комарово. Разночтения в знаках препинания. Вариант строки:

- 9: В черной изнывала я истоме,

В последних четырех строках — значительная правка. Ранняя редакция:

И взмолилась: «Больше в этом доме
Не могу». Так вот когда Суоми
Мне сказала: «Ничего — живи...»

Второй слой правки:

[«Не могу я] Не могла я больше в этом доме.
Но тогда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь кроме
Радости — а ничего — живи...»

В РТ 114, л. 240 — чистовой автограф без загл. и даты с единственным исправлением в строке 7: «Так мой [старый] верный друг, мой старый Север».

Вот когда железная Суоми. — В 1955 г. Ахматова получила от Литфонда дачу в поселке Комарово, где жила подолгу летом; там же периодически она отдыхала в Доме творчества писателей. Раньше эта территория принадлежала Финляндии (Суоми).

162 «... и умирать в сознаньи горделивом...» Впервые — БО 2. С. 78, с датой — 1963. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 39). Уточнение даты — на основании дневниковой записи на том же листе, относящейся к первым дням приезда Ахматовой из Москвы в Ленинград и в Комарово во время июньских белых ночей 1963 г.: «Приезд. Город, как омытый — весь сияет. Ехали мимо Фонтанного Дома. Зелень мощная, шумная. Летний Сад — сама тайна (даже от меня).

Иосиф — библейское.

Ивановский с розами.

(16 июня?)

Т<оля> — у меня.

В Комарове. Кукушка уже замолчала.

В Комарове (четверг). Ехали по белой ночи. Уже обжитая дача, мнимая тишина. Вчера был В.М.Ж<ирмунский>. Говорили об акмеизме. <...> Вечером была Галя К<орнилова>. Мила как всегда — я ее очень люблю. Сегодня пустой светлый день.

...и умирать в сознании горделивом...»

Далее следует текст настоящего четверостишия.

163 *«Но мы от этой нежности умрем...»* Впервые — «Записные книжки». С. 370. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110, л. 36 об.). Вариант строки 4:

Как... призрак лихолетья

Незавершенный набросок, связанный, по-видимому, со стихами лета 1963 г. Датируется по местоположению в тетради среди записей июня — июля 1963 г. Ряд образов перекликается со стихотворением «Красотка очень молода...»: «Вдвоем нам не бывать — та третья // Нас не оставит никогда», «Мы — в адском круге...». Стихотворение «Красотка очень молода...» в одном из вариантов имело название: «Нечто музыкальное».

И мы летим, и снова всюду мрак... — Образ летящих героев, по-видимому, восходит к описанию полета душ грешников, «кого земная плоть звала, // кто предал разум власти вожделений», в том числе душ Паоло и Франчески, в пятой главе «Ада» Данте:

Я начал так: «Я бы хотел ответа

От этих двух, которых вместе вьет

И так легко уносит буря эта».

И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет

Поближе к нам; и пусть любовью молит
 Их оклик твой; они прервут полет».
 Увидев, что их ветер к нам неволит,
 «О души скорби, — я воззвал. — Сюда!
 И отзовитесь, если Тот позволит!»
 Как голуби на сладкий зов гнезда,
 Поддержанные волею несущей,
 Раскинув крылья, мчатся без труда,
 Так и они, паря во мгле гнетущей,
 Покинули Дидоны скорбный рой
 На возглас мой, приветливо зовущий.

(Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 36. Пер. М.А. Лозинского.)

И кажется я говорю: — Паоло. — Паоло Малатеста и Франческа да Полента — жена Джанчотто Малатеста, брата Паоло (конец XIII в.), вступившие в греховную любовную связь и убитые Джанчотто, стали героями «Божественной комедии» Данте («Ад», глава 5). Возможно, в стихотворении отразились впечатления и от слушания музыки, в частности, симфонической поэмы П.И. Чайковского «Франческа да Римини» по Данте (1876).

164 Зов. Впервые — альм. «День поэзии». М. 1964. С. 61, в цикле «Полночные стихи»; загл. — «Зов», эпиграф: «Ариозо доленте», подстрочное примечание к нему: «Название предпоследней сонаты Бетховена»; вариант строки 8: «В той, нам знакомой, тишине». Строка 7 — отсутствует. Дата — 1 июля 1963. В кн. «Бег времени». С. 405, под № 5 в цикле «Полночные стихи. Семь стихотворений». Без эпиграфа, строки 1—2:

В которую-то из сонат
 Тебя я спрячу осторожно.

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 48), где записано под № IV в цикле «Мнимый год» (более позднее название «Полночные стихи»); загл. «Зов» зачеркнуто, вписано: «Зов. (Arioso dolente)». Первые две строки первоначально: «В которую-то из сонат // Тебя я спрячу осторожно» — переделаны на «И в предпоследней из сонат // Тебя я скрыла осторожно». По-видимому, эту правку следует признать последней авторской волей. Вариант строки 8: «В почти звучащей тишине». Дата — 1 июля 1963. Комарово. Возможно, переделка была осуществлена в начале 1964 г. — в той же рабочей тетради к февралю 1964 г. относятся записи: л. 123: «Спросить В<иленки>на о 31 сонате Бетховена», л. 122: «у Габричевских переделала стих<отворение> «Зов» (Arioso dolente, op. 110, Бетховен) — 31 соната. Предпоследняя».

В РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, е.х. 48 — фотокопия машинописи с правкой Ахматовой. На машинке было:

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно...

Исправлено рукой Ахматовой:

VI
Зов
(Arioso dolente, op. 110)

Строки:

1—3: И в предпоследней из сонат
Тебя я скрыла осторожно...
О! — как ты позовешь тревожно
7—8: Твоя мечта — исчезновенье
В той, нам знакомой тишине.

Дата — 1 июля.

В РТ 111, л. 15 — ранняя запись текста стихотворения на одном листе с дневниковой записью: «Сегодня, 1 июля мы (6 человек) одновременно видели Великое Небесное Знамение. Мы разложили костер, из которого вырвался густой белоснежный дым. Дым этот полетел навстречу еще не заходящему солнцу, и все увидели многоцветное сияние вокруг солнца. Лучи были тончайшие и всех цветов. Я спросила Марину Басманову: «Вы видели такое?» — «Да», — ответила Марина. «Где?» — «В церкви». А.» Загл.: «Слушая Бетховена» зачеркнуто, первая строфа:

- 1: В которую-то из сонат
- 2: Тебя я спрячу осторожно
- 3: [И будут сны твои тревожны]
[О как ты будешь звать тревожно]
Откуда позовешь тревожно
- 4: [И снова будешь] виноват

Дата — 1963. 1 июля. Комарово; правее даты — графический рисунок солнца, окруженного тонкими расходящимися лучами. В той же тетради на л. 39—39 об. — неполный текст стихотворения в его первоначальной редакции — «В которую-то из сонат...» — вписан под № V в цикл, по-видимому, только формирующийся и пока еще не имеющий названия. В РТ 102, л. 23 об. — под загл. «Под бой часов (Arioso dolente). Бетх<овен> 110». Вариант строки 4: «Под бой часов. Ты виноват». Без даты. В той же тетради на л. 32 об. — загл. «Зов» зачеркнуто, после загл. в скобках — (31-я соната Arioso dolente Bet. op. 110); далее строки 1—4: «И в предпоследней из сонат...»

Адресация цикла «Полночные стихи» сознательно затемнена автором. В рабочей тетради 110, л. 140—140 об. Ахматова записывает отзывы слушателей и читателей о самых важных для нее произведениях — «Поэме без героя»,

поэме «Реквием» и цикле «Полночные стихи»; о последнем: «Зато по поводу «Полночных стихов» Берковский в Комарово и Анатолий Найман — всюду говорили очень мудро и таинственно. Это *Carmen* о любви, но любовь ни разу не названа, и соединено с ужасом запретности, о преодолении которого было бы просто нелепо мечтать. Все диктует смычок из «Адажио» Вивальди, в «Зове» бьют часы из другого века... Оттого, что не названы ни любовь, ни все ее привычные атрибуты, неожиданно все становится гораздо обнаженнее (Вл. Муравьев). Пример того, как в лирике слова призваны скрывать, а не открывать. Действительно, автор утверждает, что много больше боится проговориться (выдать себя) в драматической ремарке, в полуделовой прозе и вообще где угодно, но не в лирике. Там, по мнению автора, еще никто себя не выдал». *Carmen* — (л а т.) — песня, стихотворение, пророчество, заклинание, лирическая формула.

Возможно, поводом к созданию стихотворения послужил цикл стихотворений Анатолия Наймана «Исчезновение» (см. строку 7: «Твоя мечта — исчезновенье...»). *Arioso dolente* — нежное ариозо (и т.) — название и тема одной из частей 31-й сонаты Бетховена (опус 110).

Цикл А. Наймана «Исчезновение», который Ахматова иногда называла «Уничтожение», упоминается также в дневниковой записи — письме Найману от 19 января 1966 г.

165 В Зазеркалье. Впервые — кн. «Бег времени». С. 404, под № 3 в цикле «Полночные стихи. Семь стихотворений». Печ. по кн. «Бег времени».

В РТ 110, л. 49 — (РГАЛИ) под № VI в цикле «Мнимый год» — «Полночные стихи». Загл. и эпиграф

вписаны позже, варианты пунктуации: точка в конце строки 2, в строках 5, 6, 11 — тире:

- 5: Ты — подвигаешь кресло ей,
 6: Я — щедро с ней делюсь цветами,
 11: Ужасное. Мы — в адском круге.
 12: Иль это вовсе и не мы?

Дата — 5 июля 1963. Комарово.

В РТ 111, л. 16 об. (РГАЛИ) — автограф ранней редакции с правкой. Загл. — «Нечто музыкальное». Варианты строк:

- 1: [Та гостя] очень молода
 Красотка
 3: [Мы больше не одни] [и эта] третья
 Вдвоем нам не бывать, та

Вместо 9—12:

А помнишь, были мы людьми
 Еще вчера, еще недавно...
 Подумать только, как бесславно
 Во что-то превратились мы.

Дата — 4—5 июля 1963. Комарово.

В этой же тетради на л. 38 об. под № III записаны первая строка стихотворения: «Красотка очень молода» и последняя строфа в ее окончательной редакции. В РТ 115, л. 17 стихотворение записано, по-видимому, по памяти: описка в строке 1: «Красотка очень хороша» (исправлено: «молода»). В строке 4: «Нас не оставит никогда» — исправлено: «не покинет». Дата — 1963.

...та, третья... — Впервые образ «третьей», не представляющей героев вдвоем, возникает в отрывке:

Но мы от этой нежности умрем

Эпиграф из оды 26 кн. 3 Горация — обращение к богине любви Венере. Первоначально стихотворение существовало без эпиграфа, однако ряд первых слушателей цикла «Полночные стихи», в частности Л.К. Чуковская, не поняли его. В РТ 110, л. 73—73 об. (22 октября 1963 г.) Ахматова записывает: «Добилась, почему Лида не понимала «Семь стихотворений», т.е. не считала их циклом. Она решила, что «Красотка» — кто-то, и не знала, что такое «Адажио» Вивальди. <...> решила дать латинский эпиграф (м<ожет> б<ыть>, из Горация), кот<орый> разъяснит, кто такая «Красотка» (III-е)». Из этого уточнения можно сделать вывод, что «Красотка» — Любовь, или Богиня любви.

В Зазеркалье. — Образы зеркальных отражений широко распространены в русской поэзии Серебряного века. Для понимания зашифрованного смысла стихотворения может быть существенно знакомство с дневниковой записью от 14 августа 1963 г. в рабочей тетради Ахматовой (РТ 111, л. 48 об.) под загл. «М<ожет> б<ыть> вместо письма» — и обращенной, по-видимому, к А.Г. Найману: «Нам дано знать друг о друге много, вероятно, даже больше, чем нужно...» (см. коммент. к стихотворению «Предвесенняя элегия»). По мнению Л.К. Чуковской, слово «Зазеркалье» вошло в поэзию Ахматовой после чтения ею по-английски повести Льюиса Кэрролла (1832—1898) «Alice through the looking glass» (пер. на русск. яз. в 1924 г. под загл. «Алиса в Зазеркалье»). Эту английскую книгу дал в дорогу Л.К. Чуковской при эвакуации из Москвы К.И. Чуковский, чтобы она читала ее детям. Ахматова перечитывала английский текст в поезде в ноябре 1941 г. «—Вы не думаете, — спросила меня Анна Андреевна, — что и мы сейчас в Зазеркалье?» (Чуковская, 1. С. 239).

- Вместо даты — знак вопроса. Другая редакция из восьми строк («За кротость твою...») впервые — БО 1. С. 293, без даты, по автографу РГАЛИ. В РТ 110,

л. 49 об. — под № VII, загл. цикла «Мнимый год» в наиболее полной черновой авторской редакции из 14 строк (семь двустушии). После загл. в автографе обозначено посвящение — шесть точек со знаком вопроса. Варианты и исправления строк:

- 1: За кротость твою и за верность мою,
- 2: За то, что мы в страшном с тобою краю,
- 3: [Что мы] [Пусть мы] Пускай заколдованы, прокляты мы
- 6: Воздушной цепочек, [и... крепче оков]
[синее снегов]
длиннее мостов,
- 7: За то, что [все плыло] плывет все, беззвучно скользя,

После 8:

И в трубке жил голос, похожий на твой...
И все это [было наверно] Москвой
[вместе зовется]
там называлось
За то, что над нами стрясется потом,
За третье что-то над явью и сном.

Две строки «И в трубке жил голос похожий на твой» и далее — записаны после первоначального варианта финала: «За третье что-то над явью и сном». Стрелкой обозначено, что их надо вставить после строки 8. Ниже, перед датой, вставлен новый вариант последнего двустушия:

И все это снится еще и теперь,
Но крепко туда замурована дверь...

После текста подпись: «А.» — и полная дата.
В РТ 111, л. 21 (РГАЛИ) — из десяти строк.

- 1: За кротость твою и за верность мою,
- 2: За то, что мы в страшном с тобою краю,
- 3: Что мы заколдованы, прокляты мы,

В РТ 111, лл. 31—31 об. — ранняя редакция под загл.
«Простые рифмы». Варианты строк:

- 1: Была над нами, как луна над морем,
4: [Но имени] Но радостью ни разу не назвал.
5: Днем перед нами облаком кружила
6: Улыбкой расцветала на устах
8: Обоих сразу в разных городах.
9—12: [И та рука, запятнанная кровью,
Обоим нам мерещится во сне...
Так это называется — любовью?
.....]
Ее рука, запачканная кровью,
Напоминала темные грехи,
Она ж, припавши жадно к изголовью,
Нам [говорила]бормотала наши же стихи.

На л. 30 об. другой вариант последней строфы:

И ничьему не внемля славословью
И наши как бы позабыв грехи,
Так жарко приникала к изголовью
И бормотала наши же стихи.

Дата на л. 31 слева — 23 июля 1963 (утро. Комарово). В той же тетради на л. 38 — чистовой автограф с последующей правкой, без загл. Дата — 23—25 июля 1963. Комарово. Правка в строках:

- 5: [Она пред] Днем перед нами облаком кружила
8: Обоих сразу. В разных городах. —
9: И ничьему не внемля славословью
10: Перезабыв [старинные] все прежние грехи,
11: [К бессонному припавши изголовью]
К бессоннейшим припавши изголовьям
12: [Шептала нам преступные] стихи.
Бормочет окаянные

В той же тетради на л. 39 об. в составе цикла «Полночные стихи» под загл. «Эпилог» (обозначено первой и последней строками).

168 Сонет («Я тебя сама бы увенчала...») Впервые — БО 2. С. 96. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 20 об.). Датируется по местоположению в тетради рядом с записями стихотворения июля 1963 г. «Еще тост» и деловыми заметками от 8 июля 1963 г.

Сонет не завершен. Возможно, связан с известием о выдвижении Ахматовой на Нобелевскую премию.

169 «Стряслось небывалое, злое...» Впервые — «Встречи с прошлым». Вып. 3. М., 1978. С. 389, публикация Е.И. Лямкиной по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 23). Уточнение времени написания — июль? — по местоположению в тетради. В первой строфе правка:

- 1: [Случилось ... злое]
 - 2: [И это страшнее всего]
 - 3: И нас в этой комнате [двое] трое
 - 4: [И это страшнее] всего
- Что, кажется, хуже всего.

Во 2-й строфе оставлено место для найденной строки 2, в 3-й — для найденной строки 4.

170 «Не с такими еще разлучалась...» Впервые — БО 2. С. 95. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 31). Первоначально строка 5: «...так мало осталось». Датируется по местоположению в тетради среди записей июля—августа 1963 г. (черновые наброски стихотворения «Была над нами как звезда над морем...», с датой — 23—25 июля 1963 г., двустихие «Если бы брызги стекла...», от 20 августа 1963 г., письмо к брату Виктору от 20 июля 1963 г. и т.д.).

171 Пятая роза. Впервые — «Литературная газета». 1971. 15 сентября, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 309, из трех строф, посвящение Дм. Б-ву. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, лл. 58—58 об.).

Строки 13—14 уточнены по РТ 103, л. 45. Перед текстом на л. 58: «3 авг<уста> 1963 (Полдень). Под «Венгерский дивертисмент» Шуберта. Посвящение — Дм. Б-ву. Без эпиграфа. Строфы I—IV пронумерованы римскими цифрами; по поводу одной из строф, очевидно, Ахматова не приняла окончательного решения, — без номера записаны строки 3 и 4:

Тебя [Последней] Запретной, Никоторой,
Но Лишней я не назову.

В РТ 103, л. 45, РГАЛИ — ранняя редакция с эпиграфом, вписанным рукой Д. Бобышева:

Но вынула она запястье, кисть,
А в пальцах шевелящаяся роза,
Где лепестки и крылья, клюв и лист —
Все белое, все — взмахи альбатроса.

Дм. Б<обышев>

После строфы 1 — строка точек, затем две строфы: «И губы мы в тебе омочим...» и «Ты будешь мне живой укорой...». Варианты и исправления строк:

15: Тебя последней, никоторой

20: Там дело [было] вовсе не в любви.

Дата — Нач<ата> 3 авг<уста> (полдень). Оконч<ена> 30 сент<ября> 1963. Будка. Под «Венгерский дивертисмент» Шуберта.

В РТ 103, л. 41 об. — вариант строфы под загл. «Отрывок о розах»:

Пусть будет мне живой укорой
 И сном сладчайшим наяву,
 [Последней, [Пятой], Никоторой]
 [Ее последней, никоторой]
 Тебя Последней, Никоторой,
 Но Лишней я не назову.

В той же тетради на л. 47 — карандашный автограф, полустертый (поверх него чернилами запись сцены из «Пролога»): редакция из двух строф «Была Soleil ты или Чайной...» до «Тут дело было не в любви».

Посвящено Дмитрию Васильевичу *Бобышеву* (р. 1936) — молодому поэту, подарившему Ахматовой букет из пяти роз. Ахматова хотела, чтобы эпитафией к ее стихотворению стали строки из стихотворения Бобышева, ей посвященного: «Бог — это Бах, а царь над ним Моцарт, // А Вам улыбкой ангельской мерцать...» Однако Бобышев вписал другие строки (см. выше), и Ахматова вообще сняла эпитафию, оставив лишь посвящение.

Стихотворение должно было войти в цикл «Три розы», три стихотворения которого посвящены И.А. Бродскому, Д.М. Бобышеву и А.Г. Найману и соответственно должны были иметь эпитафиями строки из их стихотворений, посвященных Ахматовой.

Историю эпитафии к стихотворению «Пятая роза» Д. Бобышев рассказал в одной из «Траурных октав», посвященных Ахматовой:

ВСТРЕЧА

Она велела мне для Пятой розы
 эпитафией свою строку вписать.
 И мне бы — что с Моцартом ей мерцать,
 а я — о превращениях альбатроса
 неоправимо внес в ее тетрадь.

И вот — она, она в газетной прозе!
Эпиграф же — и впрямь по альбатросьи —
Куда вдруг улетел — не разыскать.

(Сб. «Посвящается Ахматовой. «Эрмитаж»,
1991. С. 125.)

173 Тринадцать строчек. Впервые — «Литературная газета». 1963. 5 октября, в цикле под загл. «Из цикла «Полночные стихи»; «Бег времени». С. 404—405, под № 4 в цикле «Полночные стихи. Семь стихотворений». Дата — 8—12 августа 1963. Печ. по кн. «Бег времени».

Автографы в РТ 111, лл. 38—39 (РГАЛИ). Первая запись сделана 8 августа 1963 г.: без загл., варианты строк:

- 4: И видит сень [родимую] священную берез
5: Сквозь радужную сетку слез.
7: [Мрак комнатный мгновенно засветился]
И чистым солнцем сумрак [осветился] озарился
8: И лунный луч на стенке очутился
И в угол лунный луч забился
Мир на минутку весь переменялся
И мир как будто весь переменялся
9: И даже изменился вкус вина.
10: [На полсекунды _ _]
[На полминуты _ _ замолчала]
Благоговейно [сразу] замолчала

На л. 38 об. — вариант последней строфы:

И даже я кому тех слов твоих
Быть палачом беспощадным
Внимала им и жадно

На л. 39 — чистовой автограф с правкой: загл. — «Тринадцать строк», варианты и исправления строк:

- 3: А так, как тот, что вырвался из плена
 4: И видит [сень священную] белые стволы берез
 8: И мир на миг один [переродился] преобразился
 10: И даже я — кому убийцей [стать] быть.

Под № IV в цикле «Полночные стихи». Дата — 8—12 авг<уста> Будка.

Адресат стихотворения нарочито скрыт автором, так же, как и смысл произнесенного им «слова». Было послано в Москву заболевшему А.Г. Найману, о чем он пишет в книге «Рассказы о Анне Ахматовой»: «Это случилось в конце лета, и она, узнав, «командировала» ко мне из Ленинграда Бродского, — как вскоре меня к Ольшевской. С ним она передала свое новое стихотворение, его рукой переписанное и ее подписью заверенное, «Тринадцать строчек» — которых, однако, как нарочно, оказалось двенадцать, потому что он одну по невнимательности пропустил, а она не заметила. В первом же разговоре об этих стихах я стал возражать против «предстояло»: «И даже я, кому убийцей быть Божественного слова предстояло», — потому что если *предстояло*, то я и ты в стихотворении не равноправны, герой находится во власти героини и лишь играет роль участника драмы, а не участвует в ней полноценно. С доводами она соглашалась, но стихи защищала, мягко, — главным образом, тем, что «зато хорошо получилось». Через год или полтора, после сходного, только более резкого спора об одном четверостишии из «Пролога», она взяла ластик и стерла в тетрадке написанные карандашом строчки» (Найман. С. 213).

Строку «И наконец ты слово произнес...» принял на свой счет Артур Сергеевич Лурье, которому переслала это стихотворение С.Н. Андроникова. Он полагал, что пово-

дом написания стихотворения послужило его письмо к Ахматовой от 25 марта 1963 г.

Не так, как те... что на одно колено... — Возможно, здесь идет речь о ташкентском знакомстве с Й. Чапским. См. коммент. к стихотворению Ахматовой «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» и запись в рабочей тетради РГАЛИ: «Некто Ч. в Ташкенте становится на одно колено, целует руки и говорит: «Вы — последний поэт Европы» (1942)». ...*тот, кто вырвался из плена...* — По-видимому, речь идет об одном из близких друзей Ахматовой, уехавших в эмиграцию. Это могли быть А.С. Лурье или Б.В. Анреп. Л.А. Зыков находит в этих строках Ахматовой отголосок писем Николая Николаевича Пунина — 21 сентября 1929 г. к Ахматовой: «А потом они <соседи по дому отдыха> обижаются на меня, если я вдруг вырвусь из этого плена» (плена сдержанности и молчания). 11 мая 1953 г. внучке, Анне Каминской, из заполярного лагеря Абезь: «Соскучился по деревьям и колоннам. Потрогать бы их руками» («Звезда». 1995. № 1. С. 82).

174 *«Разлука призрчна — мы будем вместе скоро...»* Впервые строки 1—2 — БО 2. С. 76, публикация М.М. Кралина по автографу РГАЛИ. Печ. по этому автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 62), где записано после текста стихотворения 7 июля 1959 г. «Что нам разлука? — лихая забава...», к которому относится приписка тем же карандашом: «Записано 14 августа 1963. Ленинград». Между текстом и этой припиской чернилами поставлена подпись: «А.» и далее — отчерк особым ахматовским значком и текст строк 1—2. После даты — продолжение тем же почерком. На соседней странице — 61 об.—62 — карандашом записан текст стихотворения «Ты — верно, чей-то муж и ты

любовник чей-то...». Возможно, откликом на его последнюю строку «И все недолжное случилось в тот же миг» являются строки: «И все недолжное вокруг меня клубится...», записанные теми же чернилами, что и двустиишие «Разлука призрачна...». Расположение текстов на страницах дает возможность датировать стихотворение 14 августа <?> 1963.

Эльсинор — место действия трагедии Шекспира «Гамлет, принц Датский»; *призрак Эльсинора* — призрак отца Гамлета, действующее лицо трагедии Шекспира; в данном контексте, возможно, призраком именуется сам замок Эльсинор и все происходившее в трагедии Шекспира. О значении в поэтической системе Ахматовой коллизии Гамлет — Гертруда см. также коммент. к стихотворению «Путь мой предсказан одною из карт...».

175 Вступление. Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 6. С. 243, публикация В.М. Жирмунского, под загл. «Полночные стихи. Вступление», с неверным чтением строки 2 («Что когда-то звеня разметались»); то же — БП. С. 308, под загл. «Полночные стихи. Вступление». Верное прочтение строки — Соч., 3. С. 99, загл. — «Вступление к «Полночным стихам». Печ. по автографам РГАЛИ (РТ 111, лл. 33 об. и 34). На этих листах стихотворение записано дважды: в виде двустиишия под загл. «Полночные стихи» и в виде четверостишия под загл. «Вступление». Эти названия свидетельствуют о намерении (неосуществленном) сделать стихотворение вступлением к циклу «Полночные стихи». Тогда же, летом 1963 г., Ахматова решила предварить цикл эпиграфом из «Поэмы без героя» («Решка»): «Только зеркало зеркалу снится, // Тишина тишину сторожит...» Так что, возможно, второе

упоминание о стекле-зеркале оказалось излишним. Тогда же возникло четверостишие «Вместо посвящения» («По волнам блуждаю...»).

...что когда-то, звеня, разлетелись... — Возможно, Ахматова использует мотив сказки Х.К. Андерсена «Снежная королева»: осколки разбившегося волшебного зеркала, попадая в глаз или в сердце человека, делают его злобным и жестоким. Ахматова предлагает обратный ход: «если бы брызги стекла <...> снова срослись...» С героем сказки Андерсена, юношей Каем, в одном из писем Ахматова сравнивала Н.Н. Пунину: «Отчего ты в каждом письме пишешь, что писем от меня не ждешь, я понять не могу. Я от тебя писем жду. Котий, Котий, уж не Кай ли ты, заехав в такую даль» (18 мая 1927 г., к Н.Н. Пунину в Токио). — «Звезда». 1995. № 1. С. 110.

176 «И было этим летом так отрадно...» Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 57, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 308. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 42). Правка строк:

- 1: И было этим летом [мне] так отрадно
11: [И приносила] Несу с собой как ощущение чуда

177 «Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...» Впервые — журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 310. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 61 об.).

Исправления в строках:

- 2: В шкатулке без тебя [уже] еще довольно тем
4: [Чтоб подобрать] [Чтоб] Ей подарить слова,
что[б] льнули б к звукам тем.

5: [Я загляделась не тобой совсем]

8: Пусть все сказал Шекспир, милее мне [старик] Гораций,

11: И все не должное случилось в [этот] тот же миг.

На л. 62 записана строфа, которая, возможно, является продолжением стихотворения:

И все не должное вокруг меня клубится,

И, кажется, теперь должно меня убить.

То плещет крыльями, то словно сердце бьется,

Но кровь вчерашнюю уже не может смыть.

Такого мнения придерживается М.М. Кралин (см. БО 1. С. 426). Однако более вероятно предположение, что строфа является откликом и развитием мысли настоящего стихотворения («И все не должное случилось в тот же миг» — «И все не должное вокруг меня клубится...»). По характеру записи строфа является продолжением наброска «Разлука призрачна — мы будем вместе скоро...». На том же листе стихотворение «Что нам разлука? — [Игра и] Лихая забава...» с пометой: «Записано 14 августа 1963», что позволяет датировать стихотворение «Ты — верно, чей-то муж» августом 1963 г.

В РТ 103, л. 41 об. записаны две строки после отточия:

...

Но ты нашел одну из сотых интонаций,

И все недолжное в один случилось миг.

Выше на этом же листе — запись от 20 августа 1963 г., ниже — черновой автограф строфы «Пусть будет мне живой укорой...» из стихотворения «Пятая роза».

Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то. — Речь, по-видимому, идет об А.Г. Наймане. Его женой была в то время Эра Борисовна Коробова, искусство-

вед, научный сотрудник Эрмитажа. Эпиграф — неточная цитата из оды 38 (последней) I книги од Горация. Точный текст этого отрывка фразы: «...Rosa quo locarum // Sera moritur». В переводе С.В. Шервинского эта ода носит название «К прислужнику»:

Ненавистна, мальчик, мне роскошь персов,
 Не хочу венков, заплетенных лыком.
 Перестань искать, где еще осталась
 Поздняя роза.
 Мирт простой ни с чем не свивай прилежно,
 Я прошу: тебе он идет, прислужник,
 Также мне пристал он, когда под сенью
 Пью виноградной.

А ты поймал одну из сотых интонаций... — Строка имела и другую редакцию: «А ты нашел одну из сотых интонаций...», которую приводит А.Г. Найман в кн. «Рассказы о Анне Ахматовой». С. 119: «Когда Ахматова написала стихотворение «Ты — верно, чей-то муж...», она прокомментировала строчку: «А ты нашел одну из сотых интонаций»: «Актер — это тот, кто владеет сотой, то есть ни на кого не похожей, интонацией, она и делает его актером; про это все знает Фаина (Раневская. — Н.К.), спросите у нее». Этот же «актерский термин» употребляет Ахматова, говоря о неповторимости Лермонтова: «...так долго писавший подражательные стихи и вдруг начавший писать нечто такое, где он никому не подражал, зато всем уже 150 л<ет> хочется ему подражать, но совершенно очевидно, что это невозможно, потому что он владеет тем, что актеры называют сотая интонация...» (РТ 112, л. 32 об.—33).

178 *Вместо посвящения.* Впервые — «Литературная газета». 1963. 5 октября; «Бег времени». С. 402, в ка-

честве введения к циклу «Полночные стихи. Семь стихотворений», с датой — лето 1963. Печ. по кн. «Бег времени». Автографы в РГАЛИ: РТ 103, л. 40 об. — черновой автограф с правкой в строках:

1: По [морю] волнам блуждаю и прячусь в лесу,
3: Разлуку [еще кое-как я] снесу
Разлуку, наверно, не плохо снесу

Здесь же как продолжение текста — незавершенное четверостишие:

Как ты меня долго и трудно искал
.....
Но это уже ни в одном из зеркал
Не может теперь отразиться.

В РТ 111, л. 43 об. — чистовой автограф с небольшой поправкой в загл. и в строке 1:

ВМЕСТО [ПРЕДИСЛОВИЯ] ПОСВЯЩЕНИЯ

[По волнам]
На волнах мелькаю и прячусь в лесу,
Мережусь на гладкой эмали.
Разлуку наверно не плохо снесу,
А встречу с тобою — едва ли.

179 Ночное посещение. Впервые. — журн. «Звезда». 1964. № 3. С. 47; «Бег времени». С. 406, под № 6 в цикле «Полночные стихи. Семь стихотворений». Дата — 10—13 сентября 1963. Комарово. Печ. по кн. «Бег времени». В РТ 103, л. 42 об.—43 — автограф ранней редакции без загл., с датой — 1963. 10 сентября. Будка (вечер):

Нет, не на московском злом асфальте
 Будешь долго ждать —
 Мы с тобой в Адажио Вивальди
 Встретимся опять —
 Свечи снова будут так же [ярки] желты
 [И темней углы]
 И еще желтей.
 Не спрошу я почему пришел ты
 Призрака немей.
 [Все в одном ты угадаешь стоне]
 Протекут в одном безмолвном стоне
 Эти полчаса
 [И увидишь] Прочитаешь на моей ладони
 [Просто] Те же чудеса.
 [Уведет] тебя твоя тревога
 [Навсегда,] И тогда совсем
 Уведет совсем
 От меня широкая дорога
 И открыта всем.

В РТ 111 — несколько автографов. На л. 42 об. — без загл., под № VI «Из цикла: Полночные стихи», с эпиграфом — первой строкой стихотворения Ахматовой «Все ушли, и никто не вернулся. А.». 1-я строфа — в окончательной редакции, в последующих — правка строк:

- 5: [Свечи снова станут тускло-желты]
 И опять поет смычок безродный
 6: И [закляты] заклятый сном.
 7: [Не спрошу я] — почему вошел ты
 Почему вошел ты в мой свободный,
 8: В мой полночный дом
 13: [Чтоб тебя твоя сестра-тревога]
 И тогда тебя твоя тревога
 15: [Той широкой звездною дорогой]
 Уведет от моего порога
 16: [И опять спасла]
 В ледяной прибой.

Дата — 10—13 сент<ября> 1963. Комарово.

На л. 43 — две редакции последней строфы:

1-я: [И тогда] Чтоб тебя твоя сестра-тревога
[Уведет] Увела совсем
[От меня широкою дорогой,
Что открыта всем].

2-я: Чтоб тебя твоя сестра-тревога
Увела от зла
Той ночной и звездною дорогой,
И опять спасла.

Варианты последней строки:

[Что и не таких еще спасла]
Что [моих друзей] спасла.
Что обоих нас спасла.

На л. 49 об. варианты 2-й строфы:

[И смычок... Как свечи снова желты]
И закланы сном.
И опять поет смычок безродный
И закланый сном,
Почему вошел ты в мой свободный
И полночный дом.

В собрании Натана Львовича Готхарта (США) — автограф этого стихотворения, подаренный ему Ахматовой 20 октября 1963 г. в Комарове. Правка во 2-й строфе:

[Снова свечи станут тускло-желты
И закланы сном.
Не спрошу я, почему вошел ты
В мой полночный дом]
И смычок [заплачет, что] вошел ты
И смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Станут свечи снова тускло-желты
И закланы сном.

Стихотворение обращено в прошлое. «Ночное посещение» дорогого человека, вошедшего в полночный дом в музыке «Адажио» Вивальди, Л.А. Зыков связывает с образом Н.Н. Пунина: «...ясные реалии последних строк должны рассеять <...> сомнения окончательно: «ледяной прибой» — это указание на заполярный лагерь, где кончилась его жизнь, «тревога» — то «постоянное и сильное душевное напряжение», которое Вс. Петров считал «самой характерной чертой Пунина» (Петров В. Фонтанный Дом. В кн.: «Воспоминания». С. 219). Об этом писал и сам Пунин: «Жизнь так хрупка и страшна, что никакая тревога по отношению к ней не будет чрезмерной» (Пунин Н. Дневник. 24 сентября 1925 г.). Или: «Самое трудное в жизни — тревога» (Н. Пунин — А. Ахматовой. 1 августа 1924 г.) («Звезда». 1995. № 1. С. 80).

180 «Из-под смертного свода кургана...» Впервые — Найман С. 146. Печ. по этой публикации. Дата — в письме Ахматовой к А.Г. Найману, которое открывается этим четверостишием (см. БО 2. С. 78 и 241). А.Г. Найман пишет, что это было первое из писем Ахматовой к нему в Москву: «Оно начиналось четверостишием: похоже было, что она сочинила стихи и на том же листе решила написать письмо» (С. 146). Содержание письма — о переезде из ленинградской квартиры в комаровскую «Будку» — не поясняет смысла четверостишия. Можно предположить, что оно навеяно оперой М.П. Мусоргского «Хованщина», в частности образом раскольницы-«колдовки» Марфы, предсказавшей князьям Голицыну и Хованскому гибель.

Волховать — по Далю, «колдовать, чаровать, кудесить, знахарить, гадать, ворожить, ведмовать, заговаривать <...>» (Даль Вл. Т. 1. С. 237—238).

181 «Шелестит, опадая, орешник...» Впервые — БО 2. С. 96, в произвольно составленной М.М. Кралиным подборке незавершенных отрывков <«Наброски к циклу «Семисвечник»>. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 46 об.). Дата — 19 октября — рукой Ахматовой. На соседних листах — сцены драмы «Пролог», над которыми Ахматова работала осенью 1963 г. и позже. Возможно, незавершенный отрывок предназначался для пьесы как один из монологов либо имел отношение к циклу «Полночные стихи. Семь стихотворений», написанному летом 1963 г.

Семисвечник — светильник на семь свечей, символизирующих семь колен Израилевых.

182 «За плечом, где горит семисвечник...» Впервые — БО 2. С. 96, в подборке <«Наброски к циклу «Семисвечник»>, произвольно составленной М.М. Кралиным, с неверным прочтением строк 2—4:

Где тень иудейской стены,
Вызывает невидимый грешник
Подсознание предвечной вины.

Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 72 об.), где незавершенный отрывок карандашом расположен среди записей и стихотворений 1963 г.; без названия и даты. Правка в строках:

2: Где [обломки] стены
4: [От] сознания . . . вины

На л. 73 той же тетради — дневниковая запись от 17 октября 1963 г., в которой упоминается цикл «Семисвечник». Из «Записок об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской следует, что она была у Ахматовой в «Будке» 15 и 16 октября 1963 г. и слушала в ее чтении отрывки из «Пролога»

и цикл из семи стихотворений «Полночные стихи». Очевидно, именно они на каком-то этапе назывались «Семи-свечник».

Иудейская стена. — Стена Плача в Иерусалиме, священное место иудеев.

183 *«Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице...»* Впервые — «Записные книжки». С. 403. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 76 об.). Датируется по местоположению в тетради, где записано после строк «Из трагедии «Пролог, или Сон во сне»:

Голос: А потом перекрестная песня <...>
Помня место Дантовского круга,
Словно лавр победного венца.

После четверостишия запись: «Сегодня вечером — Слоним. 8-ое ноября».

184 *Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»)*. Впервые — журн. «Огонек». 1964. № 10. С. 4, в составе цикла «Трилистник московский», вариант строки 4: «Прощальных песен первые издания»; «Бег времени». С. 400—401, с пропуском строки 5, без даты, второе в цикле «Трилистник московский». Печ. по кн. «Бег времени», с восстановлением строки 5 и уточнением пунктуации и даты по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 92). В этом автографе имеет загл. «Отрывок». Дата — 12 дек<абр> 1963. Москва. Варианты строк:

4: Прощальных песен первые издания,
6: «Что? Что, уже? — Не может быть», — «Конечно»!

В РТ 102, л. 41—41 об. — под загл. — 12 дек<абр> 1963, с эпиграфом: «Мне ведомы начала и кон-

цы, // И жизнь после конца...» Варианты и исправления строк:

- 3: Дни декабря, как черные стволы,
- 4: Прощальных песен первые издания
- 5: Немного удивленные глаза...
- 6: Что, что, уже, не может быть, конечно!
- 8: [Над горечью бездонной и безгрешной]

185 *«Я играю в ту самую игру...»* Впервые — БП. С. 310, публикация В.М. Жирмунского по автографу РГАЛИ. Печ. по этому автографу (РТ 102, л. 34 об.).

186 *«Может быть, потом ненавидел...»* Впервые — ВРХД. 1976. № 117. С. 161, публикация Н.А. Струве; Соч., 1986. С. 340, публикация В.А. Черных по рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ), где было включено под № 12 в цикл «Вереница четверостиший», а затем зачеркнуто. В РТ 110, л. 93 (РГАЛИ) записано под загл. «[Из вереницы четверостиший]», перед текстом уточнение, что это прямая речь героини: «Она: Может быть, потом ненавидел...» Дата — 22 дек<абря> 1963. Москва. Печ. по рукописи кн. «Бег времени». Дата — по автографу РТ 110. Включено в текст драмы «Энума элиш» («Пролог, или Сон во сне») — см. т. 3. С. 340.

187 *При непосылке поэмы.* Впервые — журн. «Новый мир». 1964. № 6. С. 173, с датой — 1963; «Бег времени». С. 396, дата — 1963. Печ. по кн. «Бег времени». В РТ 110, л. 48 об. (РГАЛИ) записано среди стихов, составляющих цикл «Мнимый год» или «Полночные стихи», без номера. Варианты строк:

- 1: Приморские налеты ветра
 7: Пусть [тонко] горько улыбнутся губы,
 8: А сердце [жгуче] жарко тронет дрожь.

Возможно, стихотворение связано с получением письма от А.С. Лурье, отправленного им Ахматовой 25 марта 1963 г. Образ А. Лурье угадывается в подтексте цикла «Полночные стихи» (см. коммент. к стихотворению «Предвесенняя элегия»).

188 «Мы больше не встречаться научились...»
 Впервые — журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 164; публикация В.М. Жирмунского в подборке под загл. «Из неизданного»; БП. С. 318, по автографу РГАЛИ, без даты. В БО 1. С. 302, с датой — 1964. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 3). Датируется по местоположению в тетради среди записей 1963 г. Первоначально строка 4: «О том, что с нами будет через час».

189 «Быть страшно тобою хвалимой...» Впервые — БО 2. С. 100, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 45 об.). Ранняя редакция:

Мне страшно быть ею хвалимой.
 Мои подсчитала грехи.
 В последнюю речь подсудимой
 Мои превратили стихи...

Датируется по местоположению в тетради.

См. также коммент. к стихотворениям «Ты кто-то из прежней жизни...» и «Он не друг и не враг и не демон...».

190 «Оставь нас с музыкой вдвоем...» Впервые — БО 2. С. 79, публикация М.М. Кралина. Печ.

по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 9). Строка 5 первоначально:

[Меня уже почти что нет].

На л. 6 об. в той же тетради стихотворение под № V включено в цикл «Свободные стихи» (записана первая строка и дата — 1963).

191 *«Чтоб я не предавалась суесловью...»* Впервые — «Записные книжки». С. 522. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111, л. 19 об.). Набросок на одном листе с вариантом строфы стихотворения «Ночное посещение», записанным в сентябре 1963 г.:

И смычок заплачет, что вошел ты
В мой полночный дом,
Снова свечи станут тускло-желты
И заклаты сном.

192 *«Я не сойду с ума и даже не умру...»* Впервые — БО 2. С. 96, публикация М.М. Кралина по автографу РНБ, написанному на телеграмме, адресованной М.С. Михайлову.

Имя Михаила Семеновича *Михайлова* (1896—1969), видного лингвиста, тюрколога, дарившего Ахматовой свои статьи, упоминается в рабочих тетрадях Ахматовой много раз: идет речь о посылке ему телеграмм, в 1963 г. Ахматова включила его в список лиц, которым собиралась подарить цикл «Семь стихотворений» (т.е. «Полночные стихи»). Запись в РТ 110, л. 93 — декабрь 1963 г.: «Полночные стихи Базилевскому и Михайлову». Запись 31 декабря 1963 г.: «Поздравить Михайлова» (там же, л. 96). В РТ 111, л. 50: «Кому 7 стихотворе-

ний: Михайлову в Зачатьевский <...>» — август—сентябрь 1963 г. В библиотеке Ардовых сохранились две работы Михайлова с дарственными надписями Ахматовой 1959 г. Печ. по автографу РНБ.

193 «Врачуй мне душу, а не то...» Впервые — БО 2. С. 101. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102, л. 40), где записано рядом с телефоном Михаила Юрьевича Ярмуша, молодого поэта и переводчика, врача-психиатра, с которым осенью 1962 г. познакомилась Ахматова. Датируется по местоположению в тетради.

194 «Я выбрала тех, с кем хотела молчать...» Впервые — БО 2. С. 78, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108, л. 28 об). Датируется условно по местоположению в тетради среди записей 1963 г.

195 Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...»). Впервые — БО 2. С. 102, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 53 об.—54). Уточнение даты — 1963 — на основании расположения в тетради, так как все карандашные автографы на соседних листах относятся к лету 1963 г.

Эпиграф из сонета французской поэтессы Луизы Лабе (ок. 1522—1566).

196 «По самому жгучему луту...» Впервые — БО 2. С. 97, в подборке <«Наброски к циклу «Семисвечник»>, произвольно составленной М.М. Кралиным. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102, л. 25). Датируется условно по местоположению в тетради.

197 «Чьи нас душили кровавые пальцы?» Впервые — БО 2. С. 99, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 35 об.), где записано после четверостишия конца 1950-х гг. («Что нам разлука?..») и среди записей стихов 1963 г. Записей более поздних в этой части тетради нет. Поэтому датируется условно — 1963 <?>.

198 «И я не имею претензий...» Впервые — БО 2. С. 99, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 35 об.). Датируется условно по местоположению в тетради среди записей 1963 г.

199 «Оставь, и я была как все...» Впервые — БП. С. 316, без даты. В БО 2 — дата 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108, п. 10), где расположено среди записей января 1963 г. Датируется условно 1963 г.; возможно, написано ранее.

200 «Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь...» Впервые — «Записные книжки». С. 168. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 56 об.). Датируется по расположению в тетради. По-видимому, является не моностихом, а началом неосуществленного стихотворения.

201 «Быть может, презреннее всех на земле...» Впервые — «Записные книжки». С. 168. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 56 об.). Первоначально строка 2: «Нарушитель не данной клятвы». Датируется условно по местоположению в тетради. Записано после строки:

Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь.

202 «Нет, ни в шахматы, ни в теннис...» Впервые — альм. «Поэзия». М. 1974. № 12. С. 113, публикация Н.А. Жирмунской по автографу РНБ. БП. С. 315, без даты. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 70), где переписано среди записей 1965 г., но как «забытое восьмистишие»: на листе 70 сверху — «Забытое четверостишие» («Глаза безумные твои...») со знаком вопроса вместо даты и затем — «Такое же восьмистишие», т.е. такое же забытое. После строки 1 — набросок строки 2: «Ни», от которой, по-видимому, Ахматова отказалась.

В «писательском доме» в Лаврушинском переулке Ахматова жила в 1963 г. в феврале и в конце октября, в 1964 г. — в марте, у Маргариты Иосифовны Алигер.

203 «Пусть даже вылета мне нет...» Впервые — журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 316, по автографу из собрания А.Г. Наймана, без даты; датируется условно, по времени наиболее интенсивного общения Ахматовой с А.Г. Найманом. Печ. по БП.

204 «И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...» Впервые — журн. «Литературная Грузия». 1979. № 7. С. 89, публикация М.М. Кралина по черновому автографу РНБ; БО 2. С. 82. Печ. по автографу РНБ. Незавершенный набросок, возможно, связан с работой над драмой «Пролог, или Сон во сне». Датируется условно — 1963—1965 — временем работы над сценами «Пролога», близкими по смыслу к настоящему наброску.

205 Последняя <Из цикла «Песенки»> (А у нас). Впервые — альм. «День поэзии». Л., 1964. С. 23, без загл.,

без даты, в цикле из четырех стихотворений под загл.: «Из цикла «Песенки» («Голос из темноты, или Дорожная», «Лишняя», «Прощальная» и «Услаждала бредами...»); «Бег времени». С. 418—419, загл. «Последняя», дата — 1964, под № 4 в цикле «Песенки». Строка 8: «Был мне всех родней». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 104), загл. — по кн. «Бег времени» (в РТ 110 — загл. «Шестая», означающее лишь порядок «Песенок» в цикле. Исправление в строке 8: «Был [мне всех] еще родней». В РТ 102, л. 34, РГАЛИ — чистовой автограф, строка 8: «Был мне всех родней».

(*А у нас*) — По-видимому, иронический подзаголовок — цитата из стихотворения для детей С.В. Михалкова «А что у вас», легко запоминающиеся строки которого с 1930-х годов широко вошли в обиходную народную речь:

... А у нас в квартире газ. А у вас?
А у нас водопровод. Вот.
А нас сегодня кошка
Родила вчера котят,
Котят выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

По свидетельству Л.К. Чуковской, названия к «Песенкам» были придуманы Ахматовой в феврале 1964 г. при составлении последнего варианта книги «Бег времени» (Чуковская, З. С. 168).

206 Письмо («Не кралось полуденным бродом...»). Впервые — БО 2. С. 97, ошибочно соединенное со стихотворением «Пусть так теряют смысл слова...», публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 153).

Варианты ранней, исправленной редакции:

3: Но, [Боже,] прочно своим неприходом

4: [Затмило] свет.

Куда-то запрятало

Датируется по местоположению в тетради.

207 *«Пусть так теряют смысл слова...»* Впервые — БО 2. С. 97, публикация М.М. Кралина, как продолжение стихотворения «Письмо». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 153).

Записано карандашом, возможно — одновременно с правкой предыдущего стихотворения. По-видимому, является одним из вариантов стихотворения о розах для незавершенного цикла «Три розы».

208 *«Смерть одна на двоих. Довольно!..»* Впервые — БО 2. С. 97, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 157). Уточнение даты — по расположению в тетради среди записей мая—июня 1964 г.

209 *Из «Дневника путешествия». Стихи на случай.* Впервые — журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация Н.А. Жирмунской, загл. «Из «Дневника путешествия». Стихи на случай». Под тем же загл. — БП. С. 311, дата — декабрь 1964. В примечаниях В.М. Жирмунский связывает четверостишие с пребыванием Ахматовой в декабре 1964 г. в Италии в связи с присуждением ей международной поэтической премии Этна-Таормина (С. 502). Однако стихотворение написано раньше. С правильной датой — июнь 1964. Москва — БО 1. С. 302. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 165), где записано с датой — Москва. Июнь 1964 — среди других записей,

относящихся к июню 1964 г. Загл. по чистовому автографу РГАЛИ. Исправления в строках:

- 2: [Здесь] И [встреча] встречи горестной разлуки.
3: [И] Там мертвой славе отдадут.

Написано в связи с известием о присуждении Ахматовой премии «Этна-Таормина» и о разрешении поездки в Италию. В мае 1964 г. в Москве Ахматова получила твердые заверения от руководства Союза писателей, что ей будет разрешено поехать в Италию для получения присужденной ей премии «Этна-Таормина». Вскоре после этого пришло известие из Оксфорда о намерении присвоить ей почетную ученую степень доктора, затем — запрос о возможности ее приезда в Англию для ее получения. Ахматова была убеждена, что инициатором этих наград был сэр Исайя Берлин, к этому времени уже получивший титул лорда, профессор Оксфордского университета.

210 Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...»). Впервые — БО 2. С. 77, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 176). Автограф с правой, строки:

- 1: Что [ты вздумал] тоскуешь, будто бы вчера
7: Сколько [было] отсчитал ей кто-то мук.

Последняя строфа была вычеркнута, затем восстановлена снова. Дата — после третьей строфы.

211 К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...»). Впервые — БО 2. С. 80, публикация М.М. Кралина, (строки 1—4), с неточной датой. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, лл. 177 об. и 178 об.), где записаны стро-

ки 1—4 после слов: «Идет наш месяц» (л. 177 об.) и отдельно, с датой — 5 августа — загл. «К музыке (продолжение)» и две строки незавершенной строфы. Предшествуют тексту тревожные записи, связанные с приближением августа — месяца, с которым связано много горестных воспоминаний: «30 июля. Работа. Идет август. 31 июля. Слушала вчера ночью Пуленка — «La voix humaine» (Человеческий голос — ф р.) (Сейчас — Symphonie inachevée...) — (Неоконченная симфония — ф р.). Тотя привела Питера. Он передал мне предложение Оксф<ордского> Ун<иверситета> о Prix Nobel <...> 1 августа. Пришел НАШ месяц» (л. 176 об.). (Тотя — Изергина Антонина Николаевна, Питер Норман — английский литературовед.)

В первоначальной редакции стихотворения строки 1—4 были расположены в ином порядке:

К МУЗЫКЕ

Неужели у тебя — бездонной
 Нету утешенья для меня?..
 Стала я, как в те года, бессонной,
 Ночь не отличаю ото дня.

Порядок строк изменен римскими цифрами слева от текста.

212 «...и той, что танцует лихо...» Впервые — «Записные книжки». С. 482. Печ. по автографу РГАЛИ (РГТ 110, л. 184), где набросок записан после слов: «Сейчас слушала рондо Бетховена».

213 Памяти В.С. Срезневской. Впервые — журн. «Новый мир». 1965. № 1. С. 88; «Бег времени». С. 449. Печ. по кн. «Бег времени».

Автографы в рабочих тетрадях РГАЛИ: РТ 110, л. 193, под загл. «Памяти В.С.С.». На соседних страницах записи о поездке в Выборг на автомобиле: «— Ехала непременно мимо Валиной могилы. Боже!» — и о работе над стихотворением: «Кажется, стихи Вале делаются не хуже, а лучше, однако я в них еще не совсем уверена». На л. 197 об. — план цикла «Трилистник траурный»: стихотворения памяти В.С. Срезневской, М.М. Зощенко и Анты. В РТ 112, л. 21 и 21 об. — варианты строк 8—10:

Чего-то главного... И вспомнить не могу,
И делать нечего на этом берегу.
А звонкий голос твой зовет меня оттуда

9 сентября 1964 г. — день смерти В.С. Срезневской (см. коммент. к стихотворению «Вместо мудрости — опытность, пресное...»; т. 1. С. 758). Л.К. Чуковская, которой Ахматова прочла это стихотворение 7 ноября 1964 г., записала пожелание Ахматовой: «Хочу, чтобы «Памяти Срезневской» напечатано было в моем сборнике особым шрифтом. Может быть, курсивом. Или обведено черной рамкой» (Чуковская, 3. С. 243).

214 В Выборге. Впервые — журн. «Новый мир». 1965. № 1. С. 88; «Бег времени». С. 450, с датой — 25 сентября 1964. Печ. по кн. «Бег времени», с уточнением даты — 24 сентября 1964 — по автографу РГАЛИ.

В РТ 110, л. 195 об. дата — 24 сент<ября> 1964 (Озерная, днем), подзагол.: «(кроку)» и эпиграф: «Geaufre Rudel usò il vela e il remo à cercare la sua...» («Джауфре Рюдель использует и паруса, и весла, чтобы добраться до своей...» (и т.). Варианты строк:

2—3: Здесь Скандинавия отражена, как тень.

И мнится только ль это отраженье

6: Но воздух полон их благоуханьем.

В РТ 112, л. 48 (РГАЛИ) варианты строк:

3: [Вся] Там Скандинавия отражена как тень,

4: Вся — в ослепительном одном мгновеньи.

После даты — продолжение той же фразы, что в виде эпитафии записана в РТ 110: «usò il vela et il remo à cercare la sua morte» — использует и паруса, и весла, чтобы добратъся до своей смерти (и т.).

В автографе, подаренном О.А. Ладыженской, строки:

3—4: Здесь Скандинавия отражена, как тень,

Одно великолепное виденье.

6: Но воздух полон их благоуханьем

Посвящено Ольге Александровне Ладыженской (р. 1922), математику, члену-корреспонденту Академии наук, приятельнице Ахматовой и соседке по Комарово, которая, так же, как Ахматова, ездила в Выборг в сентябре 1964 г. и рассказ которой об этой поездке произвел на Ахматову сильное впечатление. Об этом — запись в рабочей тетради Ахматовой, а также свидетельство В.М. Жирмунского: «На побережье залива Ладыженской бросились в глаза гранитные ступени, на которых были когда-то установлены крепостные пушки. Весь пейзаж, по словам Ладыженской, напомнил ей Швецию и фиорды Северной Ладogi и Онеги» (БП. С. 493). Об этом же см. рассказ А.Г. Наймана в его кн. «Рассказы о Анне Ахматовой». С. 189. Джауфре Рюдель (ок. 1125—1148) — провансальский трубадур. С его именем связана романтическая легенда: он был влюблен в графиню Триполитанскую и, никогда не видя ее,

воспевал в своих произведениях. Чтобы встретиться со своей возлюбленной, Рюдель стал крестоносцем, отправился в морское путешествие, но заболел в пути и умер на ее руках. Эта история воспета в балладе итальянского поэта Джозуэ Кардуччи (1835—1907), стихи которого переводила Ахматова. Слова «он использует и паруса, и весла, чтобы...» стали в итальянском языке идиомой, означающей: «он использует любые средства».

215 «Земля хотя и не родная...» Впервые — журн. «Новый мир». 1965. № 1. С. 88, под загл. «В пути»; «Бег времени». С. 451, без загл., дата — 1964. Печ. по кн. «Бег времени», уточнение даты — 25 сентября 1964. Комарово — по автографам РГАЛИ. В РТ 110, л. 196—196 об. ранняя редакция с вариантами и исправлениями строк:

- 1: Земля конечно не родная,
- 3: [И эта] И в море нежно-ледяная
- 5: Лежит песок — белее мела,
- 6: Пьянее воздух, чем вино
- 9: [Такой закат] И он такой в волнах эфира,
- 10: Что мне уже не разобрать:

Дата — перед текстом. В РТ 112, л. 47 об. — под загл. «В пути», исправления и варианты строк:

- 1: Земля, [конечно,] хотя и не родная,
- 5: [Лежит] [Под ней] На дне песок белее мела
- 6: [Пьянее воздух чем] А воздух пьяный, как вино
- 7: [А] И сосен розовое тело
- 9: [И он такой] А сам закат в волнах эфира
- 10: [Что мне уже] Такой, что мне не разобрать,

Дата — после текста. Об истории создания произведения рассказывает А.Г. Найман: «Обычно маршрут автомобильной прогулки пролегал вдоль Финского залива, не

далее Черной речки, где была могила Леонида Андреева, — именно одну из таких прогулок воспела Ахматова в «Земля хотя и не родная» (На й м а н. С. 188).

216 Запретная роза. Впервые — БО 2. С. 98, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103, л. 50), где записаны первые восемь строк, после которых дата — 10 окт<ября> 1964 и слово: «Экспромт». Далее — «Verte» — означающее «переверни страницу», и на л. 51 другим карандашом и, видимо, в другое время записаны строки 9, 11 и 12, строка 10 обозначена черточками. На л. 49 об. — план цикла «Розы»:

I. Последняя. И. Б<родск>ому («Вы напишете о нас наискосок»).

II. Пятая. Д. Б<обыше>ву. ()

III. Запретная. А. Н<айма>ну. ()

В скобках оставлено пустое место для эпитафий из стихотворений этих поэтов.

Эпитафия из стихотворений А. Наймана «Я прощаюсь с этим временем навек...». По свидетельству Наймана, этот эпитафия первоначально был взят Ахматовой для стихотворения «Ты, верно, чей-то муж...», которое тогда имело название — строчку из оды Горация «Rosa moretur». Затем строка Горация стала эпитафией, «двух эпитафий стихотворение <...> не выдержало, мой переполз в стихотворение <...> «Запретная роза», со строчками «Тот союз, что зовут разлукой И какою-то сотой мукой», очевидно связанными с «одной из сотых интонаций» в «Rosa moretur» (На й м а н. С. 110).

217 «Я еще сегодня дома...» Впервые — БО 2. С. 81, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу

РГАЛИ (РТ 113, л. 6 об.). Датируется по содержанию и местоположению в тетради. По-видимому, написано накануне отъезда Ахматовой из Ленинграда в Москву 23 ноября 1964 г. для поездки в Италию, куда она выехала 1 декабря 1964 г. поездом с Белорусского вокзала (через Варшаву и Вену). Запись в РТ 113 начинается с описания этих дней: «23 ноября. Отъезд из Ленинграда с Аней. Припадок на вокзале. Провожающие. «Перекрестите и меня» <...>

Альпы. Трясет, как никогда, в вагоне. Зимой зрелище мрачное. Снова вспоминаю сон 30 авг<уста> о хаосе. Скорость самолетная. Мне — дурно...»

Исправление в строке 3: «И [сговариваются] шушуются, словно». Видимо, предполагалась следующая строфа с рифмами: «[ат — Подозрительно покат.]», затем вычеркнутыми.

218 «И это станет для людей...» Впервые — «Бег времени». С. 391, под № 13 как заключительное в цикле «Шиповник цветет (Из Сожженной тетради)». Печ. по кн. «Бег времени».

Автограф РГАЛИ (РТ 115, л. 12 об.), в подборке «Два четверостишия из цикла «Шиповник цветет» (1. «Дорогою ценой и неожиданной...», которое в кн. «Бег времени» в цикл включено не было), с иной строкой 1: «И это будет для людей...» Строка 3: «А это было — только рана». Дата — 18 дек<абря> 1964. Рим. Ночь. В РТ 113, л. 64 под загл.: «Заключение цикла «Сожженная тетрадь».

В Риме Ахматова была в декабре 1964 г. в связи с вручением ей на Сицилии литературной премии «Этна-Таормина». См. также следующий коммент. *Веспасиан* Тит Флавий (9—79) — римский полководец и император, прославился терпимостью и щедростью, заботой об иску-

ствах и украшении Рима. Гонимыми при нем были греки-философы, которых он выславил из Рима.

219 Последний день в Риме. Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 58, публ. В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 311, под загл. «В Сочельник (24 декабря). Последний день в Риме». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113, л. 63 об.). Исправление в строке 7: «И [уже] совсем как отдельные весны».

Ахматова была в Риме по пути на Сицилию, где ей вручили 12 декабря 1964 г. премию «Этна Таормина», и на обратном пути из Катаньи, с 15 декабря, перед возвращением на родину. Впечатления от Рима записаны на л. 3—3 об.—4 той же тетради: «Рим. Первое ощущение чего-то огромного, небывалого торжества. Передать словами еще не могу, однако надежду не теряю. <...> Открытки в Ленинград — о могиле Рафаэля, о Via Appia, о конной статуе Марка Аврелия. В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной-Денницей) <...> Дорога в Рим трудная. Вчера стояла у другого моря — вспомнила то страшное, как бездну тумана. (А это была только Маркизова Лужа)». В Риме Ахматова как бы подводила итог прожитой жизни — вспоминала Ленинград и Финский залив, Бахчисарай и Севастополь, прощание там с Н.В. Недоброво, стихи В.К. Шилейко, ей посвященные. 20 декабря в Риме появляются две статьи о ней, для которых она давала интервью, вспоминая свой долгий жизненный путь, — «Литературный портрет. Три образа Ахматовой» Джанны Мандзини и «Арсенал любви» Адели Камбриа — газ. «Le monde», 20 декабря 1964. Ее волнует состояние здоровья Н.А. Ольшевской, только что перенесшей инсульт. В пись-

мах и открытках из Италии в Москву и Ленинград — описания Рима и сопоставления: «Сегодня полдня ездили по Риму, успели осмотреть многое снаружи, но красивее того розового дня на Суворовском ничего не было» (из письма А.Г. Найману). «А вот и наш Ленинград. Я — почти в Африке. Все кругом цветет, светится, благоухает. Море — лучезарное» (А.Г. Найману, на открытке с репродукцией картины А.П. Остроумовой-Лебедевой «Крюков канал») — (БО 2. С. 246—247).

220 (*Мэчэлли*) (*«Мы по ошибке встретили Год...»*). Впервые — БП. С. 311—312, под загл. «Из итальянского дневника (Мэчэлли)». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113, л. 7). Исправления строк:

4: [Эти несносные мы с тобой]

Как поменялись с кем-то судьбой

5: Лучше бы мы в небесном кремле

На л. 25 той же тетради: «Я вернулась из Рима. Кончился Шекспировски-Лермонтовский год (1964), приближается дантовский (1965)».

Мэчэлли — возможно, речь идет об улице в Риме — Via due Macelli — «Улица двух боен», которая находится рядом с площадью Испании, — открытку с видом площади Испании Ахматова послала 7 декабря 1964 г. из Рима в Ленинград А.Г. Найману.

221 *«Беспамятна лишь жизнь, — такой не назовем...»* Впервые — БО 2. С. 80, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 162 об.). Датируется по местоположению в тетради.

Возможно, четверостишие является развитием темы моностиха Ахматовой «Как жизнь забывчива, как памятьлива смерть...», над которой она работала на страницах той же тетради (л. 207—207 об.):

Как жизнь беспамятна, как памятьлива смерть...
С тех самых странных пор, как существует что-то
Ее неповторимая дремота
В назначенный вчера сегодня входит дом.

См. также коммент. к стихотворению «Как жизнь забывчива, как памятьлива смерть...».

222 «Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый...» Впервые — БО 2. С. 98, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 162 об.).

Речь идет о присуждении премии «Этна Таормина» и поездке в декабре в Италию, о выдвижении на Нобелевскую премию и намерении Оксфордского университета присудить Ахматовой почетную докторскую степень.

223 «Напрягаю голос и слух...» Впервые — БО 2. С. 97, с неверным прочтением строки 1: «Напряги и голос и слух», публикация М.М. Кралина. Дата — 1964 <?> — поставлена Ахматовой. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 221 об.), где записано среди деловых помет и стихотворений января 1965 г. Правка внесена в первоначальную редакцию, имеющую другой размер — пятистопный хорей:

Напрягаю слух,
Говорю с тобой, как с духом дух,
Я зову тебя — не дозовусь,
А со мною ветер, мрак и Русь...

Две последние строки — вариация одной из редакций стихотворения 1945 г. «Как у облака на краю...» из цикла «Синque», возникшей при его переработке для книги «Нечет».

Как зову и не дозовусь,
А со мной только мрак и Русь.

224 «Молитесь на ночь, чтобы вам...» Впервые — журн. «Юность». 1971. № 12. С. 64, публикация В.М. Жирмунского по автографу ИРЛИ. В БП. С. 320 — без даты; в БО 2. С. 106 условно датируется — 1960-е гг. Печ. по автографу из собрания Ардовых (РО ИРЛИ). Датируется условно — 1964 или началом 1965 г. — по содержанию двустушия.

Именно перед поездкой в Италию для получения премии «Этна Таормина» и во время торжественной церемонии вручения премии Ахматовой владели мысли о тщете славы.

В феврале 1965 г. Л.К. Чуковская записала рассказ Ахматовой о торжественном событии: «Когда она шла через проход посреди зала в том самом замке в Сицилии, где ее чествовали, она отыскивала глазами своих, то есть русских.

— Иду и озираю зал. Ищу наших, москвичей. Там ведь была и наша советская делегация. Смотрю — в одном ряду посреди зала, с самого края прохода сидит Твардовский. Шествую торжественно и бормочу себе под нос — тихонечко, но так, чтобы он слышал: «Зачем нянька меня не уронила маленькой? Не было бы тогда этой петрушки». Он, бедняга, вскочил и, закрыв рот ладонью, выскочил в боковую дверь: отсмеиваться... Не фыркать же тут, прямо в зале...

Я тоже чуть не выскочила в коридор! Воспринять величественную церемонию как «петрушку» — это могла только она, Ахматова» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 267—268).

225 Музыка. Впервые — в кн.: Кац В., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1979. С. 74, по автографу РГАЛИ; БО 2. С. 82, с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ. Датируется условно как перекликающееся по теме и настроению с другими обращениями Ахматовой к музыке (1964, 1965).

226 Из цикла «В пути». Впервые — БО 2. С. 81, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110, л. 222).

Ранняя редакция строк, исправленных автором:

3: [Предстал мне город тот] как будто во весь рост...

5: [Я ту увидела, что] завтра расцветет

7: [И я ей крикнула: Бери, лови...]

Впечатления от приезда в Венецию поездом из Сицилии Ахматова изложила Л.К. Чуковской: «Я спросила, писала ли она в Италии стихи.

— Кажется, нет... Как-то неясно... Написала одно, но оно лучше удастся в прозе.

Изложила свои ночные вагонные впечатления: сквозь мутное грязное стекло какой-то безобразнейший город с полицейскими фургонами, нищими, с неуклюжей дамбой.

— Этот город — Венеция. Утром поднимется солнце, и она опять станет нерукотворно-прекрасной. А ночью — такая» (Ч у к о в с к а я, 3. С. 269).

227 «Не напрасно я носила...» Впервые — БО 2. С. 99, публикация М.М. Кралина, с датой — 1965. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113, л. 9 об.). Уточнение даты — по местоположению в тетради среди записей февраля 1965 г. В конце последней строки в автографе нет точки.

..*Двадцать лет ярмо...* — Возможно, намек на двадцатилетний срок со дня первых встреч с И. Берлином в декабре 1945 г. и январе 1946 г. и последующих событий: постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» и травли. Поводом к написанию стихотворения могло послужить приглашение в Оксфорд для получения почетной докторской степени.

228 Вместо послесловия <К циклу «Полночные стихи»> («А там, где сочиняют сны...») Впервые — «Бег времени». С. 407, в качестве послесловия к циклу «Полночные стихи», дата — 1965. В БО 1. С. 298, дата — 4 мая 1965 г. по рукописи кн. «Бег времени». Печ. по кн. «Бег времени». Дата — по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 34), где первоначально озаглавлено «Из вереницы четверостиший», затем «Вместо послесловия», с уточнением после текста: «[Может быть] это послесловие «Полночных стихов». Разночтения и исправления в строках:

1: [Но] И там, где сочиняют сны

2: [На двух нас] Обоим разных не хватило

3: Один мы видели — но сила

229 «Для суда и для стражи незрима...» Впервые — БО 2. С. 99, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 46). Датируется по местоположению в тетради среди записей, связанных с поездкой в Оксфорд для получения почетной степени доктора и относящихся к маю — июню 1965 г.

230 *«То лестью новогоднего сонета...»* Впервые — БО 2. С. 99, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113, л. 33). Датируется по местоположению в тетради.

То лестью новогоднего сонета, // Из каторжных полученного рук. — Можно предположить, что Ахматова пишет о «Сонете», который посвятил ей Иосиф Бродский в декабре 1964 г. Бродский по приговору суда был выслан в село Норенское Архангельской области, где был обязан работать в колхозе. Сонет имеет эпиграф: «Седой венец достался мне не даром... Анна Ахматова». Из текста ясно, что это новогодний подарок; есть в нем и элемент «лести» — восторженного поклонения:

Выбрасывая на берег словарь,
злоречьем торжествуя над удушьем,
пусть море осаждает календарь
со всех сторон: минувшим и грядущим.
Швыряя в стекла пригоршней янтарь,
осенним днем за стеклами ревушим,
и гребнем, ослепительно цветущим,
когда гремнит за окнами январь,
захлестывая дни, — пускай гудит,
сжимает сердце и в глаза глядит.
Но, подступая к самому лицу,
оно уступит в блеске своенравном
седому, серебристому венцу,
внесенному над тернием и лавром!

(Сочинения Иосифа Бродского: В 4 т. Т. 1.
СПб., 1992. С. 374.)

На майские праздники 1965 г. И.А. Бродский приезжал в Ленинград из села Норенского, был у Ахматовой в Комарове — он мог лично вручить Ахматовой новогодний сонет: («Из каторжных полученного рук»). Ах-

матова рассказывала об этом визите Л.К. Чуковской: «Вы знаете, конечно, что в Ленинград приезжал Иосиф? Приезжал на майские праздники. Два дня назад сидел напротив меня вот на том самом стуле, на котором сейчас сидите вы... Все-таки хлопоты наши не даром — «где это видано, где это слыхано?», чтобы из ссылки на несколько дней отпускали преступника погостить в родной город?..» (Ч у к о в с к а я. З. С. 279). *То голосом бес- смертного квартета...* — Если принять предположение, что четверостишие Ахматовой написано в мае 1965 г., то можно сопоставить эту строку со следующей записью в ее рабочей тетради: «Сегодня, 16-го мая, для нашего квартета знаменательный день: мы играли для Анны Андреевны 9-ый квартет Шостаковича

Соломон Волков

Виктор Киржаков

Валерий Коновалов

Станислав Фирлей» (РТ 113, л. 53, РГАЛИ).

Запись рукой Соломона Волкова.

231 *«Не в таинственную беседку...»* Впервые — газ. «Ленинградская правда». 1989. 29 января. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 82). Обращено к И. Берлину, с которым Ахматова встретилась в Оксфорде и Лондоне в июне 1965 г. в дни торжественного вручения ей почетной степени доктора Оксфордского университета. Задумано после посещения Ахматовой дома И. Берлина и его супруги леди Элин Берлин (урожд. баронессы Гинзбург) близ Оксфорда. По свидетельству сэра И. Берлина, слова «Золотая клетка!» Ахматова произнесла, войдя в холл его оксфордского дома и оглядывая стены, увешанные картинами великих художников. Поводом к написанию, возможно,

послужили беседы и письма, касающиеся И. Берлина, — см. об этом в дневниковых записях Ахматовой: «19-ое июля 1965. Комарово. Сегодня была у Шостаковича. <...> Говорили про Оксфорд и сэра Исаяю <...> 23 июля. Вернулась из города. <...> Там были, весьма кстати, парижские Воронцовы — друзья оксфордских Оболенских. 24 июля. Сегодня Исаяя завтракает у Саломеи, о чем я узнаю только 6 авг<уста> из милого письма самой Соломки. Как странно, что теперь я могу до мелочей представить себе этот завтрак в Chelsea, большую кухню-столовую, беседу обо мне и розы в садике» (РТ 114, л. 79).

232 «Пускай австралийка меж нами незримая сидит...» Впервые — БО 2. С. 81, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115, л. 32).

По свидетельству А.Г. Наймана, речь идет об австралийской поэтессе Джудит Арунделл Райт (р. 1915), стихи которой Ахматова и Найман читали в августе 1965 г.

233 «Я там иду, где ничего не надо...» Впервые — журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 164; БП. С. 317, публикация В.М. Жирмунского по автографу в собрании А.Г. Наймана, в другой редакции. Строки:

- 1: А я иду, где ничего не надо
- 3: И веет ветер из глухого сада
- 4: А под ногой холодная ступень

Вариант строки 4: «А под ногой могильная ступень». Без даты. В БО 1. С. 302 — дата — 1964. Строка 4: «А под ногой могильная сирень». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 188), где записано начисто, без названия и даты, среди записей 1965 г.

Является частью разработки Ахматовой «дантовской» темы. Публикуемая нами редакция, где говорится о *первой ступени* под ногой смертного, идущего в «*другой сад*», где его *милым спутником* будет только тень, представляется наиболее законченной и «очищенной» от излишне конкретных «реалий» (*глухой сад, могильная ступень или сирень*). Мотив «милого спутника» — адресация к сюжету «Божественной комедии» Данте. Вместе с тем можно отыскать связь образа «первой ступени» (*холодной ступени, могильной ступени*) с конкретным эпизодом восхождения тяжело больной Ахматовой на лестницу в Палаццо Урсини в Катанье, где происходило торжественное чествование ее как лауреата премии «Этна Таормина»: на том же листе, где записано четверостишие, рукой Ахматовой: «...а два иностранца» (поляк («Политика») и болгарин) в печати вспоминают лестницу в Palazzo Ursini в Катанье, на которую Ахматова» взойшла как ни в чем не бывало» (л. 188).

В РТ 116, л. 9 (РГАЛИ) есть запись, которую можно рассматривать как продолжение работы над четверостишием: вверху страницы — как бы название или первая строка: «Я там иду». Далее — деловые заметки «Кому дать книгу в Ленинграде», относящиеся к 1965 г., после чего следует незавершенное четверостишие, возможно, являющееся продолжением первого: «И никогда здесь не наступит утро...» — см. коммент. к следующему стихотворению.

234 «И никогда здесь не наступит утро...» Впервые — сб. «Встречи с прошлым». С. 393, публикация Е.И. Лямкиной. В БО 2. С. 101 — публикация М.М. Кралина, начиная со строки: «Я там иду» — по автографу РГАЛИ (РТ 116, л. 9). Печ. по этому автографу.

Слова «Я там иду» написаны вверху листа 9, после них следует текст деловой заметки: «Кому дать книгу в Ленинграде. 1. Добину. 2. О.А. Ладыж<енской>. 3. А. Срезневскому» — и только после этого записано незавершенное четверостишие с отсутствующей второй строкой. Возможно, этот текст является продолжением стихотворения «Я там иду, где ничего не надо...», записанного в РТ 114, л. 188 (см. предыдущий коммент.). В этом случае полный текст незавершенного наброска должен читаться:

Я там иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
Где веет ветер из другого сада,
А под ногою первая ступень.
И никогда здесь не наступит утро.

Луна — кривой обломок перламутра —
Поконится на влажной черноте.

235 «Истранный спутник был мне послан адом...» Впервые — БП. С. 315, публикация В.М. Жирмунского по автографу РНБ, с неверным прочтением последней строки: «Безумие и мудрость были в нем тлетворны»; БО 2. С. 103, публикация М.М. Кралина по тому же автографу, с датой — 1960-е годы. Печ. по автографу РНБ. Датируется условно по содержанию незавершенного отрывка. Можно предположить, что он связан с двумя предыдущими набросками, написанными на ту же тему и тем же размером (пятистопным ямбом): «Я там иду, где ничего не надо...» и «И никогда здесь не наступит утро...» (см. предыдущие коммент.).

236 «Кто тебя мучил такого...» Впервые — «Записные книжки». С. 714. Печ. по автографу РГАЛИ

(РТ 114, л. 237). Отклик на стихотворение А. Наймана, записанное в этой же тетради на предыдущем листе (л. 236) и имеющее дату — ноябрь 1965: «После последней ссоры // больше уже не мучь...»

237 «Что там хлопотало за дверью стеклянной...» Впервые — БО 2. С. 101, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 191).

Написано в Боткинской больнице, где Ахматова лежала после четвертого инфаркта миокарда. Уточнение даты — по содержанию и по местоположению в тетради, где находятся дневниковые записи о состоянии здоровья: «10 дек<абря>. Опять по совету врачей пыталась спать на спине. Задыхаюсь. На<до> мной черная туча болезни и немощи» (л. 183). «28 декабря 1965. Больница. <...> Попытка поднять меня сегодня (второй раз) кончилась неудачей: влажный лоб, дурнота и трехчасовой мертвый сон. В Гавани так не было. <...>» (л. 186). «3 января <...> Беседа с Лар<исой> Алекс<еевной> (врач) о моей болезни. Она почти признает чудо. <...> Она так же, как сестры и сиделки, с ужасом говорит о моем дых<ании> первых дней» (л. 189—190).

238 «А как музыка зазвучала...» Впервые — «Новый мир». 1969. № 6. С. 243, публикация В.М. Жирмунского; то же — БП. С. 319, без даты. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 197). Датируется по местоположению в тетради, где записано среди заметок, писем и дневниковых записей (от 19 января 1966 г.), сделанных в Боткинской больнице в Москве, где Ахматова лежала с 7 ноября 1965 по 19 февраля 1966 г. после инфаркта миокарда. В той же тетради ранее (л. 106) на странице

с записями от 10 октября 1965 г., Москва — две строки ранней ред.:

Скоро будет с обратным визитом
Государыня-смерть сама...

В БО 1. С. 303, в Соч., 1986. С. 342 и ряде других изданий строка 2 печаталась иначе:

Я очнулась — вокруг зима.

239 Музыка («Сама себя чудовищно рождая...»). Впервые — БО 2. С. 81, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 92).

Вариант строки 4: «Добра и зла, [геенны огненной] и рая». Пятистишие записано без даты, в тетради 1965 г. Датируется по местоположению в этой тетради.

240 «Музыка могла б мне дать...» Впервые — Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1989. С. 74, по автографу в собрании М.С. Лесмана; БО 2. С. 345. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом).

241 «Я у музыки прошу...» Впервые — Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. С. 74, по автографу в собрании М.С. Лесмана (Фонтанный Дом); БО 2. С. 345. Печ. по автографу в собрании М.С. Лесмана.

242 «Сама Нужда смирилась наконец...» Впервые — БО 2. С. 102, публикация М.М. Кралина. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114, л. 225).

Двустилие записано вверху страницы, на которой записи от 16, 17, 18 февраля 1966 г., последних дней пребывания Ахматовой в Боткинской больнице.

ДОПОЛНЕНИЯ К ТОМУ 1

245 *«...По валам старинных укреплений...»* Печ. по автографу РНБ: запись по памяти варианта стихотворения «Стал мне реже сниться, слава Богу...» (см. т. 1. С. 99) — строки 11—12 и строфа 2 как заключительная с датой — 1909. Киев. Под загл. «Отрывок из забытого стихотворения».

Автограф среди набросков прозы о Мандельштаме.

246 *Дифирамб («Зеленой той весны не бывало еще во вселенной...»)*. Печ. по автографу из собрания М.С. Лесмана (Фонтанный Дом). Записаны только загл. и первая строка. На л. 1 об. — перечень карандашом: «Из первой тетради».

1909

И когда друг друга...
 Interieur
 Словно тяжким
 Ночь моя...
 Глаза безумные твои..
 На землю саван.

По-видимому, стихотворение «Дифирамб» Ахматова не вспомнила. Загл. и единственная строка записаны на листе после полного текста стихотворения «Глаза безумные твои...» (см. т. 1. С. 23).

247 [А.А. Смирнову] («Когда умрем, темней не станет...»). Впервые — в статье Р.Д. Тименчика «Анна Ахматова и Пушкинский Дом» в кн.: «Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография». Л.: «Наука». 1982. С. 110, со ссылкой на С. Дедюлина, сообщившего этот текст. Автограф — на книге «Четки», изд. 2-е.

Смирнов Александр Александрович (1883—1962) — литературовед, переводчик.

248 Александру Блоку («От тебя приходила ко мне тревога...»). Впервые — журн. «Русская литература». 1970. № 3. С. 61, публикация В.М. Жирмунского. Дарственная надпись на книге «Четки», которую Ахматова послала Блоку 24 или 25 марта 1914 г. В т. 1. надпись опубликована в коммент. к стихотворению «Я пришла к поэту в гости...». С. 774.

249 Белая ночь («Небо бело страшной белизною...»). Впервые — «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни». 1917. № 7. С. 3. Автограф с датой — РГАЛИ. ф. 13, е.х. 77. Печ. по этому автографу. В БП. С. 281—282 — дата — 17 июня 1914. Слепнево. В БО. 2. С. 27—28 — правильная дата — 7 июня 1914. Слепнево.

Под иссохшей этою луною // Ничего уже не заблестит. — Переключка со строкой М.Ю. Лермонтова: «Под луной кремнистый путь блестит...» из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...». В январе 1940 г. Ахматова предполагала включить это стихотворение в сб. «Из шести книг» — в числе тех «старых, давних, которых когда-то нельзя было»: «Песенка», «Я и плакала,

и каялась», «Я не любви твоей прошу», «Небо бело страшной белизною» (Ч у к о в с к а я, 1. С. 72).

250 «Я в этой церкви слушала Канон...» В т. 1. С. 322 стихотворение опубликовано с прочерком в строке 8; восстанавливаем строку 8 по автографу в собрании Аркадия Михайловича Луценко (СПб.).

ДОБАВЛЕНИЯ К КОММЕНТАРИЯМ ТОМА 1

1—706 «Тебе, Афродита, слагаю танец...» В автографе РГБ, где это стихотворение приложено к письму Ахматовой к В.Я. Брюсову от ноября 1910 г., строка 10 имеет два варианта; строки 9—10:

Скольжу и кружусь в заревом бессилье.
Богиня! Тебе мой гимн.

Или:

«Богиня! Покинь Олимп!»

1—863 «Не чудо ли, что знали мы его...» В РГАЛИ, ф. 2833 В.Н. Орлова, оп. 1. е.х. 371, л. 133 — строка 1 «Не чудо ли...» зачеркнута, рукой Ахматовой (?) вписан вариант: «Не странно ли...»

1—899 «Зачем вы отравили воду...» Впервые — Eng-Liedmeier, Verheul. P. 49, с неточностями; поправки М.Б. Мейлаха — журн. «Russian Literature». Париж; Гаага. 1974. № 7—8. P. 210.

1—906 Немного географии («Не столицей европейской...»). Впервые — в кн. «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам. Нью-Йорк, 1970. С. 337, с неточностями; ВРСХД. 1970. № 97. С. 136, публикация Н.А. Струве; другие публикации — Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. I. Париж, 1976. С. 65; в кн. «Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках». М.: «Наука», 1979. С. 351, публикация Т.В. Цивьян.

1—907 «За такую скоморошину...» Печ. также: Eng-Liedmeier, Verheul. P. 51, с датой — 1942 и пропуском слова; поправка М.Б. Мейлаха — журн. «Russian Literature». 1974. Париж; Гаага. № 7—8. С. 210; «Памяти Анны Ахматовой». С. 24 с датой — 1937, публикация Л.К. Чуковской.

**1—908 «Подражание армянскому» («Я при-
снюсь тебе черной овцой...»).** Впервые — журн. «Радио и телевидение». 1966. № 13. С. 15, публикация В. Скороденко; Соч. 2., С. 139; «Памяти Анны Ахматовой». С. 17; Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. Париж, 1980. С. 511; газ. «Коммунист». Лиепая. № 172. 8 сентября 1979 г., в статье С. Дедюлина «От Либавы до Владивостока...».

1—915 Ответ («И вовсе я не пророчица...»). Впервые — ВРСХД. 1971. № 101—102. С. 230, публикация Н.А. Струве.

1—918 «С Новым Годом! С новым горем!...» Печ. также в кн.: Чуковская Л.К. «Записки об Анне

Ахматовой». Т. 1. Париж, 1976. С. 218; в статье С. Дедюлина «Finland i Anna Achmatovas poesi» в журн. «Rysk Kulturrevy», Bromma. № 4. 1979. S. 9.

1—916 *Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...»)*. Впервые — журн. «Юность», 1968. № 3. С. 77, с датой — 1959. Январь. Ленинград. Строки 5—7:

Я притворилась смертною зимой
И вечные навек закрыла двери,
Но всё-таки узнают голос мой

1—919 *Подвал памяти («Но сущий вздор, что я живу грустя...»)*. Впервые — журн. «Москва». 1966. № 6. С. 157, публикация Л.К. Чуковской. Ее же публикации — «Памяти Анны Ахматовой». С. 20 и «Записки об Анне Ахматовой». Т. 1. Париж, 1976. С. 230 — 231; БП. С. 196, публикация В.М. Жирмунского.

1—925 *«Так отлетают темные души...»* Впервые — журн. «Радио и телевидение». 1966. № 13. С. 15, публикация В. Скороденко; Соч., 2. С. 139—140.

1—931 *«Вот это я тебе, взамен могильных роз...»* Печ. также: Соч., 2. С. 141—142; «Избранное», 1974. С. 452, публикация Н. Банникова; БП. С. 289, публикация В.М. Жирмунского; Соч., 3. С. 54—55.

1—935 *Стансы («Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь...»)*. Впервые — ВРСХД. 1969. № 93. С. 15, публикация Н.А. Струве; Eng-Liedmeier. Verheul.

1973. Р. 50, без загл., с ошибкой. Поправка М.Б. Мейлаха — журн. «Russian Literature». Париж; Гаага. 1974. № 7—8. С. 210. В кн. Л.К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой». Т. 2. Париж, 1980. С. 500 — другой вариант.

1—940 *«И вот, наперекор тому...»* Впервые — Eng-Liedmeier, Verheul. Р. 50 — без эпиграфа, с неточностями. Поправки М.Б. Мейлаха — журн. «Russian Literature». 1974. № 7—8. С. 210. Печ. также в кн. Л.К. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой». Т. 1. Париж, 1976. С. 105.

1—941 *Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...»)*. В автографе РГАЛИ, ф. 13, оп. 1, е.х. 48 — загл. «Третий Зачатьевский 1918». Варианты строк и знаков препинания после строки 6:

Как по правой руке — пустырь,
А по левой руке — монастырь,
А напротив высокий клен
Красным заревом обагрел, —
А напротив высокий клен
Ночью слушает долгий стои:
Мне бы тот найти образок,
Оттого, что мой близок срок,
Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы Невской воды — глоток...

Дата — 1940.

1—942 *Август 1940 («Когда погребают эпоху...»)*. Так вот — над погибшим Парижем... — В 1940 г. было написано стихотворение Н. Тихонова «Ночь» («Спит городок спокойно, как сурок» — о городе Пушкин (Цар-

ское Село), последние строки которого близки к ахматовским (может быть, свидетельствуют о знакомстве Тихонова с ахматовским текстом):

<...> Все спит в оцепенении одном,
И даже вы — меня сон за сном.
А я зато в каком-то чудном гуле
У темных снов стою на карауле
И слушаю: какая в мире тишь.
...Вторую ночь уже горит Париж.

(Т и х о н о в Н. Стихи и проза. М., 1945. С. 54.)

Впервые опубли. в журн. «Звезда». 1945. № 8. С. 2, в подборке: «Из стихов сорокового года».

1—944 «Соседка из жалости — два квартала...»
Печ. также: Соч.; 2. Вкладка.

1—946 Предыстория («Россия Достоевского. Луна...»). Печ. также в кн. «Стихотворения», 1958. С. 82—84, с датой — 1945, варианты строк:

12: Прикинуться старинной литографией
28: Не с всяким местом сговориться можно

В кн. «Стихотворения», 1961. С. 232—235 с той же датой — 1945, строки:

12: Казаться литографией старинной
28: Не с каждым местом сговориться можно

Печ. по кн. «Стихотворения», 1961.

1—949 «Один идет прямым путем...» В автографе РГАЛИ (ф. 13, оп. 1, е.х. 48) под загл. «Из заветной тетради». Разночтения в пунктуации. Строки 3—6:

И ждет возврата в отчий дом, —
 Ждет прежнюю подругу
 А я иду — за мной беда —
 Не прямо и не косо,

Дата — 1940. Фонтанный Дом. На том же листе —
 «Что войны? Что чума?..», дата — 1961.

DUBIA

252 «Ты к морю пришел, где увидел меня...» Впервые — журн. «Горница». Новосибирск. 1997. № 2. С. 92, публикация С.А. Савченко. Владелец автографа — сибирский коллекционер Станислав Алексеевич Савченко — высказывает сомнение в дате и указывает на перекличку образов («мотивов») стихотворения со стихотворением Ахматовой «Летний сад» (1959). При публикации воспроизведен автограф Ахматовой, почерк которого вызывает сомнения в принадлежности записи Ахматовой и требует специальной экспертизы.

253 «Еще к этому добавим...» Впервые — в статье Р.Д. Тименчика и А.В. Лаврова «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г.», 1976. С. 59, то же — Соч., 3. С. 117. Печ. по списку рукой Владимира Васильевича Гиппиуса (1876—1941) — поэта и литературоведа, участника Первого Цеха поэтов (1911—1914) — РО ИРЛИ (ф. 47, оп. 4, д. 4).

Является частью одного из шуточных стихотворений, которые сочиняли участники Первого Цеха поэтов. Относится, по-видимому, к 1912 г. В.В. Гиппиус вспомнил не-

сколько четверостиший, в которых посетители заседаний Цеха «прославляли» друг друга. Среди прочих — четверостишие М.Л. Лозинского, обращенное к Ахматовой:

Я — Ахматовой покорен.
Шарм Аннеты необорен,
Милой цеховой царевны
Анны дорогой Андревны.

Еще одно обращенное к Ахматовой стихотворение — Нарбута — начинается строками:

Крючконосою Ахматовой
Все у нас пьяным-пьяно <...>

Среди других авторов — С. Городецкий, А.Н. Толстой. Все стихотворения крайне низкого художественного качества; авторство, в том числе Ахматовой, сомнительно. Однако крупнейший знаток творчества и хранитель архива М.Л. Лозинского, И.В. Платонова-Лозинская, приводит убедительное доказательство возможной принадлежности Лозинскому четверостишия «Я — Ахматовой покорен»: употребление в нем слова «необорен» характерно для Лозинского, оно встречается, в частности, в его переводе «Божественной комедии» Данте:

Так предо мной, стеная, неся круг
Теней, гонимых вьюгой необорной.

(«Ад», гл. 5. С. 48—49.)

Аничков — по-видимому, Евгений Васильевич Аничков (1866—1937), поэт и литературовед, автор книги «Новая русская поэзия» (Берлин, 1923), в которой говорилось, в частности, и об Ахматовой (С. 48, 113—119) и которую она включила 22 мая 1965 г. в свою библиографию (см. РТ 114. С. 43).

Самочиркой золотой — видимо, имеется в виду авторучка с золотым пером (ср.: самописка).

254 Юдифь. Впервые — журн. «Автограф». СПб. 1998. № 3. С. 11—12 и 14—15, публикация А.М. Луценко по автографу из своего собрания. Печ. по этой публикации.

Первые восемь строк этого стихотворения были опубликованы (с неточностями) после доклада А.М. Луценко без его разрешения в газете «Известия». 1997. 18 июля. См. об этом в т. 1. С. 873—874.

О возможном существовании у Ахматовой стихотворения «Юдифь» было известно из дневника К.И. Чуковского (Ч у к о в с к и й К. Дневник. 1901—1929 гг. М.: Сов. писатель, 1991. Т. 1. С. 203). Однако Ахматова никогда не писала об этом стихотворении и не включала его (ни по названию, ни по какой-либо отдельной строке) в перечни своих стихов, в том числе в цикл «Библейские стихи». Характер почерка (текст воспроизведен на с. 11—12 журн. «Автограф») и художественная слабость вызывают сомнение в принадлежности «автографа» Ахматовой.

256 «Прикована к смутному времени...» Впервые в настоящей редакции — журн. «Автограф». СПб. 1998. № 3. С. 17 и 20, публикация А.М. Луценко по автографу из своего собрания. Печ. по этой публикации.

Является полным текстом стихотворения «Я знаю, с места не сдвинуться...» 1937 г. (см. т. 1. С. 436). О существовании первой строфы этого стихотворения и о том, что Ахматова ее забыла и старалась вспомнить, прося помочь ей в этом Л.К. Чуковскую, известно из дневника Л.К. Чуковской (запись от 30 июня 1955 г. об их беседе,

которая происходила 28 июня): «В машине случился смешной эпизод: она прочитала мне одно свое давнее стихотворение, которого я никогда не слыхала. Кажется, так:

Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

И дальше:

С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать

Жалуясь, что безнадежно забыла какие-то первые четыре строки, Анна Андреевна потребовала, чтобы я их вспомнила. Я ей толкую: это стихотворение вы мне сейчас прочитали в первый раз! А она повторяет:

— Ну постарайтесь... пожалуйста... припомните... Я вас прошу... Тут не хватает всего только четырех строк... Для вас это пустяки. Вы — моя последняя надежда» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 149—150).

В публикуемом А.М. Луценко тексте поправка в строке 14:

В [мо<сковском>?] навозном снегу тонуть.

Сомнения вызывает характер почерка публикуемого автографа, а также написание строки 6: в автографе РНБ слово «Виевых» Ахматова пишет с заглавной буквы, так же, как слова Под Троицу. С заглавной буквы Ахматова часто писала не только имена собственные, но и прилагательные, образованные от имен собственных.

257 «Нет, с гуртом гонимым по Ленинке...» Впервые — журн. «Автограф». СПб. 1998. № 3. С. 7 и 10,

публикация А.М. Луценко, по автографу из своего собрания. Печ. по этой публикации.

Расширенный вариант трехстишия Ахматовой «...Оттого, что мы все пойдем...», подаренного ею Н.И. Харджиеву (см. т. 1. С. 421). Посвящение О.М. — Осипу Мандельштаму, дата — 30-е годы. Сомнение вызывает характер почерка — «автограф» воспроизведен на с. 7., а также написание слова «Есенинке» — в автографе Харджиева отчетливо читается «Есененке» и проставленные точки над е—ё (пять раз), чего обычно Ахматова не делала.

258 Из Ленинградских элегий («О! Из какой великолепной тьмы // Тебя я повстречала на пороге...»). Впервые — журн. «Автограф». СПб. 1998. № 3. С. 21 и 23—24, публикация А.М. Луценко по автографу из своего собрания. Без даты. Подпись: А. Варианты строк 11—14:

_____ такой непоправимой жажды
Я наяву слышала в тоске
Далекий голос, но не из могилы,
А снова как тогда апрельский милый

По мнению А.М. Луценко, вероятнее всего, сонет написан в 1945 г. и «героем его является Исайя Берлин» (С. 25). Одним из доказательств авторства Ахматовой А.М. Луценко считает совпадение первой строки стихотворения с первой строкой наброска, сохранившегося в бумагах М.С. Лесмана, — «Из Ленинградских элегий» («О! Из какой великолепной тьмы...») — см. «Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана». С. 281.

Сомнение вызывает характер почерка — автограф воспроизведен на с. 21, а также неумелость построения сонета,

которая едва ли могла быть допущена Ахматовой даже в черновом наброске, путаница в терминах — элегия, сонет (произведение в жанре «элегия» Ахматова едва ли стала бы воплощать в форму сонета), эпитет «апрельский милый» применительно к И. Берлину, которого она впервые увидела в декабре—январе, а в 1956 г. (не «увидела», а лишь слышала) в августе и т.д. Апрель мог быть связан в поэтических воспоминаниях Ахматовой с образом Н.С. Гумилева (в апреле происходило их венчание), но определение «апрельский милый» никак не могло быть применено к Гумилеву в силу особого характера их отношений. Датируем набросок условно — 1945—1956 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Летний сад («Я к розам хочу, в тот единственный сад...»)	7	315
Поэт («Подумаешь, тоже работа...»)	8	316
Читатель («Не должен быть очень несчастным...»)	9	318
Лишняя <Из цикла «Песенки»> («Тешил — ужас. Грела — вьюга...»)	11	319
«Когда уже к неведомой отчизне...»	12	320
Скорость («Бедствие это не знает предела...»)	13	320
Бреды («Самолет приблизился к Парижу...»)	14	320
«И черной музыки безумное лицо...»	15	320
«Но тебе не дала я кольца...»	16	321
Четыре времени года («Сегодня я туда вернусь...»)	17	321
«Не страдай меня грозной судьбой...»	18	322
«Что ты можешь еще подарить?..»	19	323
Творчество («...говорит оно...»)	20	324
Наследница («Казалось мне, что песня спета...»)	21	324
«Вам жить, а мне не очень...»	22	325
«Ты первый сдался — я молчала...»	23	326
Из цикла «Ташкентские страницы» («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»)	24	326
Последнее стихотворение («Одно, словно кем-то встревоженный гром...»)	26	334

«Я давно не верю в телефоны...»	28	335
Посвящение цикла. «Из сожженной тетради»		
(«Вместо праздничного поздравленья...»)	29	335
«И отнять у них невозможно...»	30	336
«Неправда, не медный, неправда, не звон...»	31	338
«Как слепоглухонемая...»	32	338
«Мне веселее ждать его...»	33	339
«Это и не старо, и не ново...»	34	339
Из набросков («Даль рухнула, и пошатнулось время...»)	35	340
Прощальная <Из цикла «Песенки»> («Не смеялась и не пела...»)	36	342
«...Но в мире нет власти...»	37	344
«Не давай мне ничего на память...»	38	344
«Там оперный еще томится Зибель...»	39	344
Отрывок («Так вот где ты скитаться должна...») ..	40	344
Мелхола («И отрок играет безумцу царю...»)	42	345
«Тебя прямо музыку спрячу...»	44	350
«И в недрах музыки я не нашла ответа...»	45	350
«Это ты осторожно коснулся...»	46	351
«Хвалы эти мне не по чину...»	47	352
«На свиданье с белой ночью...»	48	353
«Не лги мне, не лги мне, не лги мне...»	49	354
«Я бросила тысячи звонниц...»	50	354
«...и это грозило обоим...»	51	354
«Нужен мне он или не нужен...»	52	354
«Там завтра мое улыбаясь сидело...»	53	354
Городу («Весь ты сыгранный на шарманке...»)	54	354
«Не то чтобы тебя ищу...»	55	355
«Всех друзей моих благодарю...»	56	355
«Там зори из легчайшего огня...»	57	355
«Ты, крысоловней дудкою маня...»	58	355

«Снова ветер знойного июля...»	59	356
[Ташкент] («Затворилась навек дверь его...»)	60	356
«И от Царского до Ташкента...»	61	356
«Без крова, без хлеба, без дела...»	62	357
«И не дослушаю впотьмах...»	63	357
«И прекрасней мраков Рембрандта...»	64	357
«Мне безмолвие стало домом...»	65	358
«Ты не хотел меня такой...»	66	359
«О, как меня любили ваши деды...»	67	359
«И по собственному дому...»	68	360
«И юностью манит, и славу сулит...»	69	360
Мартовская элегия («Прошлогоднихсокровищ моих...»)	71	361
«Смирение! — не ошибись дверьми...»	72	361
«И опять по самому краю...»	73	362
Смерть поэта («Умолк вчера неповторимый голос...») ..	74	362
«Словно дочка слепого Эдипа...»	75	364
«Хулимые, хвалимые!..»	76	365
«Шутки — шутками, а сорок...»	77	366
«И меня по ошибке пленило...»	78	366
«И в памяти черной, пошарив, найдешь...»	79	367
Самой Поэме («Ты растешь, ты цвешь, ты — в звуке...»)	80	368
Сонет-Эпилог («Не пугайся, — я еще похожей...») ..	81	368
Эхо («В прошлое давно пути закрыты...»)	82	372
Муза («Как и жить мне с этой обузой...»)	83	372
«Моею Музой оказалась мука...»	84	373
Памяти Анты («...Пусть это даже из другого цикла...»)	85	373
«Кто его сюда прислал...»	86	374
«И луковки твоей не тронул золотой...»	87	374
«И жесткие звуки влажнели, дробясь...»	88	375

«И это б могла, и то бы могла...»	89	376
«Вы чудачки, вы лучший путь...»	90	376
«Ни вероломный муж, ни трепетный жених...»	91	376
«От этих антивстреч...»	92	376
«...горчайшей смерти чашу...»	93	377
Подражание Кафке («Другие уводят любимых...») .	94	377
«...что с кровью рифмуется...»	96	380
Петербург в 1913 году («За заставой воет шарманка...»)	97	380
«Слышишь, ветер поет блаженный...»	98	383
Конец Демона («Словно Врубель наш вдохновенный...»)	99	383
«...И теми стихами весь мир озарен...»	100	384
«Если б все, кто помощи душевной...»	101	384
«А я говорю, вероятно, за многих...»	102	385
Сожженная тетрадь («Уже красуется на книжной полке...»)	103	386
Сосны («Не здороваются, не рады!..»)	104	387
«Как будто я все ведала заранее...»	105	387
«И анютиных глазок стая...»	106	388
«Прав, что не взял меня с собой...»	107	388
Бег времени («Что войны, что чума! — конец их виден скорый...»)	108	389
«Так не зря мы вместе бедовали...»	109	390
«Хозяйка румяна, и ужин готов...»	110	391
«Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...» . .	111	392
Почти в альбом («Услышишь гром и вспомнишь обо мне...»)	112	392
«Угощу под заветнейшим кленом...»	113	394
Царскосельская ода. <i>Девятисотые годы</i> («Настоящую оду...»)	114	395
«Всем обещаньям вопреки...»	116	398

Выход книги («Тот день всегда необычаен...»)	117	399
Александр у Фив («Наверно, страшен был и грозен юный царь...»)	118	400
Нас четверо (<i>Комаровские наброски</i>) («...И отступилась я здесь от всего...»)	119	401
Родная земля («В заветных ладанках...»)	120	402
«Больничные молитвенные дни...»	121	404
Слушая пение («Женский голос, как ветер, несется...»)	122	404
«Недуг томит — три месяца в постели...»	123	405
«И музыка тогда ко мне...»	124	405
К стихам («Вы так вели по бездорожью...»)	125	406
«Не знаю, что меня вело...»	126	406
«Что таится в зеркале? — Горе...»	127	407
«Ромео не было, Эней, конечно, был...»	128	407
«И было сердцу ничего не надо...»	129	407
«Как зеркало в тот день Нева лежала...»	130	408
Почти в альбом («...и третье, что нами владеет всегда...»)	131	408
«О своем я уже не заплачу...»	132	409
«Что у нас общего? Стрелка часов...»	133	410
Последняя роза («Мне с Морозовой класть поклоны...»)	134	410
«И северная весть на севере застала...»	135	412
«...полупрервана беседа...»	136	413
«Вот она, плодоносная осень!..»	137	413
Защитникам Сталина («Это те, кто кричали: «Варраву!..»)	138	415
Еще об этом лете. Отрывок («И требовала, чтоб кусты...»)	139	418
«А тебе еще мало по-русски...»	140	418
Через много лет. Последнее слово («Ты стихи мои требуешь прямо...»)	141	419

«Все это было — твердая рука...»	143	422
«Если бы тогда шальная пуля...»	144	422
«Спасали всегда почему-то кого-то...»	145	422
«Путь мой предсказан одною из карт...»	146	422
«Поэт не человек, он только дух...»	147	423
«Твой месяц май, твой праздник — Вознесенье...» .	148	423
(«Иеремия» Стравинского) («И вот из мрака встает одна...»)	149	424
«Там такие бродят души...»	150	425
«Так скучай обо мне поскучнее...»	151	425
«Не находка она, а утрата...»	152	425
«Превращая концы в начала...»	153	425
«Так уж глаза опускали...»	154	426
«Все в Москве пропитано стихами...»	155	426
«Кого просить, куда бежать...»	156	427
Предвесенняя элегия («Меж сосен метель присмирела...»)	157	427
«Взоры огненной огня...»	158	437
Через 23 года («Я гашу те заветные свечи...»)	159	439
Первое предупреждение («Какое нам, в сущности, дело...»)	160	442
«Запад клеветал и сам же верил...»	161	443
«...и умирать в сознаньи горделивом...»	162	445
«Но мы от этой нежности умрем...»	163	446
Зов («И в предпоследней из сонат...»)	164	447
В Зазеркалье («Красотка очень молода...»)	165	450
Еще тост («За веру твою и за верность мою...») . . .	166	453
И последнее («Была над нами, как звезда над морем...»)	167	455
Сонет («Я тебя сама бы увенчала...»)	168	457
«Стряслось небывалое, злое...»	169	457
«Не с такими еще разлучалась...»	170	457

Пятая роза («Звалась Soleil ты или Чайной...»)	171	458
Тринадцать строчек («И наконец ты слово произнес...»)	173	460
«Разлука призрачна — мы будем вместе скоро...» . .	174	462
Вступление («Если бы брызги стекла...»)	175	463
«И было этим летом так отрадно...»	176	464
«Ты — верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...» . .	177	464
Вместо посвящения («По волнам блуждаю и прячусь в лесу...»)	178	466
Ночное посещение («Не на листопадном асфальте...»)	179	467
«Из-под смертного свода кургана...»	180	470
«Шелестит, опадая, орешник...»	181	471
«За плечом, где горит семисвечник...»	182	471
«Знай, тот, кто оставил меня на какой-то странице...» . .	183	472
Без названия («Среди морозной праздничной Москвы...»)	184	472
«Я играю в ту самую игру...»	185	473
«Может быть, потом ненавидел...»	186	473
При непосылке поэмы («Приморские порывы ветра...»)	187	473
«Мы больше не встречаться научились...»	188	474
«Быть страшно тобою хвалимой...»	189	474
«Оставь нас с музыкой вдвоем...»	190	474
«Чтоб я не предавалась суесловью...»	191	475
«Я не сойду с ума и даже не умру...»	192	475
«Врачуй мне душу, а не то...»	193	476
«Я выбрала тех, с кем хотела молчать...»	194	476
Сонет («Приди как хочешь: под руку с другой...») . .	195	476
«По самому жгучему лугу...»	196	476
«Чьи нас душили кровавые пальцы?...»	197	477
«И я не имею претензий...»	198	477

«Оставь, и я была как все...»	199	477
«Тополевой пушинке я б встречу устроила здесь...» .	200	477
«Быть может, презреннее всех на земле...»	201	477
«Нет, ни в шахматы, ни в теннис...»	202	478
«Пусть даже вылета мне нет...»	203	478
«И любишь ты всю жизнь меня, меня одну...»	204	478
Последняя <Из цикла «Песенки»>		
(«Услаждала бредами...»)	205	478
Письмо («Не кралось полуденным бродом...»)	206	479
«Пусть так теряют смысл слова...»	207	480
«Смерть одна на двоих. Довольно!..»	208	480
Из «Дневника путешествия». Стихи на случай		
(«Светает. Это Страшный суд...»)	209	480
Романс («Что тоскуешь, будто бы вчера...»)	210	481
К музыке («Стала я, как в те года, бессонной...») ..	211	481
«...и той, что танцует лихо...»	212	482
Памяти В.С. Срезневской («Почти не может		
быть, ведь ты была всегда...»)	213	482
В Выборге («Огромная подводная ступень...»)	214	483
«Земля хотя и не родная...»	215	485
Запретная роза («Ты о ней как о первой		
невесте...»)	216	486
«Я еще сегодня дома...»	217	486
«И это станет для людей...»	218	487
Последний день в Риме («Заключение не бывшего		
цикла...»)	219	488
(Мэчэлли) («Мы по ошибке встретили Год...») ...	220	489
«Беспамятна лишь жизнь, — такой не назовем...» .	221	489
«Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый...» .	222	490
«Напрягаю голос и слух...»	223	490
«Молитесь на ночь, чтобы вам...»	224	491
Музыке («Ты одна разрыть умеешь...»)	225	492

Из цикла «В пути» («Совсем вдали висел какой-то мост...»)	226	492
«Не напрасно я носила...»	227	493
Вместо послесловия <К циклу «Полночные стихи»>		
(«А там, где сочиняют сны...»)	228	493
«Для суда и для стражи незрима...»	229	493
«То лестью новогоднего сонета...»	230	494
«Не в таинственную беседу...»	231	495
«Пусть австралийка меж нами незримая сядет...»	232	496
«Я там иду, где ничего не надо...»	233	496
«И никогда здесь не наступит утро...»	234	497
«И странный спутник был мне послан адом...»	235	498
«Кто тебя мучил такого...»	236	498
«Что там хлопотало за дверью стеклянной...»	237	499
«А как музыка зазвучала...»	238	499
Музыка («Сама себя чудовищно рождая...»)	239	500
«Музыка могла б мне дать...»	240	500
«Я у музыки прошу ...»	241	500
«Сама Нужда смирилась наконец...»	242	500

ДОПОЛНЕНИЯ К ТОМУ 1

«По валам старинных укреплений...»	245	501
Дифирамб («Зеленой той весны не бывало еще во вселенной...»)	246	501
[А.А. Смирнову] («Когда умрем, темней не станет...»)	247	502
Александру Блоку («От тебя приходила ко мне тревога...»)	248	502
Белая ночь («Небо бело страшной белизною...»)	249	502
«Я в этой церкви слушала Канон...»	250	503

ДОБАВЛЕНИЯ К КОММЕНТАРИЯМ Т. 1

«Тебе, Афродита, слагаю танец...»	—	503
«Не чудо ли, что знали мы его...»	—	503
«Зачем вы отравили воду...»	—	503
Немного географии («Не столицей европейской...») .	—	504
«За такую скоморошину...»	—	504
Подражание армянскому («Я приснюсь тебе черной овцою...»)	—	504
Ответ («И вовсе я не пророчица...»)	—	504
«С Новым Годом! С новым горем!..»	—	504
Надпись на книге («Из-под каких развалин говорю...»)	—	505
Подвал памяти («Но сущий вздор, что я живу грустя...»)	—	505
«Так отлетают темные души...»	—	505
«Вот это я тебе, взамен могильных роз...»	—	505
Стансы («Стрелецкая луна Замоскворечье Ночь...»)	—	505
«И вот наперекор тому...»	—	506
Третий Зачатьевский («Переулочек, переул...») ...	—	506
Август 1940 («Когда погребают эпоху...»)	—	506
«Соседка из жалости — два квартала...»	—	507
Предыстория («Россия Достоевского Луна...»)	—	507
«Один идет прямым путем...»	—	507

DUBIA

«Ты к морю пришел, где увидел меня...»	252	508
«Еще к этому добавим...»	253	508
Юдифь («В шатре опустилась полночная мгла...») .	254	510

«Прикована к смутному времени...»	256	510
«Нет, с гуртом гонимым по Ленинке...»	257	510
Из Ленинградских элегий («О! Из какой великолепной тьмы...»)	258	511
 <i>Н. Королева. Анна Ахматова. Жизнь поэта</i>		
7. «Вот она, плодоносная осень...»	261	—

СПИСОК ОПЕЧАТОК,
замеченных в томе 1

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	2	3	4
Оборот титула	10 и 13	О. Остроумовой Лебедевой	А.П. Остроумовой- Лебедевой
30	9 сверху	тужусь	кружусь
35	7 сверху	vis-a-vis	vis-à-vis
95	1 снизу	Оспедалетто	Оспедалетти
113	4 снизу	смертельного	смертного
502	13 сверху	1905	1906
526	15 сверху	Бернса	Бориса
531	4 сверху	petié	pitié
543	10 сверху	первым биографом <...> Амандой Хейт	В.А. Черных в кн. первого биографа <...> Аманды Хейт
550	12 снизу	1905-е	1950-е
552	13 сверху	Марликийскому	Мирликийскому
552	18 сверху	Эдуардович	Юрьевич
628	17 сверху	Гор<одецкому>	Бр<юсову>
633	9—10 снизу	Иосифа Владими- ровича Гессена	Арнольда Ильича Гессена (1878—1976)
636	16 снизу	«Напостовцы»:	«Напостовцы» и др.:
647	17 сверху	никогда	тогда
679	14 снизу	1956	1946
689	4 сверху	Крамин	Кралин
695	9 снизу	1905	1906
699	13 снизу	31	13

1	2	3	4
735	3 снизу	Оспедалетто	Оспедалетти
740	10 сверху	Soviétique	Soviétique
728	2 сверху	вспоминает	пересказывает воспоминания очевидцев
757	4—3 снизу	Ефросиньи	Евфросиньи
769	17 снизу	Ланге	Ланг
808	9 сверху	В 1915 г. прихо- дился на 10	Приходился на 25
785	12 снизу	я холить	холить
811	8 сверху	Маранкийского	Мирликийского
815	1 снизу	Эвтерпы	Евтерпы
817	6 снизу	в Галии	в Галли
861	1 снизу	1921	1920
869	7 снизу	солнце	солнца
875	17 сверху	там	так
881	16 сверху	Foust	Faust
907	5 сверху	верстве	верстке
917	1 сверху	с. 114	с. 77
920	3—2 снизу	осенью 1914	весной 1915
	1 снизу	1944	1944—1945 год
926	7 снизу	по автографу	по записи

Ахматова А.

- А95** Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 2.
Стихотворения. 1959—1966 / Сост., подгот. текста,
коммент. и статья Н.В. Королевой. — М.: Эллис
Лак, 1999. — 528 с.

ISBN 5-88889-024-3 (т. 2, кн. 2)

В книгу 2 второго тома вошли стихотворения 1959—
1966 годов. Стихотворения расположены в хронологическом
порядке.

УДК 882А1-14

ББК 84Ря44

Ахматова Анна Андреевна
Собрание сочинений в шести томах
Том второй
Книга 2

Редактор *Т.А. Горькова*
Художественный редактор *В.Н. Сергутин*
Корректор *Н.Г. Худякова*
Набор и верстка *В.В. Смирнов*

Сдано в набор 15.05 99 Подписано в печать 26 06.99.
Формат 84х108¹/₃₂ Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая».
Усл. печ. л. 27,72 Уч.-изд. л. 26, 32. Тираж 15 000 экз.
Заказ 2682.
ЛР № 071446 от 02.06.97

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-7472. Факс: 254-2611
АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

ISBN 5-88889-024-3

9 785888 890240

